

XX ВЕК И СЕЛЬСКАЯ РОССИЯ

Выпуск 2

CIRJE Research Report Series

CIRJE-R-9

Токио

2012

ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯПОНСКОЙ ЭКОНОМИКИ (CIRJE)
ПРИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ЭКОНОМИКИ
ТОКИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

XX ВЕК И СЕЛЬСКАЯ РОССИЯ

РОССИЙСКИЕ И ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ
В ПРОЕКТЕ
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В XX ВЕКЕ»

Выпуск 2

Под редакцией Хироси Окуда

CIRJE Research Report Series
CIRJE-R-9
Токио
2012

Предисловие

Семь лет назад мы, японские исследователи истории российского крестьянства, опубликовали сборник статей под названием «XX век и сельская Россия». Сборник стал одним из результатов русско-японского научного сотрудничества, в котором в течение ряда лет участвовало около десяти ученых с российской стороны. Сборник получил известность и благожелательные отклики в России.

Настоящее издание является свидетельством того, что наша совместная работа продолжается. Оно представляет материалы международной конференции, состоявшейся 26 ноября 2011 г. в Центре международного сотрудничества для исследования японской экономики (CIRJE) при Высшей школе экономики Токийского университета. В предлагаемом сборнике помещены, помимо статей докладчиков, еще две статьи, написанные специально для него профессором М. Кимура и доктором Ю. Такэда. Кроме того, - отмечу с большой радостью, - профессор Н. Рогалина по нашей просьбе также подготовила для этого сборника свою статью.

До сих пор конференции и семинары с участием русских коллег не только углубляли наши представления о значимости вопросов, затронутых каждым из участников, и расширяли ограниченный кругозор, которому мы, иностранные исследователи, нередко поддаемся. Они способствуют сокращению дистанции между японскими исследователями и ученым миром России в целом. Поэтому хочется высказать пожелание о продолжении русско-японского сотрудничества и в дальнейшем.

Данная книга публикуется в качестве одного из томов в серии исследовательских докладов CIRJE. Все труды серии, в том числе

и наш прежний сборник, доступен в сети Интернет:

http://www.cirje.e.u-tokyo.ac.jp/research/03research_report_j.html

На этом сайте в ближайшем будущем тоже будет представлен и настоящий сборник.

Существенную помощь в проведении прошлогодней конференции и публикации ее материалов оказали профессор Т. Судзуки (университет Васэда), профессор К. Нобэ (университет Сэнсю) и Ю. Такэда. Выражаю им сердечную благодарность.

Январь 2012 г. Хироси Окуда
Профессор Высшей школы экономики
Токийского университета

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Ирина Кознова

Исторические перемены в России и трансформация
крестьянского сознания в XX веке 1

Наоко Хироока

Государство – врач – крестьянин: история становления
сельского здравоохранения в дореволюционной России 33

Чой Джаедонг

Земские противопожарные мероприятия
в сельской России начала 20 века 65

Дзэндзи Асаока

Крестьянская печать и общественность в нэповской советской
деревне: сельский корреспондент как деревенский актив 110

Масанори Кимура

Роль партийной фракции в корпоративном управлении
в период НЭПа 130

Галина Доброноженко

«Кулаки» как результат властной номинации 149

Нина Рогалина

Коллективизация в свете новых документальных
публикаций и современной историографии 186

Виктор Кондрашин

Механизм возникновения голода в СССР
в начале 1930-х гг. 232

Юка Такэда

Структура занятости на селе и личное подсобное хозяйство
в период экономического роста в России 250

Сведения об авторах

Исторические перемены в России и трансформация крестьянского сознания в XX веке

Для России XX век стал периодом глубинных политических, социально-экономических и культурных трансформаций. На протяжении столетия она превратилась из сельской в преимущественно городскую страну.

В последнее десятилетие происходит переосмысление отечественного модернизационного опыта с учетом того, что в XX в. теории модернизации претерпели эволюцию, пройдя путь от линейной модели прогресса к представлениям о многомерности исторического процесса, от экономцентризма к признанию значительной роли антропологического, социокультурного фактора и от западоцентризма и вестернизации к пониманию конструктивной роли самобытного социокультурного наследия незападного мира¹. В широком плане модернизация понимается как освобождение личности, создание гражданского общества, демократизация; в более узком – как переход от традиционного аграрного общества к индустриальному урбанизированному².

В исторической науке исследование модернизации российского аграрного общества является динамично развивающимся направлением. Благодаря привлечению нестандартных источников, значительного массива архивных документов, их новому

¹ См.: Федотова В.Г. Модернизация «другой Европы». М., 1997; Зарубина Н.Н. Хозяйственная культура как фактор модернизации. М., 2000. Деп. в ИНИОН РАН.

² Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Под ред. Г.А. Бордюгова. Пер. с япон. и англ. М., 1999; Сенявский А.С. Урбанизация России в XX в.: Роль в историческом процессе. М., 2003.

прочтению, социально-культурные сдвиги в российской деревне видятся более объемно и многопланово. Изучение этих процессов в аспекте крестьянского сознания представляется важным и актуальным, поскольку именно понимание крестьянства как исторического субъекта выдвигает на первый план необходимость разработки аграрной проблематики с точки зрения изменений его сознания. Цель настоящей статьи – показать основные тенденции трансформации сознания русского крестьянства за прошедшее столетие. Под крестьянами автором понимаются жители деревни, занятые производством сельскохозяйственной продукции, и учитывается существование несомненных различий между традиционным единоличным хозяином, колхозником и современным сельским жителем. Собственно, эти различия и являются предметом обсуждения. В то же время имеется в виду, что в любом случае сохраняется преемственность хозяйственной практики, которая ведется на границе природного и социального, – то есть того, что маркирует именно крестьянство.

В начале прошлого века

Если вести речь о сознании русских крестьян на момент начала активной модернизации всех сфер общественной жизни в начале XX в., то ему были присущи некоторые устойчивые компоненты, заданные ритмами земледельческой культуры, которая носила ярко выраженный характер выживания³. Жизнь крестьянина определяли ритуальный тип организации культуры и памяти, а также ритуальная стратегия поведения. Крестьянская религиозность в форме «народного православия» имела специфические черты «обрядоверия». Профанно-сакральное единство народной жизни выражали понятия «обычай» и «по-

³ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства // XX век и сельская Россия. Под ред. Хироси Окуда. Токио, CIRJE Research Report Series. CIRJE-R-2. 2005. С. 7-9.

Исторические перемены и трансформация сознания

рядок». Модель жизненного успеха русского крестьянина содержала в себе стремление прожить жизнь в умеренном труде, здоровым, в скромном достатке, в соответствии с обычаями и традициями предков; по правде, совести, справедливости, имея большую семью, пользуясь уважением односельчан, не совершая много грехов. Полнокровной и насыщенной была жизнь сельского прихода. Существовала вера в «добротого царя».

При этом силой традиции эти ценности преемственно, без нарушений и отклонений, должны были переходить от поколения к поколению: прошлое наделялось позитивными чертами и выступало в качестве эталона хозяйственной практики, в ходе которой наследовался крестьянский этос. Центральным образом крестьянской коллективной памяти являлась «власть земли». Хозяйствование на земле воспринималось крестьянством как духовная миссия, неотделимая от образа жизни, в который органично включались с раннего детства; как нравственная обязанность перед памятью прежних поколений. Время воспринималось крестьянством циклически, нормальным ходом вещей была повторяемость и неизменяемость мира в рамках своего локального сообщества. Хотя нормативность распространялась на все стороны уклада русского крестьянства, следует подчеркнуть вариативность и многообразие проявлений традиционной культуры в того или иного региона.

Крестьянам был присущ патернализм, прагматический подход к власти и вере. Их отличало потребительское отношение к земле, собственности в целом и к труду. Противоречиво воспринималось богатство. В крестьянской среде не одобрялось преуспевание за счёт другого, существовало убеждение, что накопление не должно быть самоцелью. Вместе с тем, порицались бедность и лень. Негативно смотрел крестьянин на ростовщичество и прибыль, с подозрением относился к занятиям торговлей. Крестьянскому сознанию было свойственно настороженное либо пренебрежительное отношение к новшествам, осуждение личной инициативы, скепсис в отношении образо-

вания, агрономической помощи и официальной медицины⁴. Приоритетным считалось экстенсивное развитие. Большую силу имели слуховые формы коммуникации. Кредо крестьян Пензенской губернии Пензенской губернии Инсарского уезда: «Если будешь делать все по старине, судьба будет тебе помогать, а по-своему – тогда на судьбу не жалься» – точно выражало ценности всего крестьянского мира⁵.

Хотя исследователями отмечается неравномерность обусловленного модернизацией ускорения хода социального времени в начале XX в. для различных групп общества и известную приверженность традиционной культуре подавляющей части крестьянства, новые ценности проникали и в деревенскую среду. Происходил распад патриархальных отношений, повышалась роль малых семей, молодежи, женщин в общественных и общинных делах. Возрастала мобильность сельского населения, расширялось влияние городской материальной и духовной культуры. В крестьянах сильнее проявлялось чувство личности, независимости, особенно заметное в общинах, имевших тесные связи с городом благодаря отходникам; в поведении наблюдался рост рационализма («умственности»), прагматизма, расчетливости, эгоизма. В деревне росло понимание выгоды и торговой прибыли, что влияло на отношение крестьян к земле, труду на ней и собственности.

Переход России от традиционного аграрного общества к индустриальному урбанизированному сопровождался раскрестьяниванием. Раскрестьянивание подразумевает во-первых,

⁴ Громыко М.М. Мир русской деревни. М.,1991; Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. М.,1993; Ледовских Н.П. Обыденное сознание россиян XVIII-XIX веков. СПб., 2001; Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.,2002; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1- 2. СПб., 2003; Русские Рязанского края. Отв. ред. С.А. Иникова В 2-х тт. Т.1. М., 2009. С. 128-129.

⁵ Бернштам Т.А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX- начала XX века. Л., 1988. С. 13.

Исторические перемены и трансформация сознания

количественное убывание крестьянства из состава сельских жителей; во-вторых, существенную трансформацию хозяйственного, жизненного уклада и внутренней социальной природы крестьянства. Раскрестьянивание - объективный процесс. Оно происходит в индустриальном обществе, независимо от вмешательства политических структур, которое может быть различным по направлениям, формам и результатам. В первой четверти XX в. капиталистическое раскрестьянивание по типу сельские буржуа-пролетарии не стало определяющим фактором социальной жизни. В начале XX в. сельское население составляло абсолютное большинство, к концу 1926 г. – более трех четвертей (82%). В советских условиях раскрестьянивание происходило ускоренными темпами. По переписям, в 1939 г. на долю жителей села приходилось 67%, в 1959 г. – 48 %, в 2002 г. – 27 % (доля населения, занятого в сельском хозяйстве – 15,6 %). Если по переписи 1926 г. на долю тех, кому было меньше 25 лет, приходилось в деревне 59,3% (на момент коллективизации эта группа включала не менее двух третей сельского населения), то в 2002 г. 60% взрослых, живущих на селе, - это люди старше 40 лет, треть – старше 55 лет⁶.

Реакцией на индустриально-рыночную модернизацию страны стала в начале XX в. крестьянская революция, отразившая рост самосознания русского земледельца, его стремление преодолеть чувство хозяйственной и социальной неполноценности. Это выражалось в требовании политических прав и свобод, признании ценности образования. При этом крестьянское сознание стало ареной столкновения двух начал – архаики и модернизма, общинной солидарности и индивидуализма. Перемены дали импульс формированию разных типов сознания и памяти, разных ценностных представлений в сельской среде.

⁶ Вербицкая О.М. Население российской деревни. М., 2002; Гудков Л., Дубин Б. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 33.

Один тип ориентировался на стратегию выживания, общинное начало и был преобладающим, другой – на нововведения, развитие, интенсивное хозяйствование в рамках общины и чаще – вне её. Последний был ориентирован на активность и независимость, его позиция состояла в том, чтобы «самому за себя думать и самому пробивать для себя дорогу», «возможность самому устроить жизнь и хозяйство». Оба типа сознания отличало активное трудовое начало при разной степени вовлечённости в товарные отношения. Третий тип был готов порвать с крестьянствованием⁷.

Вхождение крестьянства в рынок сопровождалось нарастанием конфликтности в деревне, дезинтеграцией сельского мира. Исследователи обращают внимание как на «истощение религиозного чувства», так и на усиливающиеся процессы десакрализации монархии. Перемены в сознании вели к конфликту поколений, «противостоянию культур», служили почвой для аномии, постепенного разрушения сельского уклада⁸.

Войны и революции начала века стимулировали формирование опыта вне привычного крестьянского порядка. Этот опыт имел как позитивное содержание – расширение знаний и кругозора, так и негативное – девиантное поведение,

⁷ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 9-11; Кознова Ирина. Историческая память русских крестьян в XX веке // 20 сэйки Росиа ноемин си. Токио: Сякайхёронся, 2006. С. 67-68.

⁸ Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. М., 1999; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период первой мировой войны (1914-март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Леонов С.В. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901-1917 гг.) // Ментальность в эпоху потрясений и преобразований. Сб. ст. М., 2002. С. 95-173; Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX-начале XX в. М., 2002; Миронов Б.Н. Социальная история России; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX-начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008; Булдаков В. П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е., доп. М., 2010.

Исторические перемены и трансформация сознания

рост социальных преступлений. Получила распространение «привычка братья за оружие». За годы аграрной революции сформировался устойчивый образ «врага», который впоследствии актуализировался в годы «великого перелома».

Крестьянская революция приняла характер «общинной революции», которая невольно вовлекала крестьян в состояние «войны против всех», усиливала проявления архаики и локализма, мифологизма в сознании. Крестьяне стремились «справедливо» поделить землю и стать «вольными хозяевами на вольной земле». В этом уже изначально был заложен конфликт между крестьянством и большевиками, проявившийся сначала в повстанческом движении периода Гражданской войны, а затем в годы «великого перелома».

Преемственность и перемены в деревне: новый этап

Нэповскую деревню отличало противоречивое взаимодействие моментов стабильности и динамики, преемственности и перемен, усиление общинных настроений и одновременная потребность преобразования сложившихся устоев жизни, что дало основание современникам характеризовать состояние деревни как «старое в новом и новое в старом»⁹. По данным историко-этнографических исследований в Рязанском крае, происходившая после 1917 г. смена укладов шла очень медленными темпами и растянулась более чем на полвека¹⁰. Традиции и новации существовали и действовали неравномерно в разных сферах жизни деревни.

Можно вести речь о рациональности и прагматичности мировосприятия, характерного для большинства сельских жителей эпохи нэпа, о преодолении замкнутости, росте общественных интересов и потребностей, заинтересованности в гарантиях

⁹ Золотарёв Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919-1925 гг.) // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 1. Л., 1926. С. 143-158.

¹⁰ Русские Рязанского края. Т. 1. С. 509.

хозяйственной стабильности¹¹. Крестьянство было нацелено на развитие собственного хозяйства с ориентацией на рынок и кооперирование. В условиях нового политического строя в системе крестьянских взглядов сохранялся приоритет трудовой этики, обычаи и нормы трудового права, которые были основой крестьянского порядка. Документам крестьянского происхождения присуща апология трудолюбия, при этом уважался нажитый трудом достаток¹².

«Модернизаторский» тип сознания выражал недовольство общинными порядками. Его возрождение в 20-е гг. стало свидетельством социокультурных сдвигов, наметившихся в деревне еще на рубеже XIX-XX вв. Занятие сельским хозяйством становилось проблемой личного выбора («не община плоха, а мы нехороши»). Новые потребности определяли мотивацию интенсивного хозяйствования; в ходу было понятие «рациональная культурность», хотя слой зажиточных, «передовых», «хозяйственных мужичков» формировался медленно.

При этом несомненно двоякое воздействие «цивилизующее» влияния города на сознание крестьянства. Признание преимуществ города порождало у части крестьян стремление, следуя за ним, изменить быт деревни, придать хозяйственному строю динамичность благодаря использованию агрономических новаций и повышению товарности хозяйства, участию в сельскохозяйственных выставках. Отходничество в город, в зависимости статуса и имущественного состояния крестьянского двора выступало как способ его поддержки и/или интенсификации, так и как альтернатива единоличному хозяйствованию.

Однако в деревне оставались сильными и другие настроения – нежелание крестьян что-либо менять. Особенное влияние «прошлой школы жизни», «школы выживания» на сознание и

¹¹ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 11-13.

¹² Кознова Ирина. Историческая память русских крестьян в XX веке. С. 69.

Исторические перемены и трансформация сознания

поведение крестьян выражалось в стремлении следовать «заветам отцов».

Значительная часть сельского населения сохраняла свою привязанность к «народному православию», прежде всего старшее поколение и женщины; при этом отмечался рост сектантства. Внешние признаки атеизма особенно были характерны для актива деревни, коммунистов, комсомольцев, в целом молодёжи, а также в какой-то мере для членов коммун. Но этот атеизм был стихийным, и безбожие нередко сочеталось с суеверием.

В социальных представлениях крестьянства периода 1920-х гг. прослеживается взаимодействие в них трудовой этики и уравнивательных тенденций («Ну какие у нас кулаки, мы все крестьяне»).

Приоритет крестьянского физического труда с его предметностью проявлялся в утилитаризме крестьян во взглядах на умственный труд и образование. Пользу грамотности крестьяне понимали в скромных размерах и чисто практически («Отцы были неграмотны, а хлеб ели... мы люди рабочие, нам некогда заниматься этим бездельем»). Эгалитарные устремления крестьян были ориентированы главным образом за пределы деревни. Объектом «ревности» выступали горожане как таковые, а конкретнее – служащие, интеллигенция, партийцы, вообще – «люди с портфелем», рабочие. Подобная «ревность» служила выражением реакции на различные нарушения социальной справедливости.

Развитие политической культуры крестьянства нашло выражение в определенном расширении его общественного кругозора, проявлениях интереса к политической жизни, к источникам информации (прессе, лекциям, беседам и т. п.)¹³. Обще-

¹³ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1997. С. 97, 98, 115-116, 124-129, 136, 242; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001. С. 80-94.

ственная активность крестьянства была важным индикатором его политической культуры, принимала различные формы: участие в избирательных кампаниях, членство в различных общественных организациях; письменные обращения во власть; участие в многочисленных дискуссиях, организованными редакциями газет и журналов, Центральным домом крестьянина; селькорство; написание воспоминаний о революциях и войнах; участие в процессе конструирования нового образа прошлого; получение образования и намеренный разрыв с деревенской культурой; включение во власть.

Для крестьянского сознания периода нэпа характерно противоречивое восприятие власти. Наряду с кризисом доверия к власти, особенно местной, ему была свойственна и идеализация высших инстанций, надежда на «благодетельное» вмешательство «верхов».

При этом крестьянство, претендуя на активное и неформальное участие в управлении страной, все сильнее ощущало свое отторжение от власти и несправедливость государственной политики относительно деревни; звучали заявления, что советская власть «обманула, обещала золотые горы, а страна оказалась у разбитого корыта», что она «топит и душит» крестьянина¹⁴. Произошли серьезные перемены крестьянского восприятия жизни и своей будущности, сильнее стали ощущения крестьянской «второсортности»¹⁵. Основная масса крестьян вообще все больше теряла заинтересованность в развитии хозяйства и стимулы к труду: «у мужика сейчас существует глу-

¹⁴ Голос народа. С. 71-142, 188-256; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Лл. 2-11, 37-41, 99-101; Д. 857. Лл. 50-52, 224-227; Д. 858. Лл. 59-65; Оп. 85. Д. 19. Л. 140 и др.; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 23. Лл. 386-387.

¹⁵ Грациози А. Великая крестьянская война. М., 2001. С. 41; Ковалев Д.В. Политическая дискриминация российского крестьянства в условиях становления советской системы власти // Аспекты русского мира: культура, история, политика и экономика. С пред. проф. Такэо Судзуки. Токио: Университет Васэда, Институт российских исследований, 2010. С. 69; Роголина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 86-87.

Исторические перемены и трансформация сознания

бочайшая убежденность, что ему нельзя не только богатеть, но и вообще “жить хорошо”». Наиболее ярким проявлением недовольства было требование крестьянских союзов. Среди социальных низов деревни были сильны антинэповские настроения, хотя их основой была трудовая память: «Мое предложение таково: все, что нажито чужим потом и кровью, должно быть отобрано в государство». Получала в деревне поддержку и идея о том, что нужно «сделать крестьян как рабочих».

Пока существовал традиционный крестьянский уклад, сохранялись и условия для воспроизводства преемственности образа жизни. Вместе с тем, стала более заметной наметившаяся с дореволюционного времени и усилившаяся с приходом к власти большевиков эрозия патриархальных устоев деревни, традиционных отношений между различными поколениями («замки домо строя сорваны, ребята освобождены и не слушаются родителей»). Под ее влиянием формировался новый тип молодёжи, преимущественно из батрацко-бедняцкой среды, настроенной пренебрежительно в отношении крестьянских традиций и ценностей, нацеленный на карьеру, миграцию в город¹⁶. В канун «великого перелома» его кредо было «стереть с земли все кулачье».

Исследователями отмечается, что в конце 1920-х гг. в российской деревне возникла ситуация социокультурного раскола¹⁷. Пока действовал нэп, крестьяне в целом лояльно относились к советской власти, а недовольства носили пассивный и

¹⁶ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск, 2001. С. 116-125; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 21; Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917-1932 гг. М., 2010. С. 61-62; Булдаков В.П. Указ. соч. С. 533, 535.

¹⁷ Кузнецов И.С. Указ. соч.; Шаповалова Н.Е. Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян Европейской части России (1921 - 1927 гг.). Армавир, 2001; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 172, 175-188; Лившин А.Я. Указ. соч. С. 303-308.

мирный характер. Однако с изменением в конце 20-х гг. политики по отношению к деревне их поведение стало меняться. На коллективизацию крестьянство ответило массовым протестом (слухи, побеги, различные акции неповиновения и саботажа, «разбазаривание», террор), вплоть до вооруженных восстаний, включая «бабьи» («сарафанные») бунты¹⁸. Насилие над крестьянами продолжалось и после их вступления в колхоз. Однако самой распространенной формой протеста стали жалобы в различные инстанции. Под влиянием репрессивной политики режима типичным для крестьянских масс становится мнение: «Так хочет власть, а против власти не пойдешь».

Колхозная деревня между традицией и новацией

В ходе «социалистического наступления» 1930-х гг. основной удар государства был направлен на индивидуальное крестьянское хозяйство и традиционный уклад жизни сельского населения с целью «цивилизовать» его и сформировать новое, принципиально отличное от прежних, поколение крестьян-колхозников. Между тем, как подчеркивает Н.Л. Рогалина, акцент был сделан на принудительности колхозного труда и этатизации¹⁹. Действительно, со сплошной коллективизацией начался процесс огосударствления колхозов, которые стали встраиваться в систему плановой экономики и командно-административного управления. И хотя процесс огосударствления постепенно охватывал одну сферу сельской жизни за другой, в целом, как отметил В.А. Бондарев, осуществленная в 1930-х гг. модернизация аграрной сферы, став ускоренной, приобрела характер фрагментарной²⁰.

¹⁸ См. подробнее: Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

¹⁹ Рогалина Н.Л. Указ. соч. С. 137-138.

²⁰ См.: Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни. Ростов-на-Дону. 2005.

Исторические перемены и трансформация сознания

Стоит подчеркнуть, что две составляющие модернизации - социально-экономическая, связанная с трансформацией производственных сил деревни, отношений собственности и социальной структуры, и социально-культурная, определяемая изменениями сознания и образа жизни, – расходились во времени в своём влиянии на деревенскую массу.

Документы этого периода позволяют отметить изменения в деревне, связанные с механизацией трудового процесса; появлением нового типа работника аграрной сферы, способного достигнуть высокой производительности труда; развитием социальной инфраструктуры; повышением грамотности, ростом влияния радио, газет и кино, увеличением числа культурно-просветительных учреждений. В деревне складывалась подконтрольная власти культура.

При этом традиционная сельская культура сохраняла своё ценностно-смысловое ядро, направленное на поддержание коллективной идентичности, социальных приёмов «жизни вместе». Общественное сознание крестьянского мира еще хранило в своей коллективной памяти те культурно-бытовые и ритуально-праздничные модели поведения, что были приняты ранее жившими поколениями. Так, материалы по Рязанской обл. показали, что вплоть до середины 1960-х гг. сохранялась преемственность отдельных сторон хозяйственной практики, быта и культуры колхозной деревни с деревней единоличной, особенно в центральных и южных районах области, традиционно теснее связанных с земледелием. Разные составляющие крестьянского уклада проявили разную скорость и степень затухания. Разрыв преемственности с традиционным крестьянским укладом сильнее всего затронул производственную и семейно-брачную сферу. В то же время, прикреплением колхозника к земле и искусственным поддержанием натурально-потребительского харак-

тера колхозного двора, советская власть способствовала консервации отдельных сторон традиционной культуры²¹.

Новые формы социальной организации деревни, предложенные коллективизацией, были адаптированы к интересам колхозников, сохранявшим потребность в социальном институте, который бы обеспечивал выживание сельского общества. М.Н. Глумной представляется, что колхозы взяли на себя часть функций по обеспечению выживания сельского общества, то есть в этом плане их можно рассматривать как наследников общины, как некий барьер на пути огосударствления²². Принцип «колхоз-село», то есть сохранность тождественности членства в обществе, стала базой для сохранения у членов колхоза «мирского» принципа выживания. На всём протяжении 30-х гг. среди колхозников имели значительное распространение «уравнительные настроения». Сначала (и прежде всего) они проявлялись на бывшей надельной (обобществлённой) земле: в организации общественного труда колхозников и распределении доходов, в стремлении разделить полученный колхозом доход не по результатам трудового участия и выработки, а поровну, с учётом не работников, а едоков. Последний принцип был несовместим с хлебосдачей как государственной повинностью колхозов. Для колхозников было характерно стремление начинать работу сообща; в значительной части вновь организованных колхозов существовали т. н. «бригады-дворки» (фактически, расширенные крестьянские семьи). В колхозах существовали различные каналы уравнительного распределения доходов, тем самым колхозники могли получать от колхоза средства, используя старые уравнительные традиции общины. В организации трудового дня в колхозах, смены рабочего ритма и отдыха колхозники руководствовались привычкой и сложившимися традициями, собственными приоритетами. Освобо-

²¹ Русские Рязанского края. Т. 1. С. 134-162.

²² М. Глумная. Колхозы, крестьянство и власть на Европейском Севере России в 1920-1930-е гг. // 20 эйки Росиа ноумин си. С. 524.

Исторические перемены и трансформация сознания

дившееся время они использовали в интересах своего двора. Сохранялись традиции распределения мужского и женского труда в сельхозработах; активно использовался труд детей и подростков²³.

Основная часть населения деревни к началу 1940-х гг. оставалась верующими, несмотря на активную борьбу власти с «пережитками в сознании и поведении»²⁴. Старые религиозные праздники по-прежнему отмечались в деревне. Более того, исследователями отмечается, что и ритм сельскохозяйственных работ в колхозах во многом зависел от религиозных праздников (а также базарных дней и ярмарок). Хотя под влиянием ряда обстоятельств, прежде всего ухудшения материального положения крестьян, а также официальной антирелигиозной пропаганды, происходило свёртывание и упрощение праздничного действия, праздники в их народном варианте соблюдались. Правда, религиозная составляющая деревенских праздников всё больше замещалась «гуляньем» с коллективными трапе-

²³ Труд и быт в колхозах. Сборник первый. Из опыта изучения колхозов в Ленинградской области, Белоруссии и Украине. Л., 1931. С. 90-104; Маслов Сергей. История и жизнь колхозов. История и жизнь колхозов. Значение для с.-хозяйства, крестьянства, государства. Природа, эволюция и будущее. Берлин, 1937. С. 215; Чугунов Т.К. Деревня на Голгофе. Летопись коммунистической эпохи: от 1917 до 1967 г. Мюнхен, 1968. С. 178-179; Окуда Х. Процесс становления колхозов: конец общин в России. Токио, 1990 (на япон. яз.); Холмс Л. Социальная история России: 1917—1941. Пер. с англ. Ростов-на-Дону, 1994; Ильиных В.А. Предисловие // Политика раскрестьянивания в Сибири: Хроникально-документальный сб. Вып.1. Новосибирск, 2000. С.3-6; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; Маннинг Р. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны // Отечественная история. 2001. № 5. С. 88-106; Мацузато К. Индивидуалистские коллективисты или коллективистские индивидуалисты? Новейшая историография по российским крестьянским общинам // Новый мир истории России. М., 2001. С. 189-201; Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и крестьянская Россия. Токио, 2005. С. 265-285; Глумная М. Колхозы, крестьянство и власть на Европейском Севере России в 1920-1930-е гг. С. 528.

²⁴ Большевик. 1937. № 4. С. 32.

зами и возлияниями спиртного. При этом одни исследователи усматривают в данном поведении колхозников разные социальные смыслы: форму сопротивления власти²⁵, форму поддержания сельской солидарности²⁶, форму социального иммунитета²⁷. Последние две формы, на наш взгляд, близки между собой, выражая способы социальной адаптации крестьянства к колхозной системе.

Годы становления колхозного строя стали одновременно и временем деградации культуры крестьянского труда и деморализации земледельца. Это проявилось, прежде всего, в равнодушии колхозников к орудиям труда, предмету и результатам своей деятельности, в снижении качества сельскохозяйственных работ. В основе этого явления лежали как постепенное утрачивание сельчанами чувства хозяина на земле, так и низкий уровень потребностей. Разрушающее воздействие коллективизации на крестьянский уклад касалось даже не обобществления земли в результате коллективизации, поскольку колхозники (как прежде – общинники) воспринимали землю данного селения как свою, а сознание, что колхозная земля принадлежит каждому, работавшему на ней, сохранялось долго²⁸. С точки зрения С.А. Иниковой, огромный удар по крестьянскому менталитету и отношению к труду был нанесен тем обстоятельством, что рабочей ячейкой на колхозном поле в конечном счете явилась производственная бригада, а не семья. Такая организация труда в корне подорвала основной принцип традицион-

²⁵ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С.231-233.

²⁶ Глумная М.Н. Колхозы и власть на Европейском Севере России в 1920-1930-е гг. // Актуальные проблемы экономики и управления: теория и практика. Вологда, 2005. С.163-175.

²⁷ Осокина Е.А. О социальном иммунитете, или Критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 387-406.

²⁸ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 13-14.

Исторические перемены и трансформация сознания

ного крестьянского хозяйства – семейную трудовую кооперацию. Если община являлась сообществом крестьянских дворов (т.е. хозяйствующих семей), то колхоз – сообществом производственных бригад, что совершенно противоречило сущности устройства крестьянского мира²⁹. Следует отметить также, что в колхозах постепенно происходило становление и углубление профессиональной специализации, в то время как крестьянин по своей сути был универсалом.

У колхозников возникало болезненное раздвоение ранее циклически целостного времени на «время-труда-для себя» и «время-труда-на колхоз» (выражение М.Н. Глумной). Получили развитие различные формы крестьянского протеста – от невыхода на работу и воровства из общественного хозяйства до бегства из деревни³⁰. Документы фиксировали критичное отношение деревни к власти, которую колхозники сравнивали со «вторым крепостным правом (большевиков)», и к колхозам, отождествлявшимся ими с «новой барщиной». Сложилась мифология крестьянского порядка – единоличной жизни, которая представлялась вполне гармоничной, в соответствии с народной формулой «земли и воли»³¹.

Такие традиционные черты крестьянской психологии, как предприимчивость, хозяйское отношение к делу, инициативность, реализовывались преимущественно в работе на приусадебных участках. Это свидетельствовало о существовании т.н.

²⁹ Русские Рязанского края. Т. 1. С. 146-147.

³⁰ Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х-1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81-99; Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума. С. 265-273; Бондарев В.А. Указ. соч. С. 434-439.

³¹ Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002. С. 347-348, 355-356, 359; Кознова И.Е. Сталинизм и память русских крестьян // Аспекты русского мира: культура, история, политика и экономика. С пред. проф. Такэо Судзуки. Токио: Университет Васэда, Институт российских исследований, 2010. С. 84-85, 88.

«двойного стандарта» в сознании и поведении колхозников. При этом «мирской» принцип уравнительного распределения земли переносился на усадьбы колхозников³².

Существовало расхождение между ожиданиями власти, нацеленной на уровень культуры труда, соответствующий представлениям индустриального общества, и крестьянским «предложением», ориентированным на традиции, на возможности и потребности семьи. Ростки нового «современного» (индустриализированного труда) представляло лишь сравнительно небольшое число ударников, стахановцев и прочих «передовиков» сельского хозяйства. Они не могли переломить общую ситуацию в деревне.

Конструируя новую колхозную идентичность, власть поддерживала и развивала некоторые фольклорные традиции, ориентировала на связь с патриотическими и демократическими традициями прошлого. Анализ советской истории показывает активное участие рядовых граждан в мифологизации текущих событий, что способствовало оформлению новой нормированной культурной памяти, основанной на архаичных образцах³³. В деревне постепенно формировалось новое поколение крестьян-колхозников, воспринимавших советскую власть и коммунистическую партию в качестве авторитетов и носителей мечты о «светлом будущем». Показательно восприятие понятия «хорошая жизнь» разными группами деревни. Так, в понимании рядовых колхозников, женщин и стариков она сводилась к тому, что «пока здоровы и не голодны», «в тепле и сыты»³⁴. Для колхозной элиты, механизаторов, передовиков (включая женщин) понятие «хорошей жизни» не укладывалось в подобные узкие

³² Окуда Хирози. О переделе приусадебной земли в российской деревне // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI века. Коломна, 2007. С. 226-236.

³³ Прежде и теперь. Рассказы рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции о своей жизни при царизме и при Советской власти. М., 1938.

³⁴ Зензинов В.М. Встреча с Россией. Нью-Йорк, 1944. С. 283-557.

Исторические перемены и трансформация сознания

рамки. Она была связана с обретением нового стиля жизни, соответствующего канону «советского человека»: идеального, здорового, идеологически выдержанного, соревнующегося в труде, проводящего свой досуг «культурно»³⁵. В то время как на 1000 работающих колхозников приходилось в 1939 г. лиц с высшим и средним образованием 17 человек (для сравнения: в середине 1960-х гг. – 230 человек на 1000 работающих)³⁶, а общий образовательный уровень колхозников, включая колхозную верхушку, был невысоким, ценность образования, причём, в качестве альтернативы крестьянскому труду и сельской жизни, в деревенской среде повышалась³⁷.

Война двояко повлияла на сознание крестьянства. Она стимулировала настроения в пользу роспуска колхозов. Отмечался рост самосознания крестьян. Письма в Совет по делам колхозов содержали предложения о созыве съезда колхозников «для широкого обсуждения на нём всех выдвинутых кровных колхозному крестьянству вопросов»³⁸. Изменение демографической ситуации, рост роли женщин способствовали консервации традиционализма деревни. Получила новый импульс практика «едоцкого» уравнивания усадеб.

³⁵ Волков В.В. Концепция культурности, 1935-1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С. 194-213; Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 160-161; Фирсов Б.М. Советская и постсоветская культура в исторической динамике: модернизация и культурная дифференциация // Культуральные исследования. Сб. научных работ. СПб., 2006. С. 40-58.

³⁶ Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 227.

³⁷ Шуваев К.М. Старая и новая деревня. М., 1937. С. 18-20; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 258-260.

³⁸ Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. С. 42; Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953). Сб. документов. М., 1993. С. 181-193; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С. 61-69.

С середины XX столетия модернизационные процессы ускорились. Рост городов, расширение информационного пространства сопровождалось распространением урбанистических стандартов. Урбанизационные процессы в деревне совпали с вступлением во взрослую жизнь нового поколения, в большей степени ориентированного на городские ценности и нормы. Пространство социального применения традиции сузилось, более активным стал процесс вытеснения традиционной народной культуры. Влияние городских потребительских стандартов и массовой культуры стало более интенсивным, а сам крестьянский уклад на протяжении предшествующих десятилетий в значительной степени растерял многие свои компоненты и скрепы, прежде позволявшие ему противостоять тенденциям урбанизации. И если поначалу традиционное сознание приспособляло город к своим интересам, оказывая сильное давление на городскую среду, то в ходе последующей урбанизации сельская патриархальность интенсивнее вытеснялась городским индивидуализированным сознанием.

«Цивилизующее» влияние города, подрывающее традицию и ремесло, деревня всё активнее испытывала с 1960-х гг. Образование, прежде всего - высшее, утвердилось в качестве одной из ценностей сельского социума. Образовательный уровень колхозников, особенно женщин, заметно повысился. Одновременно увеличилась социальная и территориальная подвижность сельского населения, а также активная миграция в города. Урбанизации сельского сознания способствовали переход на денежную оплату труда, наступление индустриальной эпохи в сельском хозяйстве, перевод колхозов в совхозы, ликвидация неперспективных деревень, интеграция личного подсобного хозяйства в колхозно-совхозное производство, общее падение религиозности, уход из жизни поколений, воспитанных в традиционной культуре, изменение семейных и социальных отношений в деревне. Перечисленные процессы привели к сокращению сельского населения, его постепенному «старению», сни-

Исторические перемены и трансформация сознания

жению абсолютной численности и доли крестьянства в социальной структуре села. Демографическое развитие городской и сельской семьи сблизились, социальной нормой на селе стала простая нуклеарная семья, хотя село оставалось в 1980-е гг. более традиционным в семейном отношении³⁹.

Однако у села существовал «предел впитывания» городской модернистской культуры. Преобладающими стали прежде всего городские стандарты потребления. Устойчивая, достаточная оплата труда в колхозах и совхозах вселяла в сознание сельчан уверенность в завтрашнем дне; отмечался рост вкладов в сберкассы. Этот фактор, наряду с присущим сельским жителям стремлением не отстать от других, выглядеть не хуже, стимулировал потребление и потребительское накопление. У большинства преобладали запросы в предметах материального потребления; потребление духовного порядка и вложение в него денежных средств, включая траты на детей, имело гораздо более низкий ранг.

Для второй половины XX в. слово «деньги» является одним из ключевых для понимания происходящего в крестьянском мире. Так, получение зарплат, можно сказать, перевернуло мирознание советского земледельца. Как показывают исследования по Рязанскому краю, это был действительно, новый сильный удар по трудовой мотивации. С переходом на выплату зарплат и пенсий весь традиционный уклад жизни пошатнулся: формализовалось отношение к земле и труду на ней; несмотря на ряд налоговых и прочих преференций, стало сворачиваться

³⁹ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950-1965 гг. М.; Вологда, 1991; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: От Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Долгов В.М., Вилков А.А., Михайловский И.Ю., Москвитина Р.А. Социальная эволюция крестьянства в 60-80-е годы (на материалах областей Поволжья). Саратов, 1993; Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60-80-е гг. М., 1995; Она же. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е гг. М., 1996; Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946-1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002.

приусадебное хозяйство; стали быстро исчезать традиционные занятия (многие промыслы) и профессии (например, пастухи). Изменения коснулись жилья, одежды, питания. На примере сельского жилища видно, как новации в одном звене вызывают цепную реакцию в других, меняют всю совокупность этого относительно устойчивого компонента материальной культуры, а также представления людей. Под влиянием разных факторов - новых материалов, технологий и возможностей (появление денег и снижение налогов) изменился сельский жилой комплекс (произошло сокращение числа дворовых построек за их хозяйственной ненадобностью, исчезло традиционное деления пространства в интерьере жилого помещения, повысилась комфортность жилья). Одновременно изменилось сознание и поведение сельчан: в 1980-е гг. в деревне считалось неприличным не справить новоселье, а по числу приглашенных, затратам на угощение оно стало подобно свадьбе.

Советский вариант хозяйственно-социальной общности по типу колхоза/совхоза стал традицией, усилившей потребительско-иждивенческие настроения. В 1960-1980-е гг. усилился конфликт поколений в отношении земли и труда на ней. Стало характерным более позднее включение детей в трудовой процесс семьи. Раскрестьянивание проявилось в эрозии трудовой памяти; земля постепенно ушла на периферию крестьянской памяти, первый план прочно заняла тема «продовольственного снабжения» и денег. Не случайно в представлении о зажиточности полярным вариантом «возвышения по труду» стало в деревне «возвышение по чину»⁴⁰.

Понятие «хорошо жить» в деревне по-прежнему означало иметь материальный достаток, но критерии обеспеченной жизни изменились, и степень зажиточности определялась, наряду с объемом личного подворья (на котором, как правило, велось

⁴⁰ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 14-16, 30; Кознова Ирина. Историческая память русских крестьян в XX веке. С. 71.

Исторические перемены и трансформация сознания

интенсивное земледелие и животноводство), уровнем заработной платы, наличием нового дома, городской мебели, предметов культурно-бытового назначения. Кроме этого, в содержание понятия «хорошо жить» для молодого и среднего поколения (моложе 45 лет) включалась и возможность приобщения к массовой культуре. На смену привычным «посиделкам» пришли просмотр телепередач, посещение дома культуры и кино. Для сельской молодёжи была значима ценность свободного времени, характерно нежелание держать скот в ЛПХ. Социологические обследования отмечали совпадение в основных моментах жизненных планов и ценностных ориентаций выпускников городских и сельских школ.

Исследования показывают, как истончалось обрядово-ритуальное проявление традиционной культуры, вымывалась знаковая, магическая и религиозно-нравственная подоплека обрядов; исчезали объекты, к которым были привязаны те или иные обряды; значительно сокращались сельские приходы; как с помощью новых советских праздников шло вытеснение традиционной праздничной культуры. Ушли или утратили свою полнокровную жизнь многие виды религиозной традиции; особенно пострадали ее коллективные формы. В то же время отдельные стороны религиозной народной жизни получили новый импульс в советский период. Так, в связи с официальными гонениями на церковь сельским населением и главным образом женщинами оказались еще сильнее, чем раньше, востребованными «монашки», старицы и др. Необычно большой размах приняло в советский период почитание святых источников. После закрытия церквей в 1930-е гг. многие источники (родники) получили статус святых и стали центрами религиозной жизни неформальных общин, образовавшихся из верующих ликвидированных приходов⁴¹.

⁴¹ Русские Рязанского края. Т. 1. С. 228-255, 289, 509-579.

В целом, деревня отличалась относительно высоким уровнем религиозности; в вопросах религии была высока роль общественного мнения, проявлявшаяся, в частности, в обычае держать дома иконы. Религиозные традиции и обряды не осуждались общественным мнением; фиксировалось массовое участие сельских жителей, в том числе неверующих, в отправлении религиозных праздников и обрядов. С середины 60-х гг. деревня активнее стала праздновать и государственные праздники, особенно праздник Победы.

Сознанию земледельца было по-прежнему присуще ощущение общественной значимости своего труда, менее выраженным стало чувство социальной неполноценности («колхозник» как негативная идентичность). Хотя город выступал образцом лучшего качества жизни и источником миграционных настроений деревни, отношение к нему изменилось. Он перестал быть враждебной силой. Обследования демонстрировали социальный оптимизм сельских жителей, особенно в отношении того, что «теперь деревня сравнивается с городом»⁴².

На протяжении более полувека – с момента прекращения единоличного хозяйствования и вступления в колхоз до времени «деколлективизации» начала 1990-х годов – существенным образом изменились трудовые привычки крестьянского двора. Доминантой жизни стало выгодное и безболезненное вхождение двора в денежные и ресурсные потоки, шедшие от государства колхозу, порождая т.н. «симбиоз» крупного хозяйства и мелкого двора и привычку к приспособленчеству⁴³.

⁴² Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958; Анохина Л.А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР; Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. Под ред. В.Н. Колбановского. Рук. авт. колл. И.Т. Левыкин. М., 1970.

⁴³ Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор // Мир России. 1996. № 3. С. 3-76; Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 19-22.

Исторические перемены и трансформация сознания

Если вести речь о культурном капитале, с которым деревня подошла к рыночным преобразованиям 1990-х гг., то следует отметить, что в ней преобладал крестьянский традиционалистский пласт, ориентированный на преимущественно потребительский характер семейного хозяйства в рамках колхозно-совхозной системы. Память о хозяйствовании в условиях рынка сохранялась, но она была во многом идеализированной. В целом сельское население было предрасположено к постепенному, регулируемому государством переходу к рыночной экономике⁴⁴.

Сельская жизнь под знаком «пост»

Радикальный характер инициированных «сверху» в начале 1990-х гг. преобразований встретил поддержку лишь небольшой части сельского населения (главным образом – руководителей, специалистов, а также потомков раскулаченных), в то время как две трети его отнеслись отрицательно к реформированию аграрного сектора. Преобразования предполагали разрушение сложившейся за годы советской власти системы отношений, форм хозяйствования, вертикальных сетей социальной поддержки, а главное – ориентировали на появление другого, отличного от сформировавшегося в течение нескольких десятилетий типа работника на земле. Доминирующую роль на первом этапе реформ приобрела тактика выживания в прежних формах (по типу общины-колхоза), основанная на представлении «земля – всеобщий ресурс», ориентированная на «справедливость» ее распределения и «симбиотическую» связь подворья с коллективным хозяйством. Реакцией на «разрыв времен» стала ностальгия по недавнему советскому прошлому (т.н. «бреж-

⁴⁴ Ибрагимова Д.Х. НЭП и Перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия). Под ред. Е.С. Строева. М., 2001. С. 97-110.

невскому» периоду), с которым связывались представления о мирной и спокойной жизни, которое вызывало чувство «уверенности в завтрашнем дне». При этом ностальгия деревни по «семидесятым» – это ощущение потери жизни, когда она была максимально приближена к городу, и может быть квалифицирована как «ностальгия потребления»⁴⁵.

На протяжении 1990-х гг. различными опросами фиксировалась двойственность, расколотость массового сознания (состояние «витязя на распутье»), желание соединить «спокойствие и уверенность в завтрашнем дне, низкие цены» советской эпохи с разнообразием жизни, товарным изобилием современности.

Рыночные реформы неоднозначно повлияли на ситуацию в аграрном секторе, более отчетливым стало выделение лидеров и аутсайдеров, сильных и слабых, выигравших и проигравших на уровне регионов, хозяйств, семей. Исследования 2000-х гг. отмечали стабилизацию ситуации в деревне, характеризуя ее по-разному – от «стабилизации переходности» до «стабилизации застойности». Она проявлялась в различном опыте адаптации к рыночным условиям, выстраивании разнообразных «сетей поддержки» в условиях социальной дифференциации села. При этом в функционировании подобных сетей произошли серьёзные перемены, и именно на уровне симбиоза «личное подсобное хозяйство – сельхозпредприятие». Данные по разным регионам свидетельствуют об активном процессе распада традиционного симбиоза, о распространении на отношения «крупхоз-хозяйства населения» новых рыночных стандартов⁴⁶.

⁴⁵ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 22-27; Кознова Ирина. Историческая память русских крестьян в XX веке. С. 75-77.

⁴⁶ Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 57-59; Нечипоренко О.В. Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация? // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 57-66; Никулин А.М. Оли-

Исторические перемены и трансформация сознания

Современный сельский образ жизни сочетает в себе черты нового состояния российского «села переходного периода», сохраняющиеся некоторые черты колхозного образа жизни, а также и некоторые традиционные, отличаясь при этом известной «деформационностью». Так, для сельского населения остаётся важным принцип «жить как все». Сохраняется скепсис в отношении реформаторских – прошлых и настоящих – устремлений властей и ставка на стратегический семейный запас. Деревенская среда отличается конфликтностью; девиантное поведение превращается в норму (извращённая форма установки «быть как все»), усиливается разобщённость сельской общности. Одним из парадоксов аграрной реформы, нацеленной на становление предпринимательского сознания земледельца, стало разрушение трудовой мотивации работников. Происходит возрождение архаических форм прошлого, развитие криминальных практик, расцвет воровства, пьянства. Исследователями обращается внимание на использование широкими слоями сельского населения двойных стандартов и оценок⁴⁷.

Как показывает, например, рязанский материал, большинство из сохранившихся немногочисленных обрядов и обычаев практически утратили свою содержательную сторону и ее се-

гархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. Т.11. № 1. Январь 2010. С. 17-33.

⁴⁷ Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы. Новосибирск, 2000. С. 129-131, 138; Виноградский В., Виноградская О. Как сельские частники сопротивляются «правовому разглаживанию» их хозяйственных практик // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 330; Пациорковский В.В. Указ. соч. С. 327; Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 75-76; Долгушкин Н.К., Новиков В.Г., Староверов В.И. Проблемность современного сельского бытия и пути его оздоровления // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 86-94; Григорьев С.И. Социология жизненных сил российского села и сельского жителя в начале XXI века // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 39-43; Линднер П. Архипелаг «Колхоз» и процесс приватизации: российское сельское хозяйство на пути к мировому рынку - прямые дороги и обходные пути // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 6. М., 2011. С. 122-134.

мантическую нагрузку, ряд из них приобрел игровой характер. В жизни этнографического праздника сильны явления «вторичности». С потерей традиционной нормативности и срывом защитных механизмов, с созданием единого информационного пространства сельская культура стала открытой и сильно подверженной внешним влияниям, воздействию массовой культуры. На фоне активного потребления образцов советской и постсоветской массовой культуры происходит усиление обрядовой религиозности сельчан⁴⁸.

Сохраняет свои позиции в деревне тесно связанная с бывшей советской колхозно-совхозной системой и восходящая в основных своих чертах к общинной традиции хозяйственная культура. Сознанию сельского населения – носителю этой культуры, присущи представления о трудовом, уравнительно-справедливом распределении собственности и её коллективном использовании. Приверженцев идеи «трудовой справедливости» отличает нерешительность, экономическая неграмотность, боязнь ответственности за новое дело, патерналистские установки, стремление к работе по найму и в то же время негативное отношение к процессу концентрации собственности⁴⁹.

Специальное внимание обращается исследователями на домохозяйства сельских жителей. Сохраняясь, по выражению П.П. Великого, в качестве «анклава частной собственности» в годы советской власти, семейные хозяйства в настоящее время стали

⁴⁸ Широкалова Г.С. Горожане и селяне в результате реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 71-82; Силласте Г.Г. Сельская школа и село России в начале XXI века. М., 2003. С. 197-211; Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 64-74; Русские Рязанского края. Т.2. С. 249, 720-722.

⁴⁹ Гудков Л., Дубин Б. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 26; Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002. С. 352-354, 368; Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. М., 2003. С. 75; Великий П.П., Морехина М.Ю. Указ.соч. С. 62-63.

Исторические перемены и трансформация сознания

основной формой самозанятости и выживания и одновременно - пространством для освоения рыночного хозяйствования. Более две трети их ведут устойчивое мелкотоварное производство, выступая, по мнению В.В. Пациорковского, «стратегическим резервом» фермерства⁵⁰. Отмечаемое повсеместно возрождение мелкотоварного крестьянского уклада, генетически восходящего к единоличному хозяйству, можно рассматривать скорее с точки зрения поддержания сельского образа жизни, чем с позиций формирования крупного фермерского хозяйства предпринимательского типа.

Как подчеркивают Т.Г.Нефедова и Дж. Пэллот, у сельского населения в качестве мощного фактора и даже ресурса его деятельности выступает традиция, срабатывает суженность мышления, которая ограничивает выбор. Между тем, реформы, затеянные ради движения вперед, отбросили сельское сообщество назад, в царство неформальных и немонетарных отношений. С точки зрения исследовательниц, нежелание сельских жителей выйти из тени или хотя бы из рамок самообеспечения – признак аграрного общества, что кажется парадоксальным при таком уровне урбанизации, которого достигла Россия. Они обращают внимание: главное – не формальное, а реальное различие между хозяйствами населения и фермерами состоит в том, что у хозяйств населения преобладает адаптивное, приспособительно-пассивное поведение, а у настоящих фермеров – активное рыночное. Переход от личного подсобного хозяйства к фермерству – это не только проблема земли, собственности и т.п. Это шаг от несвободы к свободе, а психология выживания не предполагает свободы действий и, следовательно, не ведет к развитию⁵¹. Ведь, если исходить из методологического принципа, сформулированного Р. Редфилдом, «понятие рынка озна-

⁵⁰ Великий П.П., Морехина М.Ю. Указ. соч. С. 60; Пациорковский В.В. Указ. соч. С. 333.

⁵¹ Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М., 2006. С. 251-253, 256.

чает и образ мышления, и место для торговли», и в данном случае речь идет прежде всего о первом аспекте. Все же социологи и психологи отмечают ясно выраженную в последние годы тенденцию к индивидуализации ценностей, ослаблению патерналистских установок, росту ориентации людей на собственные силы, рационализации поведения. Понятия достатка в умах сельских людей начинает связываться и с трудовыми усилиями в своем хозяйстве, хотя исследователи обращают внимание на существенные географические различия данной тенденции⁵²

Новая, адекватная рыночным отношениям хозяйственная культура предпринимательского типа проникает и в сельскую местность. По данным всероссийского исследования, проведенного ИС РАН в сотрудничестве с представительством Фонда им. Фр. Эберта в апреле 2005 г., пятую часть селян можно с уверенностью отнести к т.н. модернистам, то есть к тем, кого характеризует не только позитивное отношение к частной собственности, включая земли сельскохозяйственного назначения, частному бизнесу и предпринимательству, но и производственное (а не потребительское) восприятие собственности. Правда, каждый четвертый из прослойки сельских «модернистов» не является выходцем из села. Это либо бывшие жители малых городов и населённых пунктов городского типа, либо выходцы из крупных городов и областных центров. Процесс трансформации сельской хозяйственной культуры происходит за счёт привнесения извне (прежде всего, через образование и миграцию) элементов модернистской культуры⁵³. Самыми активными и наиболее свободными от старых советских принудительных единых норм, готовыми покупать землю, развивать бизнес, быть фермерами, жить и работать по рыночным правилам выступают молодые и в целом более образованные мужчины.

⁵² Там же. С. 271-272.

⁵³ Собственность в жизни россиян // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 5-7, 17-18. См. также: Великий П.П., Морехина М.Ю. Указ. соч. С. 62-63.

Исторические перемены и трансформация сознания

Больше сторонников рыночного оборота земли среди работников прошедших углубленную реорганизацию сильных и средних в экономическом плане хозяйств⁵⁴.

В целом, потенциал данного типа культуры в современном российском селе невелик. Значительно большую силу имеет тенденция, связанная с вымиранием и массовым исходом сельского населения из деревни, урбанизмом сознания. В целом российскому селу присущ, по выражению П.П. Великого, «кризис созидания»⁵⁵.

Несомненна прогрессирующая девальвация черт крестьянственности. Работа на земле перестала быть образом жизни, а опыт прежних поколений, включая его моральный императив в отношении труда на земле, оказывается ненужным нынешнему, прежде всего молодому поколению, численность которого в деревне к тому же быстро сокращается⁵⁶. По данным общероссийских опросов, проведённых Институтом социальной педагогики Российской академии образования, отмечается сильный разрыв между декларируемыми сельскими старшеклассниками ценностями «труда», «работы на земле» и их реальными намерениями. Представления сельских старшеклассников о том, что значит «хорошо жить», совпадают во многом с представлениями их городских сверстников и включают такие социальные ценности, как семья, материальное обеспечение, друзья. Среди учащейся молодёжи на селе ценность семьи выражена сильнее, чем среди российского населения в целом. Низкий ранг имеют демократические ценности. Ориентации на работу, карьеру и

⁵⁴ Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 33-37.

⁵⁵ Великий П.П. Российское село: кризис созидания <http://apk.socionet.ru/files/Velikiy6.doc>

⁵⁶ Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 29-30; Штейнберг И. Останется ли в России крестьянин? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 57-58; Великий П.П., Морехина М.Ю. Указ. соч. С. 63-64; Великий П.П. Российское село в условиях новых вызовов // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 60-65; Русские Рязанского края. Т. 1. С. 161-163; Роголина Н.Л. Указ. соч. С. 210-214.

высокое положение в обществе являются важными ориентирами почти для половины опрошенных. Условием «хорошей жизни» наличие «влиятельных связей» назвали 18 % респондентов-старшекласников, в то время как «иметь свою землю и трудиться на ней» или просто «работать на земле» - соответственно 15,3 % и 5,9%; 18,8% учащихся собираются «открыть своё дело», 10,3% - построить свой дом и остаться на селе, а в планах ещё 4,7 % опрошенных – «создать фермерское хозяйство»⁵⁷. Ориентация на город и его ценности стимулируется СМИ, прежде всего телевидением, влияние которого на сельскую молодёжь весьма активно. Потенциал молодого поколения для воспроизведения деревенской традиции мал.

⁵⁷ Силласте Г.Г. Сельская школа и село России в начале XXI века. С. 340-360.

Государство – врач – крестьянин: история становления сельского здравоохранения в дореволюционной России

Введение

Советская система государственной бесплатной медицины в своё время привлекала огромный интерес учёных и медиков в Европе и Америке. И в Японии тоже этот интерес был достаточно высок. Так, в журнале «Советская медицина» (1953-1962), издававшемся студентами-медиками Киотоского и Токийского университетов, печатались в переводе с русского языка статьи об успехах тогдашней советской медицины и о системе здравоохранения. Вокруг этого журнала группировался 21 медицинский факультет государственных, муниципальных и частных университетов, входящих в ассоциацию обществ по изучению советской медицины и создавших для этого кружки русского языка. В журнале часто публиковались статьи известного врача и писателя Митио Мацуда (1908-1998), врача Тосиказу Вакацуки (1910-2006). Т. Вакацуки, в молодости практикующий врач в префектуре Нагано, впоследствии заложивший основы изучения сельской медицины в Японии, проявлял интерес к народническому движению. Отметим, что в те же годы, когда издавался журнал «Советская медицина», в 1961 г. из СССР для спасения японских детей от полиомиелита было срочно доставлено 13 миллионов вакцин.

Советская система здравоохранения оказала немалое влияние и на капиталистические страны. Можно сказать, что советская по-

литика в области медицины и здравоохранения, основывавшаяся на высоких идейных принципах, действительно, достигла определённых успехов. Однако, если первоначально советская власть придавала большое значение народному здравоохранению в целом, то в связи с индустриализацией, урбанизацией и финансовыми трудностями она стала пренебрегать деревенским здравоохранением, и данная тенденция в течение длительного времени только укрепилась. Одна из причин появления «неперспективных деревень» была связана с многолетней нерешённостью проблем деревенской медицины. Половина деревенских больных обращалась в больницы местного медицинского округа (другая половина – в городские больницы), но здесь не оказывали специализированную медицинскую помощь. Кроме того, в середине 1970-х годов, в деревнях Нечерноземья в 546 (32%) больницах из 1712 не было ни одного врача. Вообще, основным медицинским учреждением в деревне был медпункт с фельдшером и акушеркой, а не больница с врачом. В брежневский период, известный как «годы застоя» или «годы стабильности», средняя продолжительность жизни людей в России в 1970-1971 гг. была 68,9 лет, а в 1979-1980 гг. снизилась до 67,5 лет. Смертность в 1980-х годах составляла 10, а в деревнях – 12,7 на тысячу человек. Большинство деревенского населения было пожилыми людьми, и смертность не зависела от уровня медицинской помощи, но в 1989 г., если сравнить смертность среди работоспособного населения в городах и деревнях, то у деревенских мужчин она превышала 11%, а у женщин – 17%¹.

Если обратиться к системе японского здравоохранения, то в нее входят две составляющие: обычная, то есть страхование работников и членов их семей по месту работы, и поистине уникальная для развитых стран система народного страхования по месту жительства, в каждом административном делении городов и селов. В

¹ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е годы. М., 1996. С. 202, 204-205.

1938 г., в условиях приближения войны, японское правительство решило принять систему народного страхования по месту жительства для смягчения обострившейся социальной обстановки, трудного положения в деревне и обеспечения здоровья всего населения. Она была создана на основе так называемой системы медицинской взаимопомощи — «Дзёрэй», распространившейся в деревнях острова Кюсю с начала периода Эдо. Деревенское население не могло платить наличными деньгами за дорогое медицинское лечение. В связи с этим для деревенских семей была разработана квотная система пожертвования риса с учетом объема имущества и числа членов двора, поскольку в то время рис считался одним из самых высоко конвертируемых товаров. Как показали исследования, в одной из деревень, где была внедрена подобная система, каждая семья в среднем пожертвовала 90 кг риса, исходя из того, что бедная семья – 7-9 кг и богатая семья – 240-300 кг. Таким образом, между отдельными семьями существовала большая разница по объему риса для пожертвования, однако никто не выражал неудовольствия по поводу такой разницы, и собранный рис был беспрепятственно и полностью, в объеме 15000 кг передан врачу. Когда в 1920-х годах распространилась пандемия испанского гриппа (общее число погибших по всей Японии составило 390000 человек), в деревнях с системой «Дзёрэй» почти никто не погиб. В связи с этим разработчики плана системы государственного страхования по месту жительства, работавшие в департаменте социального обеспечения Министерства внутренних дел, обратили внимание именно на систему «Дзёрэй», и она стала образцом системы страхования народного здравоохранения².

Такая медицинская система была создана на основе собственных традиций, культуры и быта японцев. Когда люди живут в деревнях, медицинские вопросы, непосредственно связанные с обеспечением жизни человека, имеют большое значение наравне с

² Иноуэ Рюзабуро. Кенпо но Генрю: Чикюзэн Мунаката но Дзёрэй (на японском языке). Нисинихон синбунся. 1979. С. 156-162.

производственной деятельностью. Представляется, что для понимания истории крестьянства советского периода рассмотрение структуры здравоохранения очень важно.

Каждая страна обладает собственной медицинской системой с учетом своих культурных и исторических факторов. Однако для всех стран мира существует и общая цель медицинской системы, которая заключается в оказании населению высококачественной и доступной медпомощи с минимальными затратами. Для реализации этой цели необходимо уделять внимание следующим трем медицинским факторам: 1) качество, 2) доступность, 3) мость³.

Советская политика и практика в области здравоохранения в качестве своей предыстории имела земскую медицину. В свое время земская медицина получила высокую оценку во всем мире, и врачи гордились ее высокой репутацией⁴. Трудно разобраться в сущности политики в области здравоохранения после революции без понимания того, что представляла собой земская медицина. Цель настоящей статьи заключается в выяснении вопросов, связанных с российской земской медициной и здравоохранением страны в целом со второй половины XIX в. до революции 1917 г. Кроме того, в статье предпринята попытка рассмотреть политику этого периода в области медицины и здравоохранения со структурной точки зрения.

Глава 1. Проблемы здравоохранения в деревне в последние десятилетия царской России

Предпосылками возникновения революционных настроений в России являлись периодические голода в деревне в конце XIX в. и связанные с ними эпидемии и упадок сельского хозяйства. Ситуа-

³ Симазакки Кэндзи. Нихон но ирё: сэйдо то кайкаку (на японском языке). То-кёдайгаку сюппанкай. 2011. С. 15.

⁴ *Мирский М. Б.* Медицина России XVI-XIX веков. М., 1996. С. 312.

ция в стране была особенно напряженной после сильного голода 1891 - 1892 гг. и вызванного им вспышками холеры и тифа. Страну охватило беспокойство. В Европе открытие возбудителя холеры и эффективных методов ее лечения дало толчок развитию всеобщего здравоохранения, и со второй половины XIX в. почти повсюду очаги холеры были ликвидированы. Благодаря успехам науки российские врачи надеялись на укрепление своих позиций в обществе, однако при существовавшем тогда государственном строе они не могли применить европейские достижения в области эпидемиологии, что вызывало чувства неудовлетворенности и беспокойства.

1. Положение о земстве и медицина

Имеются сведения, что во время Крымской войны количество умерших от болезней превысило число погибших на поле брани. По военному регламенту, на одного врача приходилось 150 раненых, но, например, в 1855 г. — фактически 700 раненых. В больницах и на пунктах приема раненых наблюдалась страшная картина, когда, стоя по колено в грязи, врачи вынуждены были оказывать помощь раненым, промокшим и замерзшим на полях сражений. Доставленные на санитарные пункты раненые почти все погибли, погибло также более 450 врачей, но еще большее их число заболело и не смогло работать. Доктор Николай Пирогов (1810-1881), работавший военным врачом во время Крымской войны и собственными глазами видевший развал медицины, к тому времени уже получивший всемирную известность, настаивал на безотлагательности реформ в медицине. Он подчеркивал необходимость создания в России такой медицинской системы, при которой произвол далеких от медицины чиновников был невозможен⁵.

В Положении о земстве 1864 г. не был четко прописан план создания земского общественного здравоохранения. В нем говори-

⁵ Frieden Nancy M., *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905*, Princeton U. P., 1981, pp. 37-38.

лось о необходимости санитарного просвещения, вакцинации против оспы, мер о защите бедных и беспризорных детей. Все вопросы в области медицины земство решало самостоятельно. Через 10 лет после принятия этого закона земство Московской губернии начало активно развивать медицинскую помощь населению, как система она окончательно сформировалась в 1870 - 1880 гг., и ее можно признать образцом земской медицины⁶.

До установления земской медицины существовала общественная система медпомощи для казенных и удельных крестьян. Считается, что начало земской медицине положил план графа Киселева по оказанию медпомощи казенным крестьянам. Первоначально на 27 миллионов казенных крестьян, составляющих примерно половину всего крестьянства было 5 врачей и 3800 оспопрививателей из полуграмотной крестьянской молодежи. По мере расширения плана, были добавлены фельдшера, и в 1846-1856 гг. в среднем на 200 врачей приходилось 200-500 фельдшеров; в связи со вспышкой эпидемии оспы, а затем с ее ослаблением число оспопрививателей варьировалось от 3500 до 7000 человек. С точки зрения оказания медпомощи деревни казенных крестьян подразделялись на специальные округа, а каждый округ делился на 3-5 уездов. В 1867 г. через шесть лет после освобождения крестьян в Ведомстве государственных имуществ была создана система медпомощи: в 791 фельдшерском пункте насчитывалось 350 врачей (из них 145 человек из округов медпомощи), 5500 помощников врачей (1278 фельдшеров, 71 акушерка, 3726 оспопрививателей). Каждый ФП охватывал от одного до трех уездов, а в деревнях действовало 1200 человек. Окружные врачи несли ответственность за подготовку и руководство помощников врачей, включая фельдшеров. В принципе, казенные крестьяне лечились у фельдшеров. В плане графа

⁶ Krug Peter F., "The debate over the delivery of health care in rural Russia: The Moscow zemstvo, 1864-1878", *Bulletin of the History of Medicine*, No. 50 (1976), pp. 226-7.

Киселева были заложены основные принципы земской медпомощи в деревнях. Ее суть состояла в следующем. Во-первых, медпомощь находится под контролем государства, которое выделяет на нее специальные средства, а для крестьян она бесплатна. Во-вторых, при недостатке врачей фактическую медпомощь крестьянам оказывают фельдшера. В-третьих, фельдшера готовят оспопрививателей, а врачи осуществляют руководство фельдшерами. Наконец, важное значение наряду с лечением придавалось просвещению крестьян в вопросах гигиены⁷.

Оказание медпомощи помещичьим крестьянам определялось самим помещиком. Крестьяне иногда обращались за медпомощью к священнослужителям. Государство обратило на это внимание, и в начале XIX в. медицина стала обязательным предметом в духовных училищах. Часть помещиков нанимала для своих крестьян фельдшеров, либо крестьянская община нанимала их сама, она несла расходы по обучению на фельдшера одного из своих членов (как правило, это был сирота). При этом жены и дочери помещиков занимались благотворительной деятельностью⁸.

При освобождении помещичьих, а через шесть лет и казенных крестьян, их общая численность превысила 50 миллионов человек, поэтому заниматься медпомощью стало некому. В Западной Европе оказание медпомощи крестьянам развивалось на общественной и частной основе, а в России частная медпомощь, за исключением больших городов, распространения не получила. Вообще российские крестьяне с большим недоверием относились к современной медицине и ее работникам, почти никто из крестьян не имел денег на оплату врачей, в деревнях распространялись болезни и возникали эпидемии. Поэтому вопрос скорейшего введения системы

⁷ Liu Lillian Li-ning, *The Development of the Soviet Rural Health Care System and the Role of Feldshers 1917-1941.*, Univ. of Maryland, Ph. D., 1988, pp. 18-23.

⁸ Ramer Samuel, "The zemstvo and public health", Emmons Terence and Vucinich Wayne ed., *The Zemstvo in Russia : An Experiment in Local Self-Government*, Cambridge U. P., 1982, p. 284.

здравоохранения был чрезвычайно насущным. Ответственность за здравоохранение передавалась губернской медкомиссии под руководством губернатора и земскому органу, то есть исполнительному комитету, который мог нанимать чиновников и специалистов, осуществляющих решения Думы, губернских и уездных земств. Контроль центрального правительства должен быть осуществляться через совет МВД, но для этого плана на местах не было соответствующих органов, в силу чего контроль за деятельностью земств был очень незначителен. Губернские медкомиссии существовали только на бумаге, и в последние 50 лет существования царской России медпомощь в деревнях осуществлялась только земством. При этом губернское земство занималось губернскими больницами, психиатрическими клиниками и фельдшерскими школами, а уездное земство — сохранением мелких больниц, медпунктов, контролем за болезнями, санитарным просвещением и т.д., то есть уездное земство являлось фактическим органом по управлению деревенским здравоохранением⁹.

2. Кто такой фельдшер?

Слово «фельдшер» происходит от немецкого «feldsherer», что означает «армейский полевой цирюльник, уличный парикмахер». На самом деле фельдшер в армии был солдатом-санитаром, владеющим навыками первой медпомощи. Он мог делать перевязки, останавливать кровотечения, оказывать простейшую хирургическую помощь при переломах. Фактически, фельдшер почти не проходил обучения и практики, а просто служил в армии как санитар. После отставки он возвращался домой в деревню, и там начинал оказывать медпомощь людям, живя на вырученные, как правило, незначительные средства. На самом деле деревня нуждалась в фельдшере. Земство на поле своей деятельности чаще нанимало фельдшеров, нежели врачей, потому что фельдшер об-

⁹ Liu, pp. 24-31.

ходилась дешевле врача, да и сами крестьяне воспринимали фельдшера как более близкого им, считая, что «доктор – это барский лекарь, а фельдшер – мужицкий». Однако фельдшер, как и раньше, должен был работать под присмотром врача. Врач был обязан регулярно посещать фельдшерские пункты, но из-за нехватки врачей и дальних расстояний это положение существовало большей частью на бумаге. Земство в 1867 г. унаследовало от Ведомства государственных имуществ около 800 фельдшерских пунктов, затем в 1870 году их количество увеличилось до 1350, а в 1890 году – до 2800. Но в 1910 г. число фельдшерских пунктов даже снизилось до 2680. Количество фельдшеров увеличилось, в 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, и срок службы сокращен до шести лет. В связи с этим возросло число ротных фельдшеров. В представлении людей отставные фельдшеры выглядели, как «неграмотные пожилые пьяницы, подвергавшиеся оскорблениям в армии, по характеру корыстные, униженные и эгоистичные». При этом фельдшеры официально считались помощниками врачей. Постепенно появились школьные фельдшеры, получившие специальное образование в фельдшерских школах.

Вначале при крупных больницах стали открываться фельдшерские школы для гражданских лиц, но в 1861 г. их было всего пять. По закону о земстве этим школам оказывали поддержку местные власти, и в 1913 г. число таких земских школ достигло 31, а всего к тому времени общее количество школ, включая и не находящиеся в ведении земств, выросло до 68¹⁰. В особенности увеличилось количество женщин, получивших фельдшерскую подготовку в качестве акушерок. Чтобы снизить в деревнях высокую детскую смертность и смертность при родах, земство озабо-

¹⁰ Например, фельдшерская школа Тамбовского земства в 1913/14 учебном году организовала бесплатные лекции по четырем курсам. См.: Исторический очерк фельдшерской школы Тамбовского губернского земства (1868-1913 годы). Тамбов, 1915. С. 169.

тилось подготовкой акушерок, для чего их готовили главным образом из местных деревенских жительниц, и к 1910 г. общее число таких акушерок составило около одной четверти, но большинство акушерок были горожанками, окончившими гимназию. К 1905 г. появилось более 10000 акушерок, и 2200 человек из них были наняты земством. Перед революцией только два процента родов в деревнях принимали квалифицированные акушерки. А среди акушерок-выходцев из городов, наметилась тенденция возвращения в город самых лучших из них. В фельдшерских школах 70% учеников составляли женщины, но в деревенских фельдшерских пунктах работало большинство фельдшеров-отставников с низким культурным и профессиональным уровнем. Однако подавляющее большинство фельдшеров составляли лица, окончившие фельдшерские школы, и в 1920 г. среди 29088 фельдшеров 45% были выпускниками фельдшерских школ, 38% отставниками, а остальных 17% данные были неизвестны¹¹.

3. Врачи и критика «фельдшеризма»

В начале 1900-х гг. зарплата врачей составляла 1200 рублей, тогда как фельдшеров 300-480 рублей, то есть от одной четверти до одной трети врачебной. У большинства фельдшеров не было доходов и имущества, кроме зарплаты. Однако жить только на зарплату было трудно. Любой же другой способ получения доходов нарушал принцип земства, а также служил источником распространения в деревне слухов, способствующих низкой репутации фельдшера. Для фельдшеров нетерпимым была не столько

¹¹ Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб., 1903. С. 114-116; Ramer Samuel, "Who was the Russian feldsher?" *Bulletin of the History of Medicine*, No.50 (1976) , pp. 213-225 ; Ramer Samuel, "The zemstvo and public health", Emmons Terence and Vucinich Wayne ed. *The Zemstvo in Russia :An Experiment in Local Self-Government*, Cambridge UP , 1982, pp. 279-314.

разница в зарплате с врачом, положение которого считалось привилегированным, сколько их собственное приниженное общественное положение. Окончившие фельдшерскую школу фельдшеры стремились изменить в лучшую сторону общее представление о фельдшерах, добивались признания их как специалистов, получивших достаточную практику и ставших помощниками врачей. Конечно, среди них было немало таких, которые ценились врачами как способные помощники, наделенные большим опытом и мастерством. Однако все же их собственная оценка существенно не меняла укоренившееся общественное представление о фельдшерах¹².

Первоначальная медпомощь в земстве строилась по принципу разъездной системы. С периодичностью в 30-40 дней врач объезжал медпункты, но почти все остальное время помощь больным оказывал фельдшер. То есть были использованы существующие медпункты, и система работала даже при минимальном количестве врачей. Но разъезжающий врач часто оказывался недоступным крестьянам, поэтому они вынуждены были обращаться к фельдшеру, что не обеспечивало качества лечения. В связи с этим появилась стационарная система, начало которой было положено в передовом земстве Московской губернии.

Здесь необходимо остановиться на понятии стационарной системы. Для того, чтобы понять действительную ситуацию относительно ряда заболеваний, в частности, с широко распространенным в деревнях сифилисом, а также для составления губернской статистики, земство Московской губернии основало в 1873 году санитарный совет, и тогда впервые административная ответственность перешла к врачам. Секретарем этого совета стал Евграф

¹² Известная участница народнического движения Вера Фигнер, работавшая в качестве акушерки в земстве Саратовского губ., отмечала, что «лекари» пользовались хорошей репутацией. *Фигнер Вера*. Запечатленный труд: воспоминания. М., 1964. С. 152-170.

Осипов (1891-1904). Вместе с Федором Эрисманом он был членом Пироговского общества и снискал широкое уважение земских врачей. Возглавляемый им санитарный совет предложил создать в малых районах радиусом менее 33 км участки медпомощи на базе медпунктов для приема амбулаторных больных. Участок включал пять коек для стационарных больных, а также кухню и аптечный пункт. Предполагалось, что на постоянной основе в нем должны работать один врач, один-два фельдшера и одна медсестра. Подобный участок стал образцом стационарной системы¹³.

Преимущества стационарной системы были очевидны, в 1877 г. земством было решено поддержать стационарную систему, и постепенно московский опыт распространился по всей стране. Но проблема заключалась в финансовой стороне вопроса. Земство Московской губернии располагало значительными средствами. С расширением же стационарной системы возросла доля расходов на общественное здравоохранение в бюджете земства: в 1875 г. она составляла 14,1% в земском бюджете, в 1895 г. – 22,5% и в 1910 г. составила 28,4%¹⁴. В результате введения стационарной системы увеличилась численность нанятых земствами врачей. Общее число врачей, нанятых губернскими и уездными земствами составляло в 1870 г. 613 человек, в 1880 г. – 1069 человек, в 1890 г. – 1558 человек, в 1900 г. – 22,5% и в 1910 г. – 3082 человек¹⁵. В 1880 г. стационарная система была внедрена только в 19 уездах, однако в 1900 г. среди 359 уездов 34 губерний только в двух уездах была применена разъездная система, в 138 уездах работала стационарная система, а в остальных уездах использовалась смешанная система¹⁶.

При разъездной системе врачебный контроль над фельдшерами осуществлялся в зависимости от возможностей врачей, поскольку

¹³ Krug, 1976, pp. 231-232.

¹⁴ Ramer, 1982, p. 307.

¹⁵ Ramer, 1982, p. 292.

¹⁶ Liu, op. cit, pp. 38-39.

им было трудно бывать в разных деревнях. Врачи посещали деревни только в случае экстренной ситуации, например, при вспышке эпидемии. Кроме того, в передовых земствах появилось стремление ликвидировать систему фельдшерской медпомощи. Так, в Московской губернии к 1898 г. фельдшерские пункты были уничтожены в 50 уездах из 359¹⁷. По мнению Б.Б.Веселовского, в 1898 г. только в 50 уездах из 244 фельдшеры принимали не более 25 % амбулаторных больных, в 116 уездах – 25-50 %, в 72 уездах – не менее 50% и в 8 уездах – не менее 75%. Общее среднее число фельдшерских пунктов в уездных земствах составляло восемь, и число уездов, имеющих не менее 20 фельдшерских пунктов, достигло 30¹⁸.

Фельдшеры оказывали медпомощь в случае мелких ранений, делали перевязки и, кроме этих случаев, они не должны были оказывать медпомощь самостоятельно, без консультаций врачей. В противном случае, по существующим правилам, фельдшеры могли подвергнуться наказанию. Из ст. 561 Врачебного устава следует, что отпуск лекарств из аптек по рецептам фельдшера воспрещается. Но на практике, даже если фельдшеры самостоятельно принимали больных, они не наказывались, как того требовал закон¹⁹.

Прогрессивные врачи активно критиковали фельдшеров за самовольно оказываемую ими незаконную медпомощь, дав ей название «фельдшеризм», и их критика была направлена на земские власти и фельдшеров. Главная цель деревенской медицины заключалась в снижении частых вспышек эпидемий и высокой смертности. Однако русские врачи твердо были уверены в том, что реализация главной цели может осуществиться только при условии изменения морали, быта, нравов, традиций, взглядов на вос-

¹⁷ *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. 1. СПб., 1909. С. 338-339, 341-343.

¹⁸ Там же. С. 342, 344-345.

¹⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 35. СПб., 1902. С. 442.

питание детей и жизненных навыков, избавления от суеверий и авторитета народного целителя, что крестьяне сами с доверием будут относиться к достижениям современной науки. Таким образом, русские врачи, стремившиеся к реализации реформы в области жизни крестьян на базе стационарной системы, считали, что самостоятельное оказание медпомощи фельдшерами дискредитирует современную медицину. Именно поэтому врачи полагали в качестве лучшего варианта отказаться от фельдшерской системы. Довольно часто термин «фельдшер» употреблялся в контексте «временного существования» и «необходимого зла». Однако для земства фельдшерская система оставалась привлекательной в связи с низкими расходами на наем фельдшеров. Но при ее сохранении для врачей всегда оставалась угроза соперничества с конкурентами за получение работы по оказанию медпомощи в сельской местности. Такая двусмысленная позиция земства усугубляла неопределенное положение фельдшеров, вызывавшее у них глубокую неудовлетворенность.

Глава 2. Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова

Кто становился врачом? В России лишь ограниченное число семей могло дать детям высшее образование, а дворяне, хотя и имели возможность учиться, не стремились становиться врачами, поскольку считали для себя зазорным зарабатывать собственными руками. Первоначально подавляющее большинство студентов-медиков были детьми священнослужителей. По мере ухудшения материального положения священнослужителей, медицинское образование стало своего рода защитной мерой для сохранения их сословия. К тому же, чтобы заполнить вакансии, с 1808 г. крепостным крестьянам было разрешено поступление на медицинские факультеты в четырех вновь созданных университетах. По уставу об университетах подготовка врачей осуществлялась при поддержке правительства, и государственный стипендиат, в зави-

симости от размера стипендии, должен был отработать от двух до десяти лет. Если врачи родом из крепостных не отработали шести лет на общину или на хозяина, они не освобождались от взимания подушного налога. В 1832 году, когда стали присваивать звание «Почетный гражданин», то и здесь медики испытывали дискриминацию. Так, если выпускники других факультетов автоматически становились почетными гражданами, то врачи, платившие подушный налог, могли получить звание почетного гражданина только на государственной службе. Даже дворяне, имевшие ученую степень в медицине, не избегали дискриминации. На медицинских факультетах потомственных дворян было мало, больше всего туда поступало разночинцев, и государство с особым вниманием следило за ограничением привилегий элиты²⁰.

1. Специализация медпомощи

Повторяющиеся вспышки эпидемий наносили ущерб обществу, экономике и подрывали международное доверие к России. Рост потребности в работе врачей неизбежно приводил к признанию их некоторых привилегий. К тому же прогресс науки и ее специализация вынуждали рационально подходить к принятию административных мер в решении вопросов медпомощи, и для этого необходимо было передать медицину из рук не имеющих к ней никакого отношения чиновников в руки авторитетных специалистов в области медицины. Эти тенденции во многом совпадали с происходящим в Европе, однако в России существовали свои отличительные особенности. Если в Европе профессионалы обладали большой автономией, то в России отсутствовали традиции профессиональных гильдии лекарей, соответственно не сложилась и соответствующая организационная система. В то же время у европейских врачей, обладавших лицензией на практику, доходы защищались государством, а российские врачи считали, что госу-

²⁰ Frieden, pp. 23-35.

дарство и чиновники отбирают у них права на самостоятельное существование как специалистов. Потребность создания центрального аппарата в здравоохранении не стояла в повестке дня²¹. С другой стороны, российские врачи были уверены в том, что полученное ими в течение пяти лет медицинское образование никоим образом не уступает европейскому. Хирург Николай Пирогов, физиолог Иван Сеченов и другие российские медики высоко ценены на международной арене, а английский медицинский журнал «The Lancet» писал, что медпункт Московского университета и его лаборатория являлись одними из самых лучших в мире. Но врачи испытывали чувство острой неудовлетворенности из-за несоответствия их общественного положения и квалификации уровню доходов. Среди врачей мало кто владел собственным имуществом, и хотя они и работали земскими врачами в провинции, но не имели права участвовать в выборах и быть избранными.

Попробуем сравнить доходы русских врачей и юристов с аналогичным необходимым уровнем подготовки. В 1905 г. 90% адвокатов имели доход в 2.000 рублей, а доход более одной трети из них превышал 5.000 рублей. Согласно анкетному опросу, проведенному по приказу МВД среди 12.521 врача (что составило 90% общего их числа), доходы врачей варьировались от 500 до 3.000 рублей, причем большая часть доходов была на низком уровне, так что средний доход составил 1.200 рублей. Обычно, если доход превышал 1.000 рублей, то врачи входили в число 3% лиц с высокими доходами, но количество врачей, зарабатывавших 2.000 рублей, минимально необходимых для обучения их детей в университете, было небольшим. Большинство врачей с доходом ниже 1.200 рублей не могли позволить себе необходимых для специалиста их профиля повседневных расходов на приобретение медицинских журналов, книг, покупку инструментов и лекарств. Статус земского врача обеспечивал стабильный доход в пределах 1.000 –

²¹ Frieden, pp. 108-109.

1.500 рублей. Однако условия труда земских врачей были тяжелые. Обычно профессия врачей опасна возможностью заразиться и чревата непосильными психологическими нагрузками, а у земских врачей подобных нагрузок было намного больше. Процент смертности врачей моложе 40 лет составлял 31,7%, а процент смертности у деревенских врачей (эта категория приравнивалась к земским врачам) – 48,2%²². Опять же, в деревне имела место изолированность от культурной жизни, плохие условия для воспитания детей, что приводило к глубокой неудовлетворенности.

2. Пироговское общество и земский врач

В 1881 г. в Московском университете - alma mater Николая Пирогова - отмечалось 50-летие его общественного служения. На церемонии присутствовали представители отечественных и зарубежных организаций, отовсюду присылались телеграммы; была получена поздравительная телеграмма от царя. Несколько участников празднества предложили создать общество врачей имени Пирогова, и в 1885 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый съезд общества. Его основателями являлись известный клиницист Военно-медицинской Петербургской академии добившийся признания и в Москве, С.П.Боткин (1832-1889), выпускник Военно-медицинской академии и издатель медицинского журнал «Врач», подписчиками которого было более одной трети врачей, В.А.Манассеин (1891-1901), вышеупомянутый руководитель земской медицины Московской губернии Е.А.Осипов (1841-1904), а также Ф.Ф.Эрисман (1842-1915) – швейцарец, женившийся на Н.П.Сусловой, первой русской женщине-враче, и получивший российское подданство в 1875 г. Общество уделяло особое внимание повышению уровня медицинского и общего образования, преодолению предрассудков и ликвидации неграмотности среди простого народа, отмене телесных наказаний, расширению прав

²² Frieden, pp. 212-217.

евреев, развитию общественного здравоохранения.

В общем числе врачей доля земских составляла только 15-20%, они не являлись подавляющим большинством и в Пироговском обществе, однако земские врачи играли важную роль в медпомощи. В отдельных регионах земствах работали высококвалифицированные специалисты, и их деятельность стала моделью земской медпомощи. Земство Херсонской губернии направило бактериолога Н.Ф.Гамалею (1859-1949) в Париж в Институт Пастера, и сам Пастер оказал ему помощь в создании второго в мире бактериологического института в Одессе. Кроме того, Пастер в 1894 г. доказал эффективность антитоксинов против дифтерии, и через несколько лет земские врачи Московской губернии внедрили это изобретение в свою практику.

В 1878 г. Евграф Осипов пригласил Федора Эрисмана для изучения распространенности заболеваний на заводах и фабриках в связи с миграциями крестьян, трудившимися в качестве сезонных рабочих. Такие крестьяне составляли от одной пятой до одной шестой населения Московской губернии. В каждом заводском районе выявлялись условия труда и жизни, уровень заболеваемости и смертности, 144.000 рабочих подразделили по антропологическо-морфологическому признаку, эти данные были затем изданы в 19 томах. Проведенные Федором Эрисманом в заводских районах исследования легли в основу российской медицинской статистики и явились большим вкладом в создание системы подготовки специалистов-статистиков²³. В 1884 г. на медицинском факультете Московского университета была создана кафедра общественной гигиены, и Эрисман возглавил ее. До 1892 г. Эрисман одновременно трудился земским санитарным врачом Московской губернии (по его словам, «по духу своему я земский врач и намерен до конца своих дней им и оставаться») и, кроме того, был активным членом Пироговского общества и оказал большое влияние на вра-

²³ Frieden, p. 103.

чей, которые в последующем сыграли важную роль в обществе. В 1896 г. в Московском университете произошло восстание студентов, Эрисман поддержал их, и в связи с этим был внезапно выслан из страны²⁴.

Значительная часть врачей, хотя и не была непосредственно нанята земствами, имела отношение к земской медпомощи. Многие студенты-медики во время летних каникул работали в земствах, а кроме того, после окончания университета в течение нескольких лет должны были там трудиться. И городские врачи, и профессора университетов, и врачи, подобные Чехову, включая и тех, кто не имел врачебной лицензии, все они во время эпидемий работали в деревне и там сполна вкушали горький опыт. Благодаря ему у многих врачей повысился интерес к земской медпомощи и желание оказать ей поддержку.

Пироговское общество как раз представляло ту центростремительную силу, которая стремилась к развитию российской медпомощи на основе земской медицины. Третий съезд Пироговского общества в 1889 г. призвал врачей, «самозабвенно отдававших всего себя любимой работе, идти в неграмотный деревенский народ и не только лечить его от болезней, но и насаждать в деревне культуру и помогать деревенским целителям осознать основные идеи здравоохранения». Вопрос создания отдельного государственного ведомства здравоохранения рассматривался неоднократно и каждый раз отвергался.

На III съезде общества обсуждался вопрос о развертывании в других местах успешной модели московской земской медпомощи, бывшей независимой от центрального правительства. Задачей врачебного сообщества было исключительно «создание местной медицины». В связи с этим российская организация врачей неизбежно приобретала социальную и политическую направленность.

²⁴ Krug Peter F., *Russian Public Physicians and Revolution: The Pirogov Society, 1917-1920*, Univ. of Wisconsin, Ph. D., 1979, pp. 24-26, 71.

3. Холерные бунты

В 1830-е гг., когда холера впервые охватила Европу, страны одинаково отреагировали на эту угрозу. В Венгрии врачи подвергались нападениям, в Испании широко распространились слухи, будто монахи бросают в колодцы отраву, множество священнослужителей было убито, повсеместно возникали народные бунты²⁵. Когда в России в 1891-1892 гг., в связи с поразившим ее голодом, небывалое распространение получили холера и тиф, тогда стало ясно, что положение в стране коренным образом отличается от европейского. Собственно говоря, в европейских державах голода не было. Возникновение же жестокого голода в России само по себе отразило ее весьма значительное отставание от Европы. Действительно, эпидемии возникают и в годы помимо неурожайных. Однако подверженность болезням, рост числа умерших – это результат голода. Плохое питание ослабляет организм, понижает сопротивляемость болезням и легко способствует заражению ими. Кроме того, большую роль в широком распространении болезней играло передвижение людей в поисках пропитания и работы, а также бродяжничество. Голод и вызванное им свирепствование холеры погружали все государство в водоворот волнений, и критика системы по силе была подобна извержению вулкана.

В 1893 г. журнал «Земский врач» на основе впечатлений посланного в Центрально-Чернозёмную Курскую губернию врача, отразил обычную для тогдашней России картину повседневной жизни русской деревни: «Во время обхода больных я в одной хате видел умершую от холеры мать семейства, лежавшую в хате под столом; в углу хаты лежал труп, ещё тёплый, её грудного трёхмесячного ребёнка, умершего голодной смертью; на дворе лежал больной холерою отец семейства, около которого суетились двое голодных, испуганных 5-6-тилетних детей...и никого кругом»;

²⁵ Frieden, p. 136.

«Сегодня жив, а завтра умрёшь... никого я не боюсь, ничего не хочу исполнять... Люди были крайне подавлены и жили в постоянном страхе»²⁶. Кроме того, приходило множество сообщений о фактах панических настроений народных масс в деревне. Страх перед заражением и недоверие к властям порождали бессмысленный террор в отношении медицинских работников.

Когда врач определял заболевшего холерой, то больного насильно помещали в избу-изолятор, так называемый «барак», отбирали все его вещи, а дом подвергали дезинфекции. Однако крестьяне думали, что нахождение в бараке равносильно смерти («это конец, живым оттуда не выйдешь»). Такие представления крестьян были связаны с тем, что больные холерой имели определенные отличительные особенности: лицо заболевших становилось белым, а смерть сопровождалась судорогами, но последние воспринимались, напротив, как свидетельство того, что человек жив. Все *это* вызывало распространение слухов, что в бараках «у бедняков забирают кровь», «их заживо хоронят». Фактически, смертность среди беднейших слоев населения была крайне высокой.

От Астрахани к Саратову, вверх по Волге, вместе с болезнью распространялся и холерный террор. Наиболее известным примером его служит бунт, возникший в городе Хвалынске Саратовской губернии. Когда молодой врач Молчанов, посланный на борьбу с холерой, в течение нескольких дней вместе с местными властями безуспешно убеждал народ подготовить холерные бараки, тогда толпа выследила врача, жестоко избивала, свалила с ног, волочила лицом по земле и топтала его голову. Для острастки других его труп оставили как есть, и деревенские женщины плевали на него, осыпали ругательствами и радовались, что врач, с их точки зрения, получил справедливое возмездие²⁷. Даже священнослужители проповедовали в своих приходах, что холера - это наказание Божие

²⁶ Пашков. Эпидемия холеры в деревне // Земский врач. 1893. № 4-5. С. 56.

²⁷ Frieden, pp. 145-146.

и нужно противодействовать мерам, предприняемым «молодым неразумным гордецом». Из-за холеры широкое распространение в России получили коллективный женский обряд «опахивание», крестные ходы, проводившиеся многолюдными толпами. В жару его участники пили воду прямо из колодцев или из рек, носили иконы по домам, из дома, где больные, в дом, где люди здоровые, из-за чего число заболевших росло с огромной скоростью. Запретить подобные действия было очень сложно, запреты, напротив, могли вызвать панику и еще более озлобить народ. Сильнейшим психологическим ударом для врачей стало ненавистное отношение к ним народных масс, видевших в них сообщников в «коварных замыслах властей против бедняков». Кроме того, важным являлось и то, что в каждой губернии, в каждой местности существовали большие отличия в масштабах ущерба от холеры и накала вызванной холерой паники. Так, во врачебном округе Московской губернии, где нес свое служение врачом Чехов, ни заболеваемости, ни террора не было. По официальным данным, в Московской губернии отмечались лишь 654 случая заболеваний, тогда как в соседней Тверской губернии – 29.332 случая²⁸.

4. Политизация Пироговского общества

Министерство внутренних дел создало временные медико-санитарные исполнительные комитеты в отдельных губерниях, зараженных эпидемией холеры, в состав которых входило много врачей вместе с земскими чиновниками и депутатами земских собраний. Врачи были наделены значительными полномочиями. После выхода из эпидемического кризиса врачи возлагали надежду на то, что царское правительство будет поддерживать их в развитии земской медицины. Однако их надежда была утрачена, когда правительство издало постановление о больницах, вступившее в силу в июле 1895 г. Перед проведением земской реформы крестья-

²⁸ Frieden, p. 152.

яне боялись губернских больниц, полагая их в качестве «дома смерти», и слово «больница» было синонимом некачественной медпомощи, организуемой царским правительством. В связи с этим земства собирались разделить больницы и создать маленькие стационары для лечения амбулаторных больных с двумя – тремя койками. Как показал опыт холерных бунтов, все губернии должны были иметь собственные медицинские учреждения, в которых на постоянной основе работали бы врачи, заслужившие доверие крестьян. Однако царское правительство внедряло противоположную идею по поводу губернских больниц: больницы были классифицированы не по квалификации и уровню медпомощи, а по численности коек, врачей и больных. К тому же земства утратили возможность управления больницами, и данная компетенция была передана Министерству внутренних дел, при этом земства должны были нести финансовые расходы на соответствующие земские больницы. Вообще, большая часть губернских больниц была расположена в городах. Если люди, пользовавшиеся медпомощью в больницах, являлись городскими жителями, то такие больницы для земств были лишь тяжелой нагрузкой. В конце 1894 г. все земства на территории России приняли решение обратиться к царскому правительству с ходатайством об отмене постановления о больницах, и вступление его в силу было отсрочено на неопределенное время²⁹. Однако данное ходатайство стало единственным достижением, благодаря которому удалось добиться уступок со стороны центральной власти. Царь Николай II ограничил право на ходатайства, хотя и являлся председателем специального комитета по спасению от голода, символом объединения государства и народа, и вступил на престол при горячей народной поддержке. Царь считал ходатайства фактором, провоцирующим обострение социальной обстановки в России. Таким образом, возможности для выхода народного недовольства постепенно закрывались.

²⁹ Frieden, pp. 166-174.

После холерных бунтов Пироговское общество остро осознавало необходимость чрезвычайной и коренной реформы в области медицины. Цель реформы заключалась в развитии санитарного образования, отмене телесных наказаний и спасении людей от голода. Убийство молодого Александра Молчанова, ставшего символом страданий и саможертвования земского врача, призывало врачей к необходимости гигиенического образования и просвещения крестьян. Было важно, чтобы прежде всего крестьяне доверяли врачам, свидетельствующим о преимуществах и эффективности современной медицины с помощью вакцинации в качестве специфического средства от холеры. Врачи укрепились в своей уверенности, что врач, помимо своего непосредственного предназначения лечить, должен быть одновременно и просветителем-педагогом, меняющим в целом мировоззрение крестьян³⁰.

В разгар холерных бунтов царское правительство прибегло к телесным наказаниям кнутом с целью утихомирить массовые выступления. Телесные наказания дворян были отменены в 1762 г., и с тех пор отмена телесных наказаний постепенно распространилась на другие сословия и социальные слои. При этом телесные наказания крестьян не отменялись, и во время Великих реформ были приняты меры только по их смягчению. Министр внутренних дел Дмитрий Толстой заявил в 1880 г., что «при крайне низком нравственном и умственном уровне крестьянского населения управление ими невозможно без применения в иных случаях телесных наказаний»³¹. В 1896 г. в двадцати губерниях, где существовали земства, было вынесено 6780 приговоров по телесным наказаниям, и половина приговоров была осуществлена. Исследователь Дмитрий Жбанков предположил, что на всей территории России власти вынесли около 20.000 приговоров по телесным

³⁰ Frieden, pp. 180-182.

³¹ Frieden, pp. 187-190. *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце столетия: политическая реакция 80-х -начала 90-х годов. М., 1970. С. 383.

наказаниям, и 10.000 из них привели в исполнение³². Поскольку проблема телесных наказаний была тесно связана с образованием и здравоохранением, являвшимися главными задачами для земств и в условиях ограничения права на обращения с ходатайствами к царскому правительству, в отдельных губерниях проводились различные акции за отмену телесных наказаний³³.

Как прямо писал Чехов о практике на местах³⁴, жестокость телесного наказания представляла собой серьезную моральную проблему для врачей. При наличии постановления о совершении телесного наказания врач должен был осмотреть осужденных, выдать разрешение и быть свидетелем во время самой процедуры телесного наказания. В связи с этим крестьяне начали считать врача бессердечным чиновником, работавшим на пользу властей, для них врач становился объектом ненависти. Пироговское общество выступало с резкой критикой царского правительства за отсутствие медицинской этики, поскольку государство поддерживало нечеловеческие телесные наказания и вынуждало врача, который, по сути своей, должен быть гуманным, помогать чиновникам при совершении телесных наказаний. Таким образом, проблема профессио-

³² *Жбанков Д.Н.* Когда прекратятся телесные наказания в России. Ростов-на-Дону, 1905. С.14. Современники отмечали, что наказание розгами считалось в деревне страшным позором, наказанные розгами лица всеми презирались, поэтому в деревнях было трудно найти крестьянина, который согласился бы быть экзекутором. Телесное наказание в сельском обществе вывелось потому, что никто не хотел приводить его в исполнение. *Жбанков Д.Н., Яковенко В.И.* Телесные наказания в России в настоящее время. 1899. С. 169-170.

³³ Вопрос об отмене телесных наказаний обсуждался сначала по инициативе Пироговского общества и Вольного экономического общества. Большинство земских ходатайств ограничивалось требованием отменить телесные наказания для лиц, окончивших начальную школу. Указ от 11 августа 1904 г. отменял телесные наказания для всех крестьян, но сохранял их для заключенных, бродяг, каторжников и ссыльных поселенцев, причем для этих категорий они могли назначаться в огромных размерах до 100 ударов розгами. См.: *Веселовский Б.Б.* Указ. Соч. Т. 3. СПб., 1911. С. 698-699; *Жбанков.* Указ. Соч. С. 15.

³⁴ *Чехов А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 14-15. М., 1978. С. 332-338.

нальной этики врача непосредственно приводила к осуждению царского правительства.

В 1899 г. 600 человек посетили город Казань для того, чтобы участвовать в VII съезде Пироговского общества, и они своими глазами видели тяжелое положение крестьян, вновь пострадавших от голода. Такие болезни, как цинга и тиф, распространились во всех губерниях. Пироговское общество обратилось к участникам с призывом непосредственно заняться спасением крестьян от голода: «Мы должны избавиться от академического интереса и уделять внимание снижению и смягчению страданий крестьян от несчастья». Пироговское общество создало комитет спасения от голода и отправило на места медицинские группы. В Херсонской губернии одна такая группа предоставила питание для 11.000 человек и спасла 50 деревней от голода.

Между тем, царское правительство демонстрировало свой реакционный характер. 12 июня 1900 г. было издан законодательный акт, направленный на ограничение как участия земства в разрешении ситуации с голодом, так и самостоятельной деятельности Пироговского общества по спасению от него. В адресованном губернаторам циркуляре предписывалось предупреждать опасность риска такой деятельности в качестве «повышения неудовлетворенности к существующему порядку»³⁵. При вспышке эпидемий врач считался находящимся на государственной службе, ему запрещалось заниматься самостоятельно профилактической работой по предотвращению эпидемий, что вызывало недовольство врачей. В те годы обострилась социальная обстановка, часто происходили заводские забастовки и крестьянские бунты, активизировалось студенческое движение, участились случаи покушений на высокопоставленных чиновников. Состоявшийся в 1902 г. VIII съезд Пироговского общества оказался еще более политизированным.

Участники VIII съезда имели общую позицию по поводу того,

³⁵ Frieden, pp. 193-196.

что провал российского общественного здравоохранения был связан непосредственно с отсутствием политической свободы. Съезд игнорировал решение Сената об ограничении деятельности общества и вновь обратился с ходатайством к царскому правительству об отмене статьи телесного наказания. По мнению ряда исследователей, данный съезд являлся новым этапом в деятельности общества, при котором некоторые проекты по обычным медицинским проблемам стали приобретать политизированный характер³⁶. Хотя существовавшие при обществе комиссии не имели политических целей, а только научные, чиновники мешали реализации даже таких целей в области медицины, что пробуждало политическое сознание у врачей.

Весьма показательны отношения власти к Пироговскому обществу на примере работы комиссии по изучению малярии и туберкулеза. В начале XX в. была подтверждена роль комаров рода *Anopheles* при передаче малярии. Правительства других государств начали вводить профилактические меры по предотвращению распространения малярии, и в медицинском департаменте Министерства внутренних дел одному из врачей надлежало проводить исследовательскую работу по этой болезни³⁷.

³⁶ Ibid., pp. 232-233.

³⁷Одной из причин ликвидации малярии в европейских странах являлось развитие животноводства, в частности крупного рогатого скота, с помощью выращенных на земле под паром кормов. Вообще, комарам свойственно предпочитать кровь коровы крови человека, и к тому же корова не могла стать возбудителем малярии. В России домашние животные помещались в непосредственной близости от жилья, их численность сильно колебалась и снижалась из-за голода. При этом важное значение имела ирригационная система, однако в России сельскохозяйственная инфраструктура оставалась отсталой, и вместо специальных ирригационных сооружений существовали мелкие водоемы. Причинами заболевания малярией не были ни голод, ни бунт, и уровень смертности от этой болезни был низок. Однако малярия являлась одной из главных причин высокой смертности среди грудных детей и дошкольников. К тому же малярия часто случалась в период посевных работ и уборки урожая. В связи с этим отмечалось, что в страдное время из-за снижения физических сил и психологической апатии резко

Пироговское общество самостоятельно начало заниматься изучением малярии, для чего создало комиссию, состоящую из 45 ученых. Общество даже направило одного профессора Московского университета в Италию для проведения соответствующих исследований, а в 1903 г. полевые исследования проводились в Воронеже и на Кавказе. Однако требовались большие денежные средства и силы. Комиссия по изучению туберкулеза отмечала, что «туберкулез являлся побочным продуктом индустриализации», и придавала важное значение профилактическим методам по борьбе с ним, включая и меры, не относящиеся к медицине. IX съезд Пироговского общества (январь 1904 г.) выступил с инициативой по установлению медицинского страхования рабочих, обделенных правительственным вниманием в области медицины, и поднял вопрос о правах евреев. В частности, зараженным туберкулезом евреям санаторное лечение было недоступно, а в связи с отсутствием у евреев права на свободное передвижение, врачи опасались относительно распространения туберкулеза в черте оседлости.

IX съезд проводился в здании дворянского собрания Санкт-Петербурга. Однако накануне градоначальник сообщил о невозможности обнародовать большую часть запланированных постановлений. В результате речь председателя съезда была наполнена иносказаниями, а запланированные постановления зачитать не получилось. После этого армейский оркестр играл браваурный марш. До того, как полиция разогнала участников съезда, они пели «Марсельезу» и скандировали лозунги «Долой самодержавие! Даёшь всеобщее собрание всех губернских и уездных земств!»³⁸.

Заключение

ухудшалась производительность труда. См: Johnson Richard, *Malaria and Malaria Control in the USSR, 1917-1941*, Georgetown univ., Ph. D., 1988, pp. 33-34, 43-44.

³⁸ Frieden, pp. 233-242, 259-261.

Распространение холеры и вызванные ею крестьянские бунты нанесли большой удар не только государственным чиновникам, но и членам Пироговского общества. Власть старалась, как могла, скрывать от западных держав впечатление об отсталости России. Организация системы медицины в царской России полностью зависела от земской медпомощи, при том, что между регионами существовала большая разница по уровню ее оказания и существовали регионы, где земств вообще не было. Так, часто эпидемии проникали в Европейскую часть России из таких регионов, как Кавказский, Донской и Центрально-Азиатский, земства в которых как раз отсутствовали. Стала очевидной необходимость предпринять централизованные меры по борьбе с эпидемиями. Однако полномочиями в области медицины были наделены разные министерства и ведомства: в области общей медицины - Министерство внутренних дел, в области школьного здравоохранения – Министерство просвещения, здравоохранением на заводах и на пограничных пунктах ведало Министерство финансов, здравоохранением на транспорте – Министерство транспорта, а в армии – Военное Министерство и т.д. Центральным координатором этих работ являлся департамент по медицинским делам МВД, но и он не обладал никакой фактической компетенцией. Когда Евгений Боткин в качестве председателя медицинского совета обратился с призывом создать центральное ведомство по делам медицины, МВД отказался от его предложения, так как этот вопрос затрагивал интересы отдельных министерств и ведомств³⁹.

Врачи Пироговского общества выступили категорически против создания централизованного аппарата, потому его существование было несовместимо с земской медициной и противоречило ее принципам. Врачи испытывали серьезное недоверие к чинов-

³⁹ *Нестеренко А.И.* Как был образован народный комиссариат здравоохранения РСФСР / из истории советского здравоохранения (октябрь 1917 г. - июль 1918 г.). М., 1965. С. 3-5.

никам от медицины, считая их бездарными. Подобное отношение проистекало из абсолютно подчиненного положения врачей. По требованию государства врачи должны были работать судебными медэкспертами и осуществлять медосмотр призывников. При вспышке эпидемий врачи фактически находились на государственной службе и, в случае вызова, идти на дом к больному, причём, согласно врачебному уставу, они не имели права отказаться от такого вызова. Уголовным кодексом были предписаны строгие наказания в случае отказа врача от вызова идти на дом к больному: врач подвергался штрафу на сумму не менее 100 рублей (средняя месячная зарплата врачей), подлежал увольнению и лишению врачебной лицензии. Профессиональная этика врачей ставилась под надзор государства и полиции. Кроме того, врачи не имели возможности самостоятельно действовать в негосударственной сфере.

В то время подавляющее большинство населения страны состояло из крестьян, у которых не было возможности платить врачам за лечение. Фактически, практикующих врачей, которые могли жить достойно, было очень мало, и вообще они жили в крупных городах. В конце концов, врачи были вынуждены обратиться к царскому правительству и земствам отдельных губерний с предложением улучшить официальную медицинскую деятельность. Однако компетенция врачей была незначительна и во многом ограничена. К тому же, с точки зрения финансовых расходов, позиция врача всегда оказывалась уязвимой по сравнению с фельдшером.

Земская медицина была учреждена на основе государственной медицинской системы для казенных крестьян. Специально созданный медицинский округ распространялся на несколько общин и отличался от административного округа. Когда появилась необходимость сформировать отдельные финансовые источники, например, на основе самообложения, существование медицинско-

го округа оказалось большим препятствием. Чтобы показаться врачу своего медицинского округа, крестьянину требовался целый день езды на подводе, однако время осмотра врачом было очень коротко, в среднем всего 2-3 минуты, врач немедленно выписывал рецепт и фельдшер занимался дальнейшим процессом лечения больных. В связи с этим крестьяне стали обращаться к врачу только в базарные дни или когда они находились в тяжелом безвыходном состоянии. Однако крестьяне, проживавшие недалеко от земского медицинского пункта, постепенно начали пользоваться земской медпомощью.

Если в борьбе с эпидемиями земская медицина не распространялась на всех больных, то ее существование не имело смысла. В связи с этим земства были вынуждены постепенно внедрять бесплатную медицинскую помощь. Однако расходы на медицину стали тяжелой нагрузкой для земского бюджета, и можно найти период в их истории, когда доля расходов на медицину заняла первое место среди статей расходов земского бюджета, не уступая статьям расходов на образование. В 1903 г. царское правительство издало закон о бесплатном предоставлении земской медпомощи. В том же году в некоторых земствах, в том числе Липецком, Хвальныйском, Ливенском и других, доля расходов на медицину составила 45-47 % от общего бюджета⁴⁰. Собственно говоря, для земства, находящегося в тяжелом финансовом положении, было довольно трудно осуществлять медицинскую деятельность по образцу земской медицины богатой Московской губернии⁴¹. Кроме того, даже если бы Московская губерния разработала полную программу по борьбе с эпидемиями, то данная программа вряд ли могла бы функционировать.

⁴⁰ Мирский М.Б. Указ. Соч. С. 310-311.

⁴¹ Conroy Mary Schaeffer, *In Health and in Sickness: Pharmacy, Pharmacists, and the Pharmaceutical Industry in Late Imperial, Early Soviet Russia*, Columbia U. P., 1994, p. 75.

В принципе, развитие медицинской науки и техники приводило к повышению оплаты за лечение, и одновременно вызывало повышенные требования к профессиональным качествам врачей со стороны больных. В Японии, в тех регионах, в которых действовала система медицинской взаимопомощи по типу «Дзёрэй», суть ее самой постепенно менялась. В рамках этой системы на врачей распространялся принцип сдельной оплаты труда, а больные лишь частично оплачивали получение медпомощи⁴². На первый взгляд казалось, что в области земской медицины удалось добиться больших достижений. Однако можно сделать вывод о том, что несмотря на то, что земская политика в области бесплатной медицины и здравоохранения в деревне получила высокую оценку не только зарубежных, но и отечественных специалистов, фактически, она находилась на грани своего существования.

⁴² Иноуэ Рюзабуро. Кенпо но Генрю: Чикюзэн Мунаката но Дзёрэй (на японском языке). Нисинихон синбунся, 1979. С. 129.

Земские противопожарные мероприятия в сельской России начала 20 века

1. Введение

Русские крестьяне сталкивались с такими различными бедствиями, как голодом, неурожаем, эпидемией, пожаром е.д., угрожающими ведению сельского хозяйства. Среди всех бедствий правительство царской России уделяло первоочередное внимание пожарам¹. Борьба с пожарами осуществляется двумя способами: проведением противопожарных мероприятий для непосредственного предотвращения пожаров и сдерживанию распространения ущерба от них, а также страхованием от пожаров для компенсации ущерба от них. Противопожарные мероприятия проводятся на государственном или общественном уровне и имеют целью свести к минимуму случаи возникновения пожаров и ущерб от них, в то время как страховые выплаты производятся на индивидуальном уровне и обеспечивают владельцу компенсацию ущерба, причиненного объекту страхования. Противопожарные мероприятия преследуют общественные интересы. Страхование же от огня имеет двойную структуру, преследуя не только общественные ин-

¹ О ситуации с пожарами и поджогами на селе и их связи со страхованием от огня в период между отменой крепостного права и до революции 1917 года см. Чой Джаедонг. Пожары, поджоги и страхование от огня в сельской России начала 20 века. «История и экономика». Вып. 210. 2011 г. (на японском языке); о реальном положении дел со страхованием от огня в земствах и соответствующей работе земств в период между 1850-ми годами, до отмены крепостного права, и 1918 годом, в революционной России, см. Чой Джаедонг. Земское страхование от огня в сельской России (1852-1918 гг.). «Журнал Мита Гаккай». Том 104. Вып. 1. 2011 г. (на японском языке).

тересы то есть защита владельцев собственности и компенсация ущерба, но и деловые интересы то есть продолжение и расширение страховой деятельности.

Страхование от огня было широко распространено еще до отмены крепостного права и с самого начала определилось как самая действенная мера по борьбе с пожарами². Что касается противопожарных мер, то они планировались, основываясь на принципах натуральной повинности. Российское правительство в то время возлагало обязанности по проведению противопожарных мероприятий на органы самоуправления городов, волостей, деревень и сел. Однако за отсутствием общегосударственных противопожарных норм и законов, на их возлагалась полная ответственность по проведению противопожарных мероприятий, отвечающих местным условиям и обстановке, а денежные дотации на проведение противопожарных мероприятий на сельской части практически не выделялись³. Пожарная повинность (сторож, содержание лошадей для пожарных повозок, оснащение огнегасительными инструментами и т.д.), которая являлась частью натуральной повинности, в городах была отменена в 1856 году, но продолжала существовать в сельской местности. Однако на деле она практически отсутствовала и не выполняла своих функций. С целью стабильного обеспечения финансирования противопожарных мероприятий постоянно поднимался вопрос о замене пожарной повинности денежным взносом, но это так и не было реализовано⁴.

Земства, которые правительство обязало заниматься страхованием от огня, не разделяли правительственную точку зрения, по которой противопожарные меры рассматривались отдельно от страхования, и развивали привязывание к страхованию от огня

² Пожарное дело. 1914. № 22. С. 792.

³ Пожарное дело. 1914. № 22. С. 793.

⁴ Страховое дело. 1914. № 1. С. 19-22.

Земские противопожарные мероприятия

функции по осуществлению противопожарных мер⁵, и более того, стали добиваться от правительства юридического признания своих противопожарных мероприятий. Под давлением многочисленных обращений из земств, в 1870-80х гг. правительство обнародовало серию законов⁶, наделяющих земства правами по проведению противопожарных мероприятий и распланирование селений на местах, по которым земства смогли выделять часть запасного капитала, получаемого от страхования, на противопожарные мероприятия. Среди основных мероприятий были такие, как распланирование селений в соответствии со строительным уставом, организация и поддержка сельских пожарных дружин, распространение огнестойкого строительства, снабжение пожарными инвентарями, детские ясли в период сельскохозяйственных работ и обсадка селений деревьями и т. п.

Единственным исследованием положения дел с противопожарными мероприятиями в земствах были работы К. Фриерсона⁷. Однако предмет исследования сводится к периоду до второй половины 19 века, а исследование противопожарных мероприятий в период с 1900-х гг. до социалистической революции 1917 г., в частности Столыпинской аграрной реформы, не проводится, и не уделяется внимания разнообразным противопожарным мероприятиям земств, кроме распланирования селений и сельских пожарных дружин.

Ниже рассматриваются земские мероприятия по осуществлению противопожарной деятельности, форма и структура расходов из средств запасного капитала земского страхования от огня на противопожарные мероприятия, мероприятия по распланированию селений, к которым земства прилагали наибольшие из всех проти-

⁵ Пожарное дело. 1914. № 23. С. 865.

⁶ Пожарное дело. 1914. № 9. С. 317-318.

⁷ Cathy A. Frierson, *All Russia is burning: A cultural history of fire and arson in late imperial Russia*, University of Washington, Seattle and London, 2002.

вопожарных мероприятий усилия и связь этих мероприятий со Столыпинской аграрной реформой, положение дел с сельскими пожарными дружинами и их деятельность, распространение огне-стойкого строительства, распространение противопожарного инвентаря, детские ясли в страдную пору, обсадка селений деревьями и тому подобные противопожарные мероприятия, реальное положение дел в отношении этих мероприятий и их реализация крестьянами и земствами.

2. Земства и противопожарные мероприятия

Ввиду того, что ответственность за противопожарные мероприятия в каждой губернии полностью возлагалась на губернские земства, а единая координация отсутствовала, мероприятия носили в высшей степени разрозненный характер. Например, в одной губернии земство выделяло несколько сот тысяч рублей только на некоторые противопожарные мероприятия, совершенно игнорируя прочие. В соседних губерниях земства концентрировали свой интерес на других мероприятиях. Кроме того, зачастую многие земства, потратив колоссальные средства на одни мероприятия, затем спешно отменяли их и перескакивали на другие. Ситуация разобщенности земств в отношении противопожарных мероприятий не могла не удивлять, но устранить ее так и не удалось вплоть до распада царской России в 1917 г.

Одной из основных причин этого было то, что большинство губернских земских гласных, которые обладали полным правом решений в отношении земского страхования, были не из крестьян и сами не нуждались ни в услугах земского страхования от пожаров, ни в помощи. В большинстве случаев они страховали свои дома в частных страховых акционерных обществах⁸. Еще одной, более

⁸ Земский страховой вестник 1917. № 24. С. 9.

Земские противопожарные мероприятия

существенной причиной было то, что в отличие от стран Западной Европы, где государство активно принимало участие и вмешивалось в проведение противопожарных мероприятий, русское правительство вплоть до свержения русской монархии в 1917 году практически не занималось противопожарными мероприятиями в сельской России.

Кроме того, многие земства и после введения страхования от огня в течение долгого времени не приступали к противопожарным мероприятиям. Основной причиной этого было законодательное предписание, запрещавшее осуществлять затраты на противопожарную часть ранее накопления установленного запасного капитала земского страхования от огня (статьи 29 и 34 «Положения о взаимном земском страховании»). В случае составления бюджета противопожарных предприятий в нарушение этого запрета, губернаторы многих губерний налагали запрет на бюджет всех противопожарных мероприятий⁹. Такое положение вещей продолжало сохраняться и в первом десятилетии 20 века. Более того, даже в случаях, когда ассигнования со стороны земств были возможны, на противопожарные мероприятия нельзя было выделять средства ни из правительственных субсидий, ни из общего бюджета земств, и можно было полагаться только на запасный капитал земского страхования от огня. Таким образом, противопожарные мероприятия, направленные на общественные интересы, оказались под влиянием страхования от огня, основанного на прибыли, что неизбежно сказалось на их непоследовательной и неустойчивой структуре¹⁰. С другой стороны, использование запасного капитала на проведение и расширение противопожарных мероприятий стало влиять и на страхо-

⁹ Пожарное дело. 1914. № 9. С. 320.

¹⁰ Пожарное дело. 1914. № 22. С. 793.

вое дело, и на страхователей. Поэтому земства могли расходовать только ту сумму, которая не наносила ущерба страховому делу¹¹.

Таблица 1

**Противопожарные мероприятия и запасный капитал
в страховании от огня Московского губернского земства
(в рублях)**

год	противопожарные мероприятия			страховые платежи (b)	запасный капитал (c)	a/b (%)	a/c (%)
	ссуды	Посо- бия	Итог (a)				
1871-75	536	72	608	259 775	Na.	0,2	Na.
1876-80	3 686	3 982	7 668	316 735	Na.	2,1	Na.
1881-85	9 399	6 549	15 948	369 790	741 928	4,3	2,1
1886-90	5 011	3 725	8 735	420 140	1 293 151	2,1	2,1
1891-95	10 231	6 809	17 039	466 063	1 692 026	3,7	1,0
1896-00	26 544	15 208	41 752	538 937	2 860 399	7,7	1,5
1901	95 897	31 797	127 694	679 391	3 526 711	17,3	3,6
1902	109 160	36 116	145 276	763 350	3 745 976	19,0	3,9
1903	175 595	42 376	217 971	952 940	3 916 860	22,8	5,6
1904	189 557	50 656	240 213	1 004 501	3 907 992	23,9	6,1
1905	171 349	50 163	221 512	1 074 712	3 807 918	20,6	5,8
1906	52 259	58 892	111 151	1 176 538	3 731 497	9,4	3,0
1907	40 052	46 903	86 955	1 360 348	3 469 843	6,4	2,5
1908	22 435	27 409	49 844	1 386 012	3 360 420	3,6	1,5
1909	28 967	39 892	68 859	1 420 018	3 255 164	4,8	2,1
1910	12 346	48 993	61 339	1 478 188	3 103 314	4,2	2,0
1911 ¹	12 901	49 177	62 078	1 514 764	3 042 088	4,0	2,0
1912 ²	Na.	Na.	68 145	1 604 778	3 329 301	4,2	2,1
1913 ³	23 298	52 306	75 604	1 597 351	3 607 083	4,7	2,1
1914	26 756	60 414	87 170	1 662 761	4 015 218	5,2	2,2
1915 ⁴	9 947	65 719	75 665	1 717 882	4 925 324	4,4	1,5

Источники: 1. Доклад № 166 Московской губернской земской управы (далее, МГЗУ) 1912 года. О противопожарных мерах. С. 6, 2. Доклад № 16 МГЗУ 1914 года. Отчетность, текущие дела и ходатайства по противопожарным мероприятиям. С. 1, 3. Доклад № 16 МГЗУ 1915 года. По противопожарным мероприятиям. Денежная отчетность за 1914 год. С. 1-2, 4. Доклад № 16 МГЗУ 1916 года. По противопожарным мероприятиям, Денежная отчетность за 1915 год. С. 1-2.

¹¹ Пожарное дело. 1914. № 9. С. 318.

Земские противопожарные мероприятия

Помимо этого, в земствах почти не было специальных организаций для осуществления противопожарных мероприятий¹². Главными обязанностями страховых агентов были оценка страхуемых построек, сбор страховых взносов, заключение и продление договоров о страховании, изучение ущерба от пожаров, выплата страховых премий и прочее, относящееся к страхованию. Многие агенты считали оскорбительным, если им указывали на необходимость ориентироваться в противопожарных мероприятиях. Они с большой гордостью говорили: «Мы страховые деятели, а не пожарные». Земства тоже не требовали от страховых агентов знаний о противопожарных мероприятиях. Главным образом, интересы страховых агентов были направлены только на расширение отрасли страхования от огня¹³.

В начале 20-го века запасный капитал удерживался на высоком уровне. Но как видно из таблицы 1, ассигнования на противопожарные мероприятия Московского губернского земства были ничтожны и в сравнении со страховыми платежами, и в сравнении с запасным капиталом. Похожую картину удалось выявить и в других губерниях – таких, как Саратовской¹⁴ и Пензенской¹⁵.

Политика земств, которые ставили во главу угла увеличение запасного капитала, была похожей едва ли не во всех земствах Европейской России¹⁶. Большая часть запасного капитала бралась в долг губернскими и уездными земствами и вместо противопожарных мероприятий использовалась в качестве источника капитала для других общественных мероприятий и деятельности земств¹⁷. Такая

¹² Пожарное дело. 1914. № 9. С. 318.

¹³ Пожарное дело. 1914. № 15. С. 539-540.

¹⁴ Земский страховой вестник. 1918. № 4. С. 28.

¹⁵ Земский страховой вестник. 1918. № 5-6. С. 100-102.

¹⁶ Земский страховой вестник. 1917. № 24. С. 4-5.

¹⁷ Чой Джаедонг. Земское страхование от огня в сельской России (1852-1918 гг.). «Журнал Мита Гаккай». Том 104. Вып. 1. 2011 г. (на японском языке).

же ситуация была и в Харьковском губернском земстве. В 1911 г. запасный капитал страхования от огня Харьковского губернского земства составлял 6 135 000 рублей, ассигнования на противопожарную деятельность не превысили 74 000 рублей, но губернскому и уездным земствам было одолжено 3 755 000 рублей на различные текущие мероприятия¹⁸.

Таблица 2

Структура расходов Московского губернского земства на различные противопожарные мероприятия в 1871-1911 г.г. (в рублях)

	ссуды	Безвозвратные пособия		Ссуды	Безвозвратные пособия
На распространение кровельного железа	648 302	-	На трубочистное дело	-	20 454
Сельским обществам на приобретение огнегасительных инструментов	175 414	211 186	По распланированию селений	-	121 729
Пожарным организациям	110 927	220 003	Пособия на перенос построек	-	26 078
На устройство водохранилищ, огнестойкое строительство и проч.	252 921	64 658	Итого	11 877 564	664 107

Источник: Доклад № 166 МГЗУ 1912 года. О противопожарных мерах. С. 5.

Такие пассивные меры в отношении противопожарных мероприятий имели тесную связь со взглядом земств на пожары. А именно, успешное проведение и расширение противопожарных мероприятий, приводящее к снижению количества возникновений пожаров (случаев восгорания) и сокращению ущерба от пожаров, приводит к тому, что не чувствуется необходимость в страховании. Из-за этого страхование от огня попадает в застой, сокращается запасный капитал, финансовое положение земского страхования ста-

¹⁸ Страховое дело. 1915. № 4. С. 137-138.

Земские противопожарные мероприятия

новится рискованным, что снижает денежный фонд, из которого земства могут занимать средства для проведения других мероприятий¹⁹.

Структура земских расходов Московской губернии на противопожарные мероприятия в зависимости от их типа приведена в таблице 2. Средства расходовались на такие мероприятия, как огнестойкое строительство, распространение кровельного железа, распланирование селений, формирование сельских пожарных дружин, приобретение средств для тушения огня, чистку дымовых труб. Ссуды и субсидии земства на противопожарные мероприятия в основном употреблялись скорее на перестройку строений после пожаров, нежели на меры по профилактике возникновения огня, но вместе с сокращением расходов на перестройку, с подготовкой противопожарного оборудования и огнестойким строительством увеличивалась страховая стоимость застрахованных строений и страховая сумма, и одновременно можно было бы ожидать снижение страховых платежей. Из структуры безвозвратных пособий на противопожарные мероприятия по всем губернским земствам Европейской России в 1912 г. видно, что из общей суммы в 2 760 000 рублей на распространение огнестойкого строительства и кровли была выделена наибольшая доля в 46,8%, следующим шли 17,4% на огнегасительные инструменты и ремонт, 14,0% на оборудование для водоснабжения, 10,4% на противопожарную организацию, 5,4% на распланирование селений, 0,8% на чистку дымовых труб, 0,3% на обсадку селений деревьями, и на прочее 4,9%²⁰. Ниже рассматривается, какой была ситуация с противопожарными мероприятиями и какие они принесли результаты в губернских земствах Европейской России.

¹⁹ См. Чой Джаедонг. Земское страхование от огня в сельской России (1852-1918 гг.). «Журнал Мита Гаккай». Том 104. Вып. 1. 2011 г. (на японском языке).

²⁰ Пожарное дело. 1915. № 3. С. 88-89.

3. Строительный устав и распланирование селений

3.1. Строительный устав и статья 110 Общего положения о крестьянах

Строительный устав России предписывал делать расстояние между домами в 6 сажень (12,8 метров) и больше. Однако вследствие роста населения, частых семейных разделов и нехватки земель это предписание практически невозможно было выполнить. Так, для соблюдения Строительного устава, необходимо было осуществлять перенос дворов, но свободных земель под это не хватало²¹. На эту проблему указывали все губернские земства России. В результате, нередко новый глава семьи строил свой дом либо на участке, где жил еще до семейного раздела, либо прямо на огороде позади двора²². Зачастую при семейном разделе находившиеся на одном дворе дома делились на 3-4 новых двора, и новые дома хаотично нагромождались на огородах за дворами или на проездах. При этом образовывались участки из 30-ти, а то и 50-ти домов, между которыми невозможно было соблюдать достаточное расстояние.

Между прочим, меры наказания за нарушение Строительного устава определялись статьями 65, 66 и 68; случаи нарушения для строений до 300 рублей находились под юрисдикцией волостного суда, 300-500 рублей под юрисдикцией уездных членов окружного суда, свыше 500 рублей в компетенции окружного суда²³. В зависимости от юрисдикции, предпринимаемые меры сильно отличались. В большинстве случаев волостные суды, под юрисдикцией которых находились крестьянские строения до 300 рублей, не отдавали распоряжений о сносе при нарушениях, попадавших под ста-

²¹ Страховое дело. 1909. № 1. С. 16-23; № 2. С. 41-45.

²² Пожарное дело. 1914. № 19. С. 696.

²³ Страховое дело. 1913. № 2. С. 49-50.

Земские противопожарные мероприятия

тью 68. В таких случаях судьи, которые были такими же крестьянами, не считали нарушение Строительного устава серьезным преступлением. Поэтому, если взыскание и налагалось, то оно обычно составляло 50 (а иногда и 25) копеек. Однако штраф был скорее редкостью, а обыденным явлением был полностью оправдательный приговор²⁴.

Кроме того, уже давно проблемой являлось регулирование разрешений на страхование от огня тех строений, которые нарушали Строительный устав. Этот факт сам по себе, однако, не являлся помехой к страхованию. В 1888 г. Казанское губернское земство приняло решение запретить дополнительное страхование и добровольное страхование построек, нарушающих Строительный устав и положение о распланировании селений. Но датированные 28 мая 1902 г. и 13 марта 1903 г. указы Сената постановили, что нарушения Строительного устава и распланирования селений не являются препятствием для вступления в дополнительное страхование и добровольное страхование строений. Более того, отправленный губернатору Казанской губернии 24 мая 1914 г. указ Сената передавал такие же постановления. В соответствии с этими постановлениями Сената Казанское губернское земство решило установить в отношении нарушителей страховые платежи в двойном размере²⁵.

Следует сказать, что после освобождения от крепостного права между статьей 110 Общего положения о крестьянах и насильственным применением Строительного устава было глубокое противоречие. А именно, статья 110 Общего положения о крестьянах закрепляла частную собственность на землю, что было помехой насильственному перемещению, и по решениям Сената это положение оставалось неизменным. Например, датированное 16 июня 1873 г. решение Сената еще раз подтверждало статью 110 Общего

²⁴ Пожарное дело. 1914. № 10. С. 350-356; Страховое дело. 1913. № 2. С. 49-50.

²⁵ Страховое дело. 1915. № 1. С. 9-11.

положения о крестьянах, и в 1885 г. в ряде прецедентов было указано, что для размена земли под распланирование селений после пожара необходимо согласие глав всех семей, и в отсутствие такого согласия выполнение решения сельского схода невозможно²⁶.

И наоборот, простые крестьяне, руководствуясь обычным правом, рассматривали землю, отведенную под формирование излишков, как общинную собственность²⁷, и часть конфискованных участков земли отводилась, например, под дополнительную пашню. Поэтому до рассматриваемой ниже Столыпинской аграрной реформы, так или иначе, возможно было осуществить передачу части участков или насильственное перенос построек на новые строительные места²⁸. Более того, в действительности было чрезвычайно затруднительно, а в большинстве случаев невозможно, получить согласие всех глав семей, но земства могли осуществлять меры по распланированию селений, пользуясь остававшимся у них по закону правом устанавливать расстояние между домами и местами, на которых нельзя было возводить постройки²⁹.

3.2. Земские обязательные постановления о постройках и жалобы крестьян

В отношении строительства в сельской местности губернским земским управам было предоставлено право, руководствуясь Строительным уставом, составлять земские обязательные постановления о постройках, в которых учитывалось положение вещей в каждой местности. Конкретные предписания обязательных постановлений о постройках были очень разнообразны от не менее 6 саженной (Бессарабское и Полтавское губернские земства) до 20 саженной

²⁶ Земское дело. 1912. № 20. С. 1245.

²⁷ Доклад № 16а МГЗУ 1909 года. По строительной части. С. 30-32.

²⁸ Земское дело. 1914. № 8. С. 577.

²⁹ Земское дело. 1912. № 20. С. 1245.

Земские противопожарные мероприятия

(Тамбовское, Саратовское и Рязанское губернские земства)³⁰. К тому же, эти многочисленные, запутанные и трудноосуществимые постановления в отношении построек в сельской местности были труднореализуемыми из-за их несоответствия традиционным типам крестьянских строений и образу жизни, нехватки земли и других затрудняющих обстоятельств³¹. Например, статья 2 земских обязательных постановлений о постройках Уфимской губернии устанавливала, что ширина улиц в уже существующих деревнях должна быть не менее 12 сажень, а в строящихся деревнях не менее 15 сажень, но в большинстве деревень Уфимской губернии ширина улиц не превышала 10 сажень³². По этой причине крестьянство на деревенских и уездных собраниях постоянно апеллировало к отмене или изменению земских постановлений³³.

Тем не менее, земства часто требовали неукоснительного соблюдения таких постановлений. Например, только одним членом управы в Екатеринбургском уезде было несколько сот протоколов о нарушении строителных правил, а в Кунгурском уезде сообщалось, что «строгое применение ст. 78 страховым агентом Мышкиным вызвало сотни протоколов о неправильных постройках и повальное разорение крестьянам». По данным начальника пожарной охраны, в Пермской губернии в 1905 г. был выявлен 1161 случай нарушений обязательных постановлений о постройках и составлено 614 протоколов. По донесениям из той же губернии за 1906 г., были замечены 794 случая нарушений обязательных постановлений, а в 175 случаях постройки были снесены³⁴.

3.3. Распланирование селений

³⁰ Земское дело. 1914. № 6. С. 443-444.

³¹ Земское дело. 1914. № 6. С. 445; Земское дело. 1914. № 8. С. 565.

³² Земское дело. 1914. № 8. С. 562-564.

³³ Земское дело. 1914. № 8. С. 562.

³⁴ Земское дело. 1914. № 8. С. 562-564.

Распланирование селений является одной из мер по контролю и регулированию расположения построек в сельской местности согласно планам, гарантирующим размещение строений для минимизации ущерба от пожаров, например расстояния между домами, и составленным в соответствии со Строительным уставом и постановлениями земств в отношении размещении построек. Составленные на бумаге на основании постановлений земств и замеров на местах, планы селений являлись идеалом того, как в будущем должны быть расположены постройки в деревнях. После возникновения пожаров или при образовании новых деревень эти планы применялись непосредственно, но в отношении уже существующих деревень они выполнялись лишь понемногу, по мере перестройки отдельных деревенских строений³⁵.

Между прочим, составленным с большими финансовыми затратами планам селений уже в момент планирования остро не хватало практичности. Одной из главных причин этого было то, что даже тщательно составленные планы по прошествии определенного времени становились уже совершенно не соответствовавшими реальной обстановке в деревнях. Так, обстановка в деревне с течением времени менялась в результате сделок с целыми участками или их частями, семейных разделов, наследственных разделов, проживания на участках, не предназначенных для этого по плану. Также, главной причиной, по которой реализация распланирования селений была невыполнима, являлась невозможность изменения проектов, для чего требовалось согласие всех жителей деревни, и из-за трудностей с формированием излишков земли ввиду ее нехватки. Кроме того, еще одной важной причиной было то, что если участок располагался в центре деревни, то цена его была очень дорогой, поэтому никто не хотел переноситься в другие места³⁶.

³⁵ Земское дело. 1914. № 8. С. 565-567.

³⁶ Земское дело. 1914. № 8. С. 570-572.

Земские противопожарные мероприятия

Таким образом, несмотря на насильственное применение земских обязательных постановлений о постройках, на строгую инспекцию и на субсидии для перенос построек в соответствии с планами, распланирования селений практически не реализовывались. Например, Тульское губернское земство с целью реализации проектов решило предоставить ссуды и субсидии для перемещения построек, а также сократить до 25% страховые платежи на правильно возведенные строения. Вместе с этим, то же земство обнародовало строгие положения о наказаниях, такие как отказ в противоречащем проектам строительстве, судебное преследование нарушителей, лишение отказников права на компенсацию ущерба от пожаров. Более того, в отношении деревенских и уездных глав были введены юридические взыскания за невыполнение обязанностей по надзору за надлежащим размещением построек, а в случае выдачи незаконного разрешения на строительство ответственное лицо должно было компенсировать крестьянам вызванный этим разрешением ущерб. С другой стороны, в случае надлежащего соблюдения Строительного устава и надзора деревенский глава наделялся возможностью получать субсидии из запасного капитала страхования от огня. Однако, несмотря на этот набор строгих карательных и щедрых поощрительных мер, успеха достичь не удалось. В конце концов, Тульское губернское земство было вынуждено отменить мероприятия по распланированию селений³⁷. К такому же заключению одно за другим пришли почти все губернские земства Европейской России³⁸.

3.4. Столыпинская аграрная реформа, Строительный устав и распланирование селений

³⁷ Земское дело. 1914. № 8. С. 572.

³⁸ Земское дело. 1914. № 8. С. 567-568; Земское дело. 1914. № 8. С. 572-574; Труды всероссийского пожарного съезда в 1902 г. Т. 1. сек. 2.

Столыпинская аграрная реформа разрешила расхождения и противоречия Строительного устава вместе с постановлениями земств и статьи 110 Общего положения о крестьянах вместе с решениями Сената в пользу последних. А именно, связанное со Столыпинской аграрной реформой законодательство устанавливало право личной земельной собственности на определенные земельные участки и крестьянские дворы за крестьянином-домохозяином, что сделало практически невозможным насильственный перенос крестьянских построек³⁹.

Действительно, крестьяне, чьи дома и постройки подлежали переносу в соответствии с распланированием селений, по Столыпинской аграрной реформе наделялись правом личной собственности. Например, в Пензенской губернии сообщали, что «В особенности много осложнений в деле расстройки селений внес закон 14 июня, давший крестьянам право укреплять за собой усадебные участки, чем и воспользовались многие из тех крестьян, строения которых возведены на предназначенных по плану под проулки местах и вообще те, которым при перестройках и после пожаров предстояло по плану, вследствие тесноты, переходить на другие запасные места, при чем такие домохозяева всегда убеждены, что вместе с правом владения усадьбой они обладают и правом застройки ее без всяких ограничений»⁴⁰.

Таким образом, крестьяне, наделенные правом личной собственности на землю, совершенно игнорировали проекты по распланированию селений⁴¹. Также, введенное Столыпинской аграрной реформой право личной собственности в отношении членов крестьянских семей, форсировало разделение семей и привело к

³⁹ Пожарное дело. 1913. № 12; Пожарное дело. 1914. № 19; Страховое дело. 1916. № 14-15. С. 414-416; Земское дело. 1914. № 9. С. 646-647; Земское дело. 1914. № 8. С. 564-565.

⁴⁰ Земское дело. 1914. № 9. С. 646.

⁴¹ Земское дело. 1914. № 9. С. 647-648.

Земские противопожарные мероприятия

быстрому приросту крестьянского строительства⁴². Подобные перемены, конечно же, повлекли за собой резкий рост строительства построек, нарушающих Строительный устав. Таким образом, вследствие Столыпинской аграрной реформы на мероприятиях по распланированию селений была поставлена точка⁴³.

От многих губернских и уездных земств посылались требования о пересмотре Строительного устава для с целью устранения таких противоречий в императорском указе 9 ноября 1906 г. (постановление о праве личной собственности на надельную землю). Московское губернское земство требовало пересмотреть строительное законодательство и правила с тем, чтобы можно было рассматривать землю, на которую распространялось право личной собственности, как не предназначенную для земледелия⁴⁴. Более того, от Казанского губернского земства, ввиду того, что земству были известны особые обстоятельства в каждой из деревень, исходило требование, что земству должно быть предоставлено полное право издавать уставы не только в отношении населения губернии в целом, но и в отношении населения отдельных деревень, исходя из местных условий⁴⁵. Связанные со строительством законы, пере-

⁴² См. Чой Джаедонг. «Социально-экономическая история сельской России: землепользование, землевладение, крестьянские товарищества в период Столыпинской аграрной реформы». Нихон Кэйдзай Хёрон. 2007 г. 2-я часть (на японском языке).

⁴³ Земское дело. 1914. № 6. С. 446.

⁴⁴ Доклад № 16а Московской губернской земской управы (далее, МГЗУ) 1912 года. По строительной части. С. 10-15. 29 апреля 1910 г. по решению Московского губернского земства был учрежден комитет по пересмотру земских обязательных правил, но несмотря на составленный комитетом план изменений (Доклад № 16а МГЗУ 1914 года. По строительной части. С. 46-97) и повторяющиеся требования со стороны уездных земств об обсуждении (Доклад № 16а МГЗУ 1914 года. По строительной части. С. 41-45; Доклад № 16а МГЗУ 1915 года. По строительной части. С. 16-17), выводы не просматривались даже на очередном общем собрании губернского земства в 1915 г.

⁴⁵ Материалы по пересмотру положения о взаимном земском страховании. СПб. 1910. С. 32.

смотренные в 1910 г. в Петербурге на основании этих идей на заседании представителей земств, созданных под руководством Министерства внутренних дел, не были переданы в правительство⁴⁶.

С другой стороны, реализация мероприятий по распланированию селений была возможна после масштабных и разрушительных пожаров, при отделении хуторов и расселении на мелкие поселки, при переселении на другие пограничные территории, такие как Сибирь. При этом отделы земств по контролю за страхованием выражали мнение о том, что при введении землеустроительных работ надо было торопиться, чтобы воспользоваться ситуацией, так как землеустройство могло послужить предлогом получить значительную поддержку земств⁴⁷. Работы по землеустройству, сопутствующие перемещению жилищ, во время Столыпинской аграрной реформы также имели значение как прежде всего противопожарные мероприятия⁴⁸. Поэтому российское правительство призывало к соблюдению Строительного устава при землеустройстве. Тогда, 8 сентября 1910 г., управление по местному хозяйству Министерства внутренних дел в циркуляре, направленном губернаторам, приказывало планировать деревни при реорганизации участков таким образом, чтобы при разверстании деревень или индивидуальном выделе соблюдались установленные Строительным уставом расстояния между постройками⁴⁹.

3.5. Приостановка и полное прекращение мероприятий по распланированию селений

Как видно из таблицы 3, в этих чрезвычайных обстоятельствах подавляющее большинство губернских земств в 1912 г. отказалось

⁴⁶ Земский страховой вестник 1917. № 1-2. С. 95.

⁴⁷ Пожарное дело. 1914. № 19. С. 697.

⁴⁸ Пожарное дело. 1914. № 23. С. 823.

⁴⁹ Земский страховой вестник. 1915. № 4-5. С. 116-118.

Земские противопожарные мероприятия

от распланирования селений. Даже в губерниях, где распланирование селений еще осталось, это делалось только в отношении очень небольшого числа селений.

Таблица 3

**Распланирование селений в Европейской России в 1912 г.
(в рублях)**

Губерния	Распланирование селений	Индивидуальные планы	Субсидии на перенос построек	Итого
Владимирская	31 928	-	15 705	47 633
Московская	23 032	-	405	23 437
Пермская	20 218	-	2 187	22 405
Костромская	8 683	-	3 053	11 736
Самарская	5 061	-	1 070	6 131
Орловская	5 230	-	-	5 230
Уфимская	5 003	-	-	5 003
Пензенская	4 234	-	-	4 234
Симбирская	3 816	-	-	3 816
Казанская	3 162	-	-	3 162
Псковская	2 400	-	-	2 400
Тамбовская	1 038	-	102	1 140
Курская	-	-	7 369	7 369
Ярославская	-	-	1 999	1 999
Олонецкая	-	-	1 105	1 105
Рязанская	-	780	15	795
Могилевская	-	697	-	697
Вологодская	-	410	-	410
Новгородская	-	251	-	251
Минская	-	240	-	240
Воронежская	-	-	150	150
Итого	114 345	1 838	33 160	149 343

Источник: Пожарное дело. 1915. № 3. С. 89-91.

Исключением из того большинства губернских земств, где было решено прекратить мероприятия по распланированию селений, являлось Московское губернское земство, но не из-за того, что работы по распланированию селений шли успешно. Напротив, хотя на распланирование селений с 1874 по 1908 г. было израсходовано 145000 рублей, все составленные Московским губернским земством

проекты были сочтены непригодными и подлежащими отмене⁵⁰.

Также, с обнародованием императорского указа от 9 ноября 1906 г. и закона от 14 июня 1910 г., и в Московской губернии докладывалось, что сотни вновь разработанных проектов по распланированию селений стали совершенно бесполезными, вновь подлежащими пересмотру и изменению⁵¹ и невозможными для осуществления⁵². Пермская губерния также с большим энтузиазмом рассматривала мероприятия по распланированию селений. И сама Пермская губернская земская управа в докладе на очередном заседании губернского земства в 1911 г. дала оценку: «Безнадежно»⁵³.

Несмотря на ставшую по опыту долгих лет очевидную напрасность мероприятий по распланированию селений, упорствовавшие в их продолжении Владимирское, Московское и Пермское губернские земства стали мишенью критики как самые типичные примеры беспорядочных противопожарных мероприятий. «Но хуже всего то, что эксперименты с этим, иногда окончательно выясненным, негодным мероприятием продолжают еще проделывать соседние земства, бросая в печь народные деньги. Достаточно вспомнить хотя историю с распланированием селений, которое после миллионных затрат прекращено уже многими земствами, признавшими его негодным и даже вредным делом, и тем не менее другие земства усиленно занимаются распланированием до сих пор, производя бесконечные затраты на это безнадежное дело»⁵⁴. В конце концов, все усилия и мероприятия земств в отношении распланирования селений сошли на нет, и не только не смогли со временем улучшить ситуацию со строительством на селе с точки зрения положения по-

⁵⁰ Земское дело. 1914. № 8. С. 574.

⁵¹ Земское дело. 1914. № 8. С. 574.

⁵² Доклад № 16а МГЗУ 1909 года. По строительной части. С. 15-34; Доклад № 16а МГЗУ 1911 года. По строительной части. С. 13-14, 31-33; Доклад № 16а МГЗУ 1912 года. По строительной части. С. 12-15. О тенденциях в мероприятиях Московского губернского земства по распланированию селений ежегодно с 1894 по 1915 г. сообщалось в Докладе № 16а МГЗУ. По строительной части.

⁵³ Земское дело. 1914. № 8. С. 575-577.

⁵⁴ Пожарное дело. 1914. № 7. С. 237.

Земские противопожарные мероприятия

строек, но и более того, привели к ухудшению ситуации с нехваткой земли ввиду роста населения и случаев разделения семей, и в связи с дроблением участков⁵⁵.

Таблица 4

Распланирование селений в Московской губернии

год	Общее число утвержденных планов				
		вновь составленные	дополненные нарезкой	измененные в частях	в поселках
1899 ¹	73	22	51	0	0
1900 ²	104	30	74	0	0
1901 ³	116	49	64	3	0
1902 ⁴	114	9	105	0	0
1903	Na.	Na.	Na.	Na.	Na.
1904 ⁵	180	24	153	0	3
1905 ⁶	108	10	94	0	4
1906 ⁷	110	14	90	2	4
1907 ⁸	185	36	147	0	2
1908 ⁹	199	44	151	0	4
1909 ¹⁰	173	33	135	0	5
1910 ¹¹	154	32	112	9	1
1911 ¹²	163	57	97	5	4
1912 ¹³	94	16	57	19	2
1913	Na.	Na.	Na.	Na.	Na.
1914 ¹⁴	90	13	77		
1915 ¹⁵	61	13	48		

Источники: 1. Доклад № 16 МГЗУ 1899 года. О ходе предупредительного страхования за 1899 г., 2. Доклад № 16а МГЗУ 1900 года. По строительной части, 3. Доклад № 16а МГЗУ 1901 года. По строительной части, 4. Доклад № 16а МГЗУ 1902 года. По строительной части, 5. Доклад № 16а МГЗУ 1904 года. по строительной части, 6. Доклад № 16а МГЗУ 1905 года. По строительной части, 7. Доклад № 16а МГЗУ 1906 года. По строительной части, 8. Доклад № 16а МГЗУ 1907 года. По строительной части, 9. Доклад № 16а МГЗУ 1908 года. По строительной части, 10. Доклад № 16а МГЗУ 1909 года. По строительной части, 11. Доклад № 16а МГЗУ 1910 года. По строительной части, 12. Доклад № 16а МГЗУ 1911 года. По строительной части, 13. Доклад № 16а МГЗУ 1912 года. По строительной части, 14. Доклад № 16а МГЗУ 1914 года. По строительной части, 15. Доклад № 16а МГЗУ 1915 года. По строительной части.

Примечание: Период года есть с 1-го октября предыдущего года по 1-ое октября того года.

⁵⁵ Страховое дело. 1917. № 3-4. С. 83-84; Страховое дело. 1917. № 11-12. С. 227-228.

Несмотря на эти оценки и критики, как видно из табличы 4, Московское губернское земство более активно работало под распланированием селений именно в период Столыпинской аграрной реформы, когда многие губернские земства приняли решение прекратить распланирование селений из-за трудности. И более того, оно продолжало работу по распланированию селений во время Первой мировой войны как и раньше. Несмотря на то, что его влияние на противопожарное положение в селе не так большее, как земства ожидали, но в продолжение долгого времени с перестройками построек после многих пожаров распланирование селений помогло улучшить противопожарное положение медленно и постепенно.

4. Сельские пожарные дружины

Планировавшаяся сразу после отмены крепостного права пожарная повинность опиралась на сельские общества и волостные управления, но практически не выполняла своих функций из-за отсутствия заинтересованности со стороны сельских обществ, а попытки создать из членов сельских обществ добровольные пожарные дружины и споры о замене пожарной повинности денежными взносами так и не принесли плодов⁵⁶. Кроме того, административные органы вплотную не занимались этим вопросом, поэтому долгое время после отмены крепостного права в сельской местности совсем не существовало пожарных дружин⁵⁷.

В Московской и Тверской губерниях, где сельские пожарные дружины получили наиболее широкое развитие, впервые эти организации были созданы соответственно в 1896 и 1893 г. Впоследствии их число составляло: в 1900 г. 28 и 27, в 1905 г. 113 и 102, в 1910 г. 174 и 163, в 1912 г. 188 и 232. Таким образом, в особенности начиная с 1900 г., сельские пожарные дружины продемонстрирова-

⁵⁶ Страховое дело. 1911. № 1. С. 21; Страховое дело. 1914. № 1. С. 19-22.

⁵⁷ Пожарное дело. 1913. № 1. С. 21.

Земские противопожарные мероприятия

ли серьезное развитие, их непрерывный быстрый рост фиксировался до 1912 г.⁵⁸.

Ситуация с учреждением сельских пожарных дружин в губернских земствах 40 губерний Европейской России на основании материалов губерний по состоянию на 1912 г. приведена в таблице 5.

Таблица 5

**Сельские пожарные дружны в 40 губерниях
Европейской России в 1912 г.**

Губерния	Число деревень	Число дворов	Пожарн. дружин	Губерния	Число деревень	Число дворов	Пожарн. дружин
Пермская	14 137	599 079	1 093	Киевская	2 856	635 984	55
Псковская	13 973	171 599	432	Саратовская	2 425	367 180	49
Минская	7 666	301 868	307	Тульская	4 910	232 872	46
Ярославская	9 562	225 019	258	Пензенская	1 882	253 948	41
Новгородская	10 394	254 691	255	Олонеккая	4 468	64 797	34
Тверская	10 901	367 507	249	Подольская	2 200	571 249	21
Московская	5 260	225 668	215	Тамбовская	3 336	422 206	20
Вольнская	9 532	586 017	200	Екатеринославская	1 772	297 484	19
Казанская	4 358	409 422	136	Вологодская	14 558	253 065	18
Владимирская	6 087	275 000	125	Уфимская	4 791	458 000	15
Витебская	16 136	178 831	115	Вятская	22 440	535 155	14
Черниговская	2 949	373 310	109	Курская	4 155	372 470	12
Смоленская	10 283	234 054	104	Костромская	12 037	270 862	11
Воронежская	2 717	425 921	101	Самарская	2 380	426 727	10
Петербургская	4 057	124 206	92	Полтавская	5 384	457 277	4
Симбирская	1 858	298 167	86	Харьковская	3 770	420 063	1
Орловская	5 678	306 479	81	Бессарабская	1 410	292 481	-
Калужская	4 355	209 969	65	Таврическая	634	131 019	-
Могилевская	5 225	484 949	65	Херсонская	2 219	354 176	-
Нижегородская	3 807	317 052	61	Итого	250 160	13 491 788	4577
Рязанская	3 598	305 965	58				

Источник: Пожарное дело. 1913. № 1. С. 21-23.

Во всех вместе взятых 40 губерниях Европейской России к 1912 году существовало 4577 сельских пожарных дружин, то есть в среднем на одну пожарную дружину приходилось 56 деревень и 2950 дворов, однако ситуация сильно отличалась в зависимости от губернии. Главными причинами такого различия по губерниям бы-

⁵⁸ Пожарное дело. 1913. № 14. С. 614-615.

ли отсутствие центральной организации, объединявшей земское страхование от огня, отсутствие, в отличие от городских противопожарных организаций, в отношении противопожарных мероприятий и сельских пожарных дружин общих указаний и политики и то, что каждому земству полностью поручались все противопожарные мероприятия. Из-за этого уровень развития сельских пожарных дружин сильно отличался в зависимости от политики каждой губернии. В имевших наибольшее количество сельских пожарных дружин Пермской, Псковской, Минской, Ярославской, Новгородской, Тверской и Московской губерниях губернские земства прилагали изрядные усилия для учреждения сельских пожарных дружин. Те же губернии, в которых число сельских пожарных дружин было крайне незначительным по отношению к числу деревень и дворов, разделяли мнение, что организация пожарных дружин есть личное дело населения, и что пожарные дружины есть частные организации, не имеющие отношения к земству⁵⁹.

Правительства и местные администрации совершенно не поддерживали сельские пожарные дружины и не выделяли им субсидии, а напротив, смотрели на них с недоверием. Местные администрации начали рассматривать существующие противопожарные организации с позиции того, что все профессиональные организации в зависимости от обстоятельств могут стать оружием политической борьбы, и препятствовали созданию новых противопожарных дружин. От существующих противопожарных дружин требовали отчитываться о содержании их деятельности и предоставлять список членов и имена начальников, а в случае невыполнения этих требований дело могло дойти и до принудительного роспуска⁶⁰. Для создания сельской пожарной дружины требовалось разреше-

⁵⁹ Пожарное дело. 1913. № 2. С. 58.

⁶⁰ Страхование дело. 1909. № 18. С. 567-568.

Земские противопожарные мероприятия

ние полиции и чиновников местной администрации⁶¹. В 1910 г. Пермская земская управа предложила заменить разрешительную систему создания сельских пожарных дружин заявительной, но это так и не было реализовано.

Широко распространились слухи, что из-за создания и формирования сельских пожарных дружин вырастут налоги, поэтому в большинстве случаев отношение крестьян к мерам противопожарной безопасности и противопожарным мероприятиям было либо враждебным, либо равнодушным⁶². Во многих случаях не только не оказывалась поддержка, но и уже созданным организациям чинились всяческие помехи⁶³. В таких условиях сельские пожарные дружины, основанные на полной самостоятельности, появлялись там, где были способные на активную роль люди, на них же держалась деятельность дружин уже после формирования. Сельские дружины не всегда были представленными крестьянами, причем среди чрезвычайного многообразия слоев, родов занятий и народностей представители из крестьян были небольшой группой⁶⁴. Поэтому активные сельские пожарные дружины становились неугодными даже не из-за того, что были неуступчивыми, а могли быть расформированы от одного шага в неверном направлении⁶⁵.

Тесное отношение к созданию и деятельности сельских пожарных дружин также имели, например, оценка подлежащих страхованию от огня построек и подсчет количества пожаров. В местностях с большим количеством пожаров в большинстве случаев все подлежащие страхованию деревенские объекты подвергались завышенной оценке, и крестьяне в этих деревнях проявляли враждеб-

⁶¹ Пожарное дело. 1913. № 2. С. 59-60.

⁶² Страховое дело. 1916. № 11. С. 312-313.

⁶³ Страховое дело. 1912. № 2. С. 58.

⁶⁴ Страховое дело. 1909. № 18. С. 568

⁶⁵ Страховое дело. 1917. № 23-24. С. 689.

ность по отношению к сельским пожарным дружинам⁶⁶. Более того, в адрес уже организованных сельских пожарных дружин посылались насмешки и даже угрозы⁶⁷. В таких суровых условиях некоторые стали утрачивать энтузиазм в отношении деятельности пожарных дружин и даже выходить из их состава⁶⁸.

С другой стороны, были земства, которые, подобно Полтавской губернии, использовали уже существующие сельские общества вместо добровольных сельских дружин. Однако в большинстве случаев сельское общество к проблеме борьбы с пожарами ощущалось полное безразличие. Кроме того, когда Казанская губернская земская управа в надежде оснастить пожарные дружины предложила каждому волостному правлению губернии по 200 рублей безвозмездно и один пожарный гидрант, из 184 волостных правлений ответило 70, из них 45 известило о наличии пожарных гидрантов, а остальные 25 принять гидранты и деньги отказались. Были даже ситуации, когда земская управа потребовалась от администраций воздействию⁶⁹.

Кстати, не говоря уже о губерниях, в которых так и не были организованы пожарные дружины, даже в таких губерниях, как в Пермской или в Тверской, где их находилось наибольшее количество, понимали, что деятельность пожарных дружин охватывает недостаточно количество территорий. В разделенных большими рас-

⁶⁶ Страхование дело. 1912. № 2. С. 58

⁶⁷ Страхование дело. 1917. № 23-24. С. 689.

⁶⁸ Страхование дело. 1909. № 18. С. 567. С другой стороны, когда проведение переоценки подлежащих страхованию объектов снижало страховую стоимость, ситуация резко изменялась. После переоценки уклонявшиеся прежде от пожарных дружин с использованием всяческих средств деревни даже без приглашения от страхового агента организовывали пожарные дружины. Также, в отсутствие экстраординарных ситуаций с завышенной оценкой создавать пожарные дружины было легче, и в таких случаях крестьяне следовали рекомендациям земств. (Страхование дело. 1912. № 2. С. 58).

⁶⁹ Пожарное дело. 1913. № 2. С. 57-58.

Земские противопожарные мероприятия

стояниями деревнях Пермской губернии на 12 деревень приходилось одна сельская пожарная дружина, функционирование которой просто было нереально. Более того, в Тверской губернии в 1912 г. на одну сельскую пожарную дружину приходилось в среднем 43 деревни (1470 двора), но в проектах земства в действительности осознавалось, что из-за разбросанности мелких деревень подходящий масштаб одной пожарной дружины - это 7 деревень (300 дворов). И на самом деле, многие деревни из-за близости нескольких пожарных дружин находились в зоне деятельности 2-3 дружин, но в совокупности, зоной деятельности одной пожарной дружины были примерно 7 деревень. Такая же, как и в Тверской губернии, ситуация была и в Пермской, Вятской, Вологодской, Псковской, Костромской и Новгородской губерниях, а общей чертой этих губерний было большое количество очень маленьких и разбросанных по широкой местности деревень. Более того, даже в одной губернии распределение пожарных дружин по уездам было чрезвычайно неоднородным, и в зависимости от отношения к дружинам простого населения и от местонахождения страховых агентов дружины концентрировались в 4-5 местах⁷⁰. Также, в организации сельских пожарных дружин, в отличие от организации систематической сети участков страховых агентов, из-за несоблюдения земских планов сохранялась чрезвычайная поляризация. Например, в 1913 г. в сельской местности Ярославской губернии было 280 сельских пожарных дружин, в Мышкинском уезде 3 сельских пожарных дружин, в Мологском 8 сельских пожарных дружин, в Ярославском 44 сельских пожарных дружин, в Ростовском 130 сельских пожарных дружин⁷¹.

Большое значение для деятельности пожарных дружин имела помощь от губернских земств, однако на практике пожарным дру-

⁷⁰ Пожарное дело. 1913. № 1. С. 23.

⁷¹ Страховое дело. 1913. № 21. С. 634-635.

жинам было очень трудно собрать необходимые для первоочередных нужд средства, поэтому многие пожарные дружины для поддержания своего существования вынуждены были добывать средства, собирая пожертвования лотереями, концертами, театрализованными представлениями и другими способами. Символическим случаем было прошение одной пожарной дружины к Совету императорского пожарного общества о праве открыть кабак⁷². В случае Пермской губернии для сбора средств предпринимались всевозможные меры – такие, как самообложение, сбор средств и вещей по подписке, осуществление работ по подряду, лотереи⁷³. Одной из причин, по которой устойчивое функционирование сельских дружин подвергалось риску, также было негативное отношение к земским противопожарным мероприятиям со стороны администраций⁷⁴.

При таких обстоятельствах сельские пожарные дружины фактически находились в состоянии зимней спячке, пробуждаясь только при возникновении пожара, да и то ненадолго. Поэтому была необходима осуществляющая регулярный надзор структура, но земские страховые агенты тратили все силы на другие дела, и полагаться на них было нельзя⁷⁵. Как о повседневных явлениях сообщалось об опозданиях на выезды, о растерянности пожарных при тушении пожаров, о непригодных пожарных инструментах, поэтому ощутимой пользы от этого при пожарах не было.

5. Распространение огнестойкого строительства

Согласно материалам конца 1890 года, в Европейской России было около 12 000 000 жилых помещений, среди которых 8 040 000

⁷² Пожарное дело. 1913. № 3. С. 107.

⁷³ Страховое дело. 1916. № 11. С. 313-314.

⁷⁴ Страховое дело. 1917. № 23-24. С. 691-692.

⁷⁵ Пожарное дело. 1914. № 23. С. 826-827.

Земские противопожарные мероприятия

единиц были деревянными с соломенными крышами (что составляло 67%), 3 600 000 единиц деревянными с деревянными крышами (30%), 60 000 единиц деревянными с огнестойкими крышами (0,5%) и 300 000 единиц каменных домов с огнестойкими крышами (2,5%). Из этого видно, что приблизительно 97% жилых построек в сельской местности были сделаны из дерева и соломы, не обладающих огнестойкостью, из-за чего и вероятность возникновения пожара, и ущерб от него, были чрезвычайно высокими⁷⁶. Поэтому земства уделяли особо пристальное внимание огнестойкому строительству и ассигновали на него крупные суммы денег. Огнестойкое строительство рассматривалось земствами как панацея от пожаров, и в 10 годах 20 века многие люди думали, что если сельские строения перестроить из огнестойких материалов, то пожары исчезнут раз и навсегда⁷⁷.

Для начала рассмотрим таблицу 2, из которой видно, что Московской губернией среди всех противопожарных мероприятий больше всего выделялось ассигнований на распространение кровельного железа. Однако эти ассигнования были всего лишь обязательным к возвращению долгом. Из всех огнеупорных материалов для покрытия крыш кровельное железо привлекало к себе больше всего внимания сельских жителей, поэтому имело наибольший шанс на распространение, хотя успех и не был абсолютным. По материалам Тамбовской губернии в 1877 кровельным железом в этой губернии было покрыто 0,5 % домов, а к 1912 году количество таких сельских строений возросло до 12%. Очевидно, что кровельному железу отдавалось предпочтение перед черепицей и глиносоломой, но основная причина его распространения заключалась в том, что земства предоставляли этот материал по низким ценам и в кре-

⁷⁶ Земский страховой вестник. 1917. № 24. С. 30-31.

⁷⁷ Пожарное дело. 1914. № 9. С. 319.

дит⁷⁸. Крестьяне обычно покрывали железом только крыши изб, или, изредка, крыши амбаров, а двор под избой всегда оставался покрытым соломой. Такие дома с кровельным железом при пожарах практически не сохранялись и сгорали дотла в море огня точно так же, как и дома с соломенными крышами. На практике не имело смысла покрытие крыши избы или амбара кровельным железом, это не прибавляло строению огнестойкости, так как вся остальная его часть утопала в пламени. В такой ситуации бессильны оказывались и огнегасительные инструменты, которыми были оснащены деревни, и хорошо сформированные сельские пожарные дружины⁷⁹.

В городах России по распоряжению запрещалось покрывать крыши строений соломой, что строго соблюдалось⁸⁰. То, чтобы и в сельской местности земскими распоряжениями запрещалось использовать солому при покрытии крыш, в действительности временами вызывали широкие дискуссии, в частности когда мероприятия по распланированию селений почти прекратились во время Столыпинской аграрной реформы⁸¹. Одной из главных мер, которая поощрялась, было распространение глиносоломы в качестве материала для крыш⁸². Но такое земское принудительное мероприятие на самом деле не получило никаких результатов. Главной причиной этой неудачи было то, что такие крыши были очень тяжелыми⁸³. Вес одного квадратного саженья отсыревшей крыши был 21-23 пуда (в зависимости от толщины крыши), а вес одного квадратного саженья сухой крыши составлял 11-13 пудов. Из-за такой тяжести глиносолома могла использоваться только в добротных домах, а имен-

⁷⁸ Пожарное дело. 1914. № 19. С. 695.

⁷⁹ Пожарное дело. 1914. № 19. С. 696.

⁸⁰ Страхование дело. 1912. № 4. 128-129.

⁸¹ Страхование дело. 1911. № 19. С. 604-605.

⁸² Пожарное дело. 1915. № 8. С. 277; Пожарное дело. 1915. № 9. С. 321; Пожарное дело. 1915. № 11. С. 395.

⁸³ Пожарное дело. 1915. № 8. С. 278-279; Пожарное дело. 1914. № 19. С. 695.

но, только зажиточными крестьянами. Но зажиточные крестьяне видели в глиносоломе признак бедности и предпочитали покрывать крыши деревом или кровельным железом. По этой причине бедные крестьяне не могли покрывать крыши своих непрочных домов глиносоломой. От тяжести глиносоломенной крыши подпорки домов накренились, от сильного давления дома проседали и перекашивались⁸⁴. Таким образом земствами многих губерний покрытие крыш был оценено как малоэффективное с точки зрения огнестойкости. Земство Самарской губернии хоть и постановило покрывать соломенные крыши глиной, но на практике это практически не выполнялось⁸⁵. Земство Московской губернии в качестве эксперимента пробовало распространять такие крыши, но практически сразу отказалось от этой идеи. В Тамбовской и Саратовской губерниях также докладывалось о подобной ситуации⁸⁶.

Кроме того, земства непосредственно занимались строительством заводов по производству черепицы и кирпичей. Наибольшие вложения в этой области были в Полтавской, а также в Новгородской⁸⁷, Тамбовской, Таврической и Екатеринославской губерниях⁸⁸. Почти на всех заводах был дефицит, а начатое дело так и осталось на стадии эксперимента⁸⁹. В общем, строительство заводов не повлекло за собой широкого распространения черепицы, поэтому не приходилось и рассчитывать, что крестьяне станут заменять свои соломенные и деревянные крыши на черепичные. Слабыми местами черепицы были высокие расходы на ее изготовление и неудобство ее доставки в отдаленные регионы. Продавать черепичную крышу по цене ниже ее реальной стоимости было бы возможно

⁸⁴ Пожарное дело. 1915. № 9. С. 321.

⁸⁵ Страхование дело. 1908. № 9. С. 265-266.

⁸⁶ Пожарное дело. 1914. № 19. С. 695.

⁸⁷ Пожарное дело. 1915. № 16. С. 566-567.

⁸⁸ Пожарное дело. 1915. № 17. С. 591.

⁸⁹ Пожарное дело. 1915. № 17. С. 591.

только при активных субсидиях и помощи со стороны земств, но естественно, что для земств это влекло за собой неизбежные убытки. Поэтому земская управа Московской губернии пришла к выводу, что «в вопрос о распространении черепицы среди сельского населения следует держаться выжидательной тактики», а земская управа Тульской губернии заявляла, что «черепица была у нас в большом ходу много столетий тому назад, как о том свидетельствуют памятники старины, теперь же она из коренной России исчезла»⁹⁰.

Крестьяне не показывали интереса к попыткам перестроить свои поселения из огнестойких материалов за свои средства. Крестьяне занимались огнестойким строительством только в том случае, если земство осуществляло поддержку этого путем предоставления ссуд, скидок, субсидий, а также предоставляло необходимый материал и технических наблюдателей. В целом, мероприятия по проведению огнестойкого строительства получили лишь небольшое развитие и практически не оказали решительного влияния на существующий характер возгораемости⁹¹. Сами крестьяне с настроенностью относились к любым новым мерам, так как они были уверены в бесполезности некоторых типов огнестойких строений и крыш, несмотря на то что в данных районах они могли бы быть чрезвычайно ценны, с недоверием относились к каждому новым попыткам каждого отдельного земства⁹².

С другой стороны, правительство России периода Столыпинской аграрной реформы, в отличие от безучастного отношения, которое господствовало до этого, прилагало усилия для осуществления противопожарных мер в землеустроенных хозяйствах (хутор и отруб), которые возникли в результате землеустройства, и призы-

⁹⁰ Пожарное дело. 1914. № 19. С. 695.

⁹¹ Пожарное дело. 1914. № 23. С. 824-825.

⁹² Пожарное дело. 1914. № 9. С. 319.

Земские противопожарные мероприятия

вало земства к активному участию в этом. При этом российское правительство, так же как и в случае с предоставлением агрономической помощи⁹³, средства для оснащения огнестойкими материалами выделяло только в эти землеустроенные хозяйства. Московская, Пермская и некоторые другие губернии отказались помогать только таким хозяйствам и решили выделять помощь всем крестьянам, включая крестьянские общины. В этих губерниях при землеустройтельной комиссии были созданы специальные организации, которые целенаправленно занимались предоставлением помощи для осуществления противопожарных мероприятий на новых землеустроенных хозяйствах, и в 1915 году вся деятельность, направленная только на хутора и отрубы была передана под управление центральной организации⁹⁴. Направленность ее деятельности, в целом, отнюдь не получила одобрения, а успех этой своеобразной организации, которая базировалась на политических целях, всегда был сомнительным⁹⁵.

Если проследить, как на практике изменилась противопожарная обстановка в крестьянских домах благодаря распространению огнестойкого строительства, которому из всего списка противопожарных мероприятий земствами уделялось больше всего внимания, на примере материалов, из которых были сделаны стены и крышки крестьянских домов Московской губернии в 1908 году, то можно заметить следующее. Вначале рассмотрим ситуацию с материалами, из которых были сделаны стены. Стены в 99%, как и ранее, оставались деревянными, в 0,66% были каменными, в 0,34% были смешанными из дерева и камня. Что касается крыш, то солома составляла 68,52%, тесь 10,88%, дрань 10,28%, железо 10,14%, глиносолома

⁹³ См. Чой Джаедонг. «Социально-экономическая история российской деревни в новое время». Нихон Кэйдзай Хёронся. 2007 г. Глава 2. (на японском языке).

⁹⁴ Страховое дело. 1917. № 9-10. С. 191-193.

⁹⁵ Страховое дело. 1917. № 11-12. С. 222-224.

0,18%. С 1900 по 1909 гг. на распространение кровельного железа земствами была выделена гигантская сумма в размере 650 000 рублей, но несмотря на это, этот материал составлял лишь 10%, что свидетельствует о том, что основная причина этого была не только в его дороговизне, но и в том, что оно требовало периодической окраски во избежание ржавчины, что было большим грузом для крестьян, у которых было лишь немного экономической мощи⁹⁶. В результате пожары распространялись подобно эпидемии, количество возгораний из года в год росло, благодаря чему у сельской инфраструктуры хоть и появлялся шанс на обновление и перестройку после пожара, но по всем вышеперечисленным причинам и это не могло осуществиться в полной мере.

6. Распространение и ремонт огнегасительных инструментов

Среди земских противопожарных мероприятий сравнительно успешным можно назвать распространение огнегасительных инструментов. Благодаря агитации, выдачи субсидий и пособий со стороны земства и страховых агентов, в сельской местности появились сотни тысяч пожарных кранов, труб, инвентаря для вскрытия и разрушения конструкций при тушении пожара, пожарных обзоров и комплектов других огнегасительных инструментов. Пожарный кран мог защитить одну избу от пожара, что уже свидетельствовало о его значимости. Крестьяне хорошо понимали значение пожарных кранов, шлангов и огнегасительных инструментов, поэтому активно откликались на призывы земства об их приобретении, да и

⁹⁶ Страховое дело. 1911. № 21. С. 653-656. И в таких сложных условиях Московское губернское земство непрерывно наращивало усилия по распространению огнестойкого строительства и кровли, и даже в 1915 и 1916 гг., в годы Первой мировой войны, продолжало действовать с предвоенным размахом. (Земский страховой вестник 1916. № 5-6. С. 58-65)

Земские противопожарные мероприятия

земства давали субсидии и ссуды, а то и распродавали по полцены или безвозмездно выдавали в пользование, таким способом поощряя оснащение населения огнегасительными инструментами⁹⁷.

Если рассмотреть подробно использование ассигнований, то больше всего выделялось субсидий на приобретение пожарных кранов и обозы, в размере 255 859 рублей (52,9%), безвозмездно пожарных кранов и оборудования выдавалось на сумму 104 321 рубль (21,6%), на бесплатный ремонт пожарных кранов и обозов выделялось 94 328 рублей (19,5%), на строительство складов под пожарный инвентарь субсидий выдавалось на 13 186 рублей (2,7%), на содержание пожарных амбаров 8 811 рублей (1,8%), на содержание мастерских по производству пожарного оборудования 3 997 рублей (0,8%), на оснащение земских школ огнетушителями безвозмездно выделялось 2 749 рублей (0,6%), а субсидии на поддержание в целостности пожарных обозов составляли 336 рублей⁹⁸. Естественно, что в вышеназванных префектурах, где со стороны земств выделялись крупные ассигнования, ситуация по борьбе с пожарами значительно улучшалась⁹⁹.

Если посмотреть, сколько было заготовлено пожарных кранов по губерниям, то ситуация достаточно разнится, но наибольший процент оснащенности пожарными кранами был в Вятской и Ярославской губерниях. Что касается положения дел в Вятской губернии, то на 22 400 деревень (549 300 дворов) было 8 298 штук пожарных кранов, то есть на один пожарный кран приходилось 2,2 деревни или примерно 66 дворов. В Ярославской губернии на 9 900 деревень (234 300 дворов) приходилось 3 751 пожарных кранов, то есть каждый пожарный кран обслуживал в среднем 2,6 деревень или 62 двора. Развитие в данных губерний происходило благодаря

⁹⁷ Пожарное дело. 1915. № 9. С. 319-321.

⁹⁸ Пожарное дело. 1915. № 7. С. 243-244.

⁹⁹ Страховое дело. 1916. № 7-8. С. 211-212.

распространению пожарных кранов, чему способствовала активная политика земств в этом отношении. Что касается ситуации в других губерниях, то в такой нечерноземной губернии как Вологодская, где размеры деревень были сравнительно небольшими, на 14 000 деревень (260 500 дворов) приходилось 1 411 пожарных кранов, то есть каждый пожарный кран обслуживал 10 деревень, или 184 двора. В Тверской губернии на 10 900 деревень (37 000 дворов) было 3 233 пожарных кранов, то есть 1 пожарный кран обслуживал 3,3 деревни, или 114 домов. Наоборот, в черноземном регионе, где размеры деревень были сравнительно большими, в таких губерниях как Воронежская, 1 пожарный кран обслуживал 1,2 деревни (240 дворов), в Екатеринославской губернии 1,1 деревню (200 дворов), в Подольской губернии 1,3 деревню (380 дворов), в Симбирской губернии 0,9 деревни (104 двора). Даже в пределах одной губернии количество соотношения пожарных кранов на количество деревень значительно колебалось в зависимости от размера деревни. В Тверской губернии из 10 905 деревень пожарный кран и насос использовались в 2 846 деревнях, что составляло 26% от всех деревень.

Если посмотреть на процент оснащенности пожарными кранами в зависимости от размера деревень, то предстает следующая картина. Деревень с количеством дворов от 1 до 10 было 1842, на них приходилось 25 пожарных кранов, то есть степень оснащенности составляла не более 1,2%, при количестве дворов от 11 до 20 - 2,4%, от 21 до 30 - 11,5%, от 31 до 50 - 36,6%. И наоборот, в ставнительно больших деревнях (50 дворов и более), процент оснащенности был высок. А именно, деревень от 51 до 100 дворов было 1898, на которые приходилось 1329 пожарных кранов, то есть степень оснащенности составляла 70%. В деревнях от 101 до 150 дворов 94,9%, от 151 до 200 дворов 97,7%, в 200 и более дворов 100%¹⁰⁰. Таким образом, оснащенность пожарными кранами была тем выше,

¹⁰⁰ Пожарное дело. 1915. № 7. С. 245.

Земские противопожарные мероприятия

чем больше был размер деревень, а главной причиной этого было то, что в больших деревнях на приобретение пожарного крана с каждой семьи собиралась меньшая сумма, чем в деревнях маленьких.

За редким исключением почти во всех губернских земствах росло понимание того, что пожарные краны необходимо регулярно проверять и ремонтировать, а также изучался вопрос постепенного увеличения их количества. Дело в том, что на практике при пожаротушении возможно было использовать лишь небольшое количество пожарных кранов, так как их техническая проверка и ремонт почти не проводились. Кроме того, земства стали уделять внимание не только контролю за пожарными кранами и другим инвентарем и их ремонту, но и постройке помещений для хранения огнегасительных инструментов. В 1912 году земствами было выделено субсидий на сумму 13 186 рублей для данных мероприятий, но из 40 губернских земств это было сделано только в 6, а большинстве губернских земств не было выделено никаких субсидий, и были только определены правила установки пожарных складов¹⁰¹.

7. Детские ясли и обсадка селений деревьями

Процент возникновения пожаров по причине «детских шалостей» был настолько велик, что об этой причине нельзя не упомянуть. Например, в Симбирской губернии в 1911 году по причине «детских шалостей» возник 81 пожар из общего числа 1143 (7,1%), а в 1912 году 61 из 921 (6,6%), что вместе составило примерно 7% от общего числа пожаров¹⁰². В Московской губернии по этой же при-

¹⁰¹ Пожарное дело. 1915. № 18. С. 628-630.

¹⁰² Пожарное дело. 1914. № 6. С. 197.

чине в 1913 году возникло 86 пожаров из 1721 (5,8%), а в 1914 году 97 из 1192 (9,3%)¹⁰³.

Но главная проблема состояла в том, что при пожарах от детских шалостей был наиболее высок процент ущерба и суммы убытков. Например, если посмотреть на сумму убытка от одного пожара во Владимирской губернии в 1911 году, то от молнии она составляла 148 рублей, от неисправности печи и дымохода 390 рублей, от неосторожного обращения 451 рублей, от предположительного поджога 480 рублей, от неизвестной причины 507 рублей, в то время как от детских шалостей целых 946 рублей, что больше средней суммы почти в 2 раза. Если посмотреть на количество пострадавших от одного пожара дворов в Волынской губернии в 1911 году, то из-за молнии в среднем выгорало 1,7 дворов, из-за неисправности печей и дымохода 2,2 дворов, из-за неосторожного обращения с огнем 3,6 дворов, из-за предположительного поджога 2,5 дворов, по неизвестной причине 2,7 дворов, а из-за детских шалостей целых 6,6 дворов. Более того, в 1912 году в той же губернии эти цифры возросли соответственно до 1,7 дворов, 2,8 дворов, 8,2 дворов, 2,7 дворов и 3,2 домов, а цифра пожаров от детских шалостей подскочила до 11, 2 дворов¹⁰⁴. В Самарской¹⁰⁵, Воронежской¹⁰⁶, Киевской, Курской, Подольской¹⁰⁷, Вологодской¹⁰⁸ и других губерниях наблюдалась совершенно аналогичная картина.

Если на примере Тверской губернии рассмотреть ситуацию с воспитанием детей в пору страды, при которой занятость крестьян

¹⁰³ Статистический отчет о взаимном земском страховании в Московской губернии за 1914 год. М., 1916. С. 64-68.

¹⁰⁴ Пожарное дело. 1915. № 7. С. 242-243.

¹⁰⁵ Страховое дело. 1916. № 17. С. 488.

¹⁰⁶ Пожарное дело. 1915. № 9. С. 317; Пожарное дело. 1915. № 14. С. 490-492.

¹⁰⁷ Пожарное дело. 1915. № 9. С. 317-318. В период Первой мировой войны и революции 1917 г., по сравнению с предыдущим периодом, в особенности пожары из-за детских шалостей стали случаться значительно чаще.

¹⁰⁸ Пожарное дело. 1915. № 7. С. 243.

Земские противопожарные мероприятия

достигала максимального уровня, то становится ясно, что 45% детей оставались вообще без присмотра, 33% на попечение старших сестер и братьев или пожилых людей, 14% оставались под присмотром только на ночь, а в 8% нанимали няню¹⁰⁹. Даже те дети, которые не оставались вообще без присмотра, на самом деле часто были предоставлены самим себе. Такое положение вещей уже давно привлекало к себе внимание земств не только с точки зрения пожаров, но и в плане детского здоровья и болезней. В качестве одной из мер борьбы с этой проблемой предпринималась организация временных детских яслей, однако в большинстве губерний это не пошло дальше экспериментов. За 8 лет с 1899 по 1906 год земство Воронежской губернии выделило 24 882 рублей на организацию детских яслей в сельской местности, но на очередном земском собрании докладывалось, что организация детских ясель в деревнях не принесла прибыли страховому делу¹¹⁰. Во многих случаях ассигнования были незначительными¹¹¹, часто наоборот, выделенные суммы так и оставались неиспользованными¹¹².

Обсадка селений деревьями также задумывалась как одна из мер борьбы с распространением пожаров, но если посмотреть реальное положение дел в Европейской России 1912 года, то из 40 губерний на эти мероприятия средства выделили только 8—Вятская (2140 руб.), Пермская (2143 руб.), Киевская (785 руб.), Тверская (681 руб.), Казанская (557 руб.), Ярославская (505 руб.), Вологодская (103 руб.), Подольская (150 руб.), а остальные оставались безучастными¹¹³. В 1915 году наблюдалась похожая картина: на обсадку селений деревьями средства выделили только 8 губерний—Вятская и Казанская (600 руб.), Оренбургская (1600 руб.),

¹⁰⁹ Пожарное дело. 1909. № 13. С. 251-253.

¹¹⁰ Пожарное дело. 1915. № 9. С. 319.

¹¹¹ Пожарное дело. 1915. № 7. С. 243.

¹¹² Пожарное дело. 1915. № 14. С. 491.

¹¹³ Пожарное дело. 1915. № 6. С. 198-200.

Пензенская (1000 руб.), Симбирская (200 руб.), Самарская, Уфинская и Пермская (2500 руб.). В Московской, Полтавской и Костромской губерниях обсадка селений деревьями хоть и предписывалась земскими распоряжениями, но так и не нашла воплощения в жизнь¹¹⁴. Во многих деревнях на дорогах либо стояли постройки, либо они были настолько узкими, что обсадка деревьями была просто невозможна. Также, затруднительно было доставлять деревья для посадки в деревни, которые находились вдалеке от леса¹¹⁵.

8. Динамика опустошительности и частоты пожаров

Для измерения степени ущерба от пожаров рассмотрим, сколько дворов страдало от одного пожара в сельской местности 49 губерний Европейской России в промежутке между 1860 и 1909 гг. Ситуация видна из таблицы 6.

Как видно из таблицы 6, количество дворов, пострадавших от одного пожара в Европейской России с 1860 по 1909 гг. продолжает планомерно снижаться. Наиболее ощутимое снижение этого показателя можно заметить прежде всего в Московской губернии, а также во Владимирской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Тверской и Ярославской губерниях, то есть в центрально-промышленном регионе. На примере Московской губернии можно увидеть, что степень ущерба планомерно снижалась, составляя в 1873-77 гг. 4,8 дворов, в 1878-82 гг. 4,7 дворов, в 1891-95 гг. 4,0 дворов, в 1896-1900 гг. 3,5 дворов, в 1901-05 гг. 2,4 дворов, а в 1906-10 гг. 2,1 дворов¹¹⁶.

¹¹⁴ Страховое дело. 1916. № 13. С. 379-381.

¹¹⁵ Земское дело. 1914. № 8. С. 562-564.

¹¹⁶ Доклад № 166 МГУ 1912 года. О противопожарных мерах. С. 2-3.

Таблица 6

**Количество пострадавших дворов от одного пожара
в сельской местности 49 губерний Европейской России
(в дворах)**

Год	49 губерний	Северная часть 8 губерний	Центрально-промышленный регион 7 губерний	Центрально-черноземный регион 8 губерний	Восточная, Северо-восточная часть 6 губерний
1860-64	5,0	3,0	6,2	7,7	8,1
1865-69	4,6	3,0	6,5	6,8	4,9
1870-74	4,0	1,8	5,9	6,4	5,5
1875-79	3,6	1,9	4,7	5,7	5,2
1880-84	3,3	2,2	4,2	4,6	4,9
1885-89	3,1	1,8	3,7	4,5	4,4
1890-94	3,5	1,9	4,3	4,9	5,5
1895-99	2,8	1,6	3,4	4,1	4,4
1900-04	2,8	1,7	2,8	4,0	4,3
1905-09	2,7	1,6	2,7	3,5	4,1
Год	Западная часть 6 губерний	Белоруссия 4 губерний	Малороссия 6 губерний	Южная часть 4 губернии	
1860-64	1,8	2,9	2,7	1,5	
1865-69	2,7	3,2	2,8	1,3	
1870-74	2,5	2,9	2,7	1,3	
1875-79	2,3	2,6	2,5	1,3	
1880-84	2,4	3,1	2,4	1,6	
1885-89	2,1	2,9	2,2	1,5	
1890-94	2,6	3,2	2,3	1,3	
1895-99	1,7	3,2	2,0	1,7	
1900-04	2,3	3,5	2,3	1,4	
1905-09	2,0	3,5	2,0	1,3	

Источник: Статистика пожаров в Российской империи за 1895-1910 г. Ч. 1. 63 губернии Европейской России. СПб. 1912. С. XXX-XXXVIII.

Далее следует обратить внимание на центрально-черноземный регион, к которому принадлежали такие губернии, как Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская и Тульская. Из всех губерний наибольших успехов в проведении противопожарных мероприятий добилась Воронежская губерния. Если проследить степень ущерба от одного пожара, то в 1867-76 гг. она составляла 5,3 двора, в 1877-86 гг. 4,7 двора, в

1887-96 гг. 3,9 дворов, в 1897-1906 гг. 3,3 дворов, а в 1907-11 гг. 2,5 дворов, то есть также продолжала снижаться¹¹⁷.

Главную причину такого поразительного снижения степени ущерба от пожаров земство Московской губернии охарактеризовало так: «При этом следует отметить, что указанное значительное и быстрое уменьшение истребительности пожаров совпадает с особо усиленным развитием в тот же период времени всех вышеупомянутых противопожарных мер и что поэтому есть полное основание думать, что уменьшение истребительности пожаров в селениях произошло именно под влиянием этих противопожарных мероприятий; тем более, что каких либо еще других факторов, которые могли бы оказать такое большое влияние на сокращение опустошительности пожаров, мы не знаем»¹¹⁸. Однако несмотря на поразительное уменьшение степени ущерба в этих двух регионах, в других 34 губерниях не наблюдалось таких значительных изменений в промежутке между 1870 и 1909 гг., а в Белорусских губерниях, таких как Минская, Витебская, Могилевская и Смоленская, так и вообще отмечался рост ущерба.

Кстати сказать, и в Московской губернии, где наблюдалось значительное улучшение с ситуации по сравнению с 1873-1882 гг, когда от одного пожара страдало 4,8 дворов, в начале 20 века уже не ощущалось каких-то значительных изменений. А именно, в 1904 году ущерб затрагивал 2,4 дворов, в 1905 году 2,8 дворов, в 1906 году 2,8 дворов, в 1907 году 2,4 дворов, в 1908 году 2,2 дворов, в 1909 году 2,2 дворов, в 1910 году 2,6 дворов, в 1911 году 2,3 дворов, в 1912 году 2,3 дворов, в 1913 году 2,5 дворов, а в 1914 году 2,6 дворов. Московское губернское земство так оценивало ситуацию со степенью ущерба от пожаров в начале 20 века: «Как установлено многолетними наблюдениями над сельскими пожарами, опустоши-

¹¹⁷ Краткий исторический обзор деятельности Воронежского губернского земства по взаимному земскому сельскому страхованию и по борьбе с пожарами в селениях. Воронеж, 1914. С. 28-29.

¹¹⁸ Доклад № 166 МГУ 1912 года. О противопожарных мерах. С. 4.

Земские противопожарные мероприятия

тельность их падает в связи с улучшением крестьянских строений в отношении их размеров, материала стен и крыш и взаимного расположения, но эта тенденция обнаруживается в полной мере только в течение длительного промежутка времени. Для селений Московской губернии указанная тенденция не обнаруживается с полной отчетливостью даже в продолжение десятилетия. Это показывает нижеследующее сопоставление районной опустожительности пожаров окаладного страхования за 1904-1914 гг.»¹¹⁹.

Что касается еще одной задачи проведения противопожарных мероприятий—предотвращать само возникновение пожара, то начиная с 1860 года и вплоть до начала Первой мировой войны, их количество продолжало планомерно расти и положительных результатов почти не удалось добиться. Например, если рассмотреть количество пожаров, возникающих на каждые 1000 дворов в Московской губернии, то в 1873-77 гг. эта цифра составляла 3,1 пожаров, в 1878-82 гг. 3,7 пожаров, в 1891-95 гг. 3,4 пожаров, в 1896-1900 гг. 3,3 пожаров, в 1901-05 гг. 5,6 пожаров, в 1906-10 гг. 9,4 пожаров, то есть продолжала расти, особенно резко с наступлением начала 20 века¹²⁰. Похожая ситуация с ростом количества пожаров в тот же период времени наблюдалась и в других губерниях Европейской России¹²¹.

Кстати, Московское губернское земство данную ситуацию анализировало следующим образом: «Из этих данных о частости пожаров, нельзя вывести заключения, что на ней не отражались противопожарные мероприятия, можно только думать, что другие, более могущественные факторы, о которых губернская управа неоднократно говорила в докладах прошлых лет, а именно: изменив-

¹¹⁹ Статистический отчет о взаимном земском страховании в Московской губернии за 1914 год. М., 1916. С. 49. Все специалисты, имеющие отношение к земскому страхованию от огня и противопожарным мероприятиям, указывали на недостаточность противопожарных мероприятий.

¹²⁰ Доклад № 166 МГУ 1912 года. О противопожарных мерах. С. 2-3.

¹²¹ См. Чой Джаедонг. Пожары, поджоги и страхование от огня в сельской России начала 20 века. «История и экономика». Вып. 210. 2011 г. (на японском языке).

шийся характер сельской жизни, прошедшие смутные годы, а также существовавшие в то время недостатки в постановке страхового дела на местах по оценке принимаемого на страх имущества, до известной степени парализовали влияния этих мер. Во всяком случае, без предупредительных мероприятий частота пожаров могла бы возрасти значительно больше, а вместе с ней могла бы увеличиться и истербительность пожаров»¹²².

9. Заключение

В начале 20 века многие земства использовали большую часть запасных капиталов, достигавших нескольких миллионов рублей, на кредитование таких обычных мероприятий как медицины и образования и т.п., а на противопожарные мероприятия, для которых изначально предназначались средства, оставалась лишь очень незначительная часть. Дело в том, что развитие и расширение успеха противопожарных мероприятий привело к уменьшению опасности возникновения пожаров и количества возгораний, а также сокращению ущерба от пожаров, поэтому необходимость в страховании от огня стала чувствоваться все меньше и меньше. Как результат этого, страхование от огня попадает в застой, уставный капитал сокращается, финансовое положение земского страхования находится под угрозой, что снижает денежный фонд, из которого земства имеют возможность занимать средства для проведения других мероприятий. Таким образом, в соперничестве между центростремительной силой погони за общественными интересами с целью удержать возникновение пожаров под контролем и предотвратить распространение ущерба от пожаров, и центробежной силой погони за коммерческими интересами и за извлечением прибыли при страховании от огня, которому отводилась роль источника средств

¹²² Доклад № 166 МГУ 1912 года. О противопожарных мерах. С. 4.

Земские противопожарные мероприятия

финансирования земств, центр тяжести, по сути, приходился на последнее.

В реалиях развития страхования от огня и завышенной оценки построек крестьяне рассматривали возникновение пожаров не обязательно как источник бед, но скорее как шанс поправить дела, и из-за того, что крестьянское общество и крестьянские семьи рассматривали это как простой, и более того, надежный способ решения всех проблем, к противопожарным мероприятиям и политике они относились, в целом, равнодушно. С тем контрастировало очень сильно активное участие крестьян в страховании от огня и крестьянские кредитные товарищества, предлагающие экономическую выгоду крестьянским хозяйствами.

Безучастное отношение русского правительства и отсутствие комплексного курса и руководства относительно противопожарных мер, чрезмерное децентрализация областей (укрепление позиций самоуправления в губернских земствах), погоня земств за прибылью и пассивное отношение к противопожарным мероприятиям, повальное равнодушие среди простого народа к проводимым земствами противопожарным мероприятиям, усиление личной ответственности на крестьянские постройки в период Столыпинской аграрной реформы, отсутствие системной организации пожарных дружин и распространения огнестойкого строительства, а также другие факторы привели к тому, что противопожарные мероприятия привели лишь к ограниченному успеху, а активное распространение огнегасительных инструментов и постепенное улучшение инфраструктуры путем перестройки и постройки новых домов после пожаров, привели к такому результату, что в целом степень ущерба от единичного пожара с течением времени уменьшалась.

Крестьянская печать и общественность в нэповской советской деревне: сельский корреспондент как деревенский актив

1. Введение

Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»¹. – В годы НЭПа большевики, основываясь на этом ленинском тезисе, принялись за «организацию» деревенского населения России путем активного воздействия на него средствами массовой печати. Одним из результатов этого стало появление движения «сельских корреспондентов», или «селькоровского» движения. Через распространявшиеся на селе печатные издания большевики призывают крестьянство к посылке писем в редакции различных газет с тем, чтобы иметь возможность реагировать на народные жалобы и откликаться на требования снизу. Указанная кампания должна была, с одной стороны, привести к улучшению системы местного управления и успокоить существующее недовольство в среде крестьянства, а, с другой, выпестовать из корреспондента-крестьянина члена «деревенского актива», могущего стать опорой советского режима в деревне. Нет сомнения в том, что данная попытка имела немалый успех, по крайней мере *количественно*, потому что уже к середине 1920-х годов сельские печатные издания широко распространились по всей стране; письма в

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1959. С.11.

редакции хлынули со всех уголков СССР, и огромное количество деревенских жителей стало числиться «селькорами» в центральных и местных газетах. В этой статье автор пытается отойти от поверхностно-количественных оценок и заглянуть вглубь данного движения, чтобы осветить его *качественно*. Автор прежде всего стремится ответить на вопрос, какие слои деревенского сообщества и с какой целью участвовали в данном движении. Можно предположить, что, ответив на этот вопрос, у нас появится возможность точнее определить, как менялись взаимоотношения между большевиками и крестьянством в годы НЭПа².

2. Крестьянская печать и три типа селькоров

С 1923 года – вместе с широким распространением периодических печатных изданий в сельской местности – число писем, поступавших из деревни в редакции центральных и местных газет, резко возросло. Ввиду такого роста, в конце 1924 года Оргбюро ЦК ВКП(б) приказало редакциям газет усилить вербовку селькоров, провести точный учет своих корреспондентов, а также выяснить путем специального анкетирования имущественное положение последних, их партийность, степень участия в общественной жизни и т. д.³ **Таблица 1**, составленная на основе данных таких редакционных отчетов середины 1920-х

² О селькоровском движении см.: Matthew Lenoe, *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*, Harvard University Press, 2004; Steven R. Coe, *Peasants, the State and the Languages of NEP: The Rural Correspondents Movement in the Soviet Union, 1924-28*, Ph.D. Dissertation, University of Michigan, 1993; Кузнецов И. А. Письма в «Крестьянскую газету» как источник для изучения менталитета российского крестьянства 1920-х годов. Диссертация кандидата исторических наук. МГУ. 1996; Асаока Дз. Крестьянская печать и селькоровское движение в период НЭПа // XX век и сельская Россия. Под ред. Хироси Окуда (CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2). Токио. 2005.

³ О партийной и советской печати: Сборник документов. М., 1954. С. 323.

годов, показывает, что селькоровское движение представляло собой преимущественно молодежное движение (молодые люди до 30 лет), включившее в себя немалое число коммунистов, комсомольцев и служащих. Однако, думается, было бы преждевременным делать на основе этих данных вывод о том, что селькоровское движение являлось совершенно «некрестьянским» по своей сути. Дело в том, что, по своему характеру, данное движение было довольно разношерстным и многосложным, поэтому здесь следует избегать излишних обобщений. На основании анализа отдельных материалов личного и частного характера, автор полагает, что можно выделить *три* основных типа селькоров.

К первому типу сельских корреспондентов следует отнести различных деревенских работников, отпускных рабочих и демобилизованных красноармейцев. Они включали в свой состав большое число коммунистов и в своей совокупности способствовали проникновению и утверждению советского режима в сельской местности. Они усвоили грамотность, привычку чтения газет и отправки корреспонденции во время своей работы в городе, в результате партийной деятельности либо вследствие своего пребывания в армии; многие из них жили преимущественно земледелием, однако занимались также доставкой и подпиской газет, принося тем самым свой вклад в распространение в деревне периодической печати и связанных с этим новых привычек⁴. С другой стороны, за исключением командировочных работников, их общественная деятельность предопределялась и подготавливалась сравнительно коротким опытом жизни в городе или службы в армии,

⁴ В Красной армии развернулось движение военных корреспондентов (военкоровское движение), которое готовило будущих селькоров. В 1926 году в армии и флоте имелось 45 тысяч военкоров, из них около половины – коммунисты и комсомольцы (Селькор. 1927. № 2. С. 4).

поэтому многие из них, с одной стороны, вначале нередко испытывали трения с крестьянским окружением, а, с другой стороны, постепенно погружались в существующую инерцию деревенского быта и прекращали свою активистскую деятельность⁵. Вместе с тем нужно признать, что этот тип селькоров сложился на основе более-менее правильно налаженного сообщения между городом и деревней, и внес значительный вклад в закладывание фундамента селькоровского движения. В частности, красноармейцы как общественная прослойка и впредь являлись наиболее мощным «поставщиком» сельских корреспондентов для местных и центральных газет⁶.

Появление в селькоровском движении представителей коренного населения деревни происходит уже после того, как вследствие вышеуказанных усилий крестьянская печать распространилась на селе. Это второй тип селькоров, появившихся как непосредственный крестьянский отзыв на вышеуказанную – осуществленную через печать – партийную инициативу. Этот новый слой селькоров состоял, главным образом, из некоторой части деревенских работников и сельской интеллигенции, до сих пор не обязательно симпатизировавшим советской власти, а также грамотных крестьян, действительно живущих на земле и кормившихся сельским хозяйством. Они значительно отличались друг от друга по своей грамотности и степени активности, однако

⁵ Один бывший красноармеец из Ставропольского округа так писал в «Крестьянскую газету»: «Когда я служил в Красной армии, то я охотно выполнял все, что с меня требовалось, но теперь, если моя профессия – хлебороб, то мне больше приходится быть в поле» (Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. № 10. С. 13). Другой военкор писал: «А разошлись по домам – и думать забыли о том, что они – военкоры» (Селькор. 1926. № 5. С. 28).

⁶ Среди селькоров центральной «Крестьянской газеты» демобилизованные красноармейцы составляли 42,5% в мае 1926 г. (Крестьянская газета. 1926. 24 мая) и «свыше 50 %» в сентябре 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 204. Л. 51).

самые деятельные из них, как правило, являлись беспартийными людьми относительно пожилого возраста, еще в царское время получившими начальное образование и/или имеющими опыт жизни в городе. В большинстве своем умевшие хорошо читать и писать и имевшие достаточно высокий культурный уровень, они обладали завидной долей предприимчивости и интересовались новыми возможностями относительно улучшения своего хозяйства. В этом смысле, в общественной активности этого слоя крестьянства, именовавшимся тогда «передовым крестьянином» или «крестьянином-культурником», можно обнаружить явные экономические основания. Классическим примером такого рода селькоров являлись сельские корреспонденты центральной крестьянской газеты «Беднота», ставшей «пионером» крестьянского корреспондентского движения, селькоров которой называли тогда «цветом» и «идеальным типом» селькоров. Они были образованны, писали свои заметки с крестьянской точки зрения и отстаивали свои крестьянские интересы. Они представляли собой уже существующую деятельную часть деревенского сообщества, которым крестьянская печать и селькоровское движение всего лишь предоставили возможность для выхода своей энергии. Их общее количество было в целом невелико, однако за ними стоял огромный мир российской деревни, и они, как его представители, выполняли важную роль в продвижении «прокрестьянского курса» по отношению к деревне в период расцвета НЭПа⁷.

Немного позднее по сравнению с предшествующими типами селькоров, вместе с развитием движения, в него влился третий слой – сельская молодежь. Подобно селькорам второго типа, они появились в качестве отклика деревни на инициативу большевиков, однако по

⁷ Асаока Дз. Указ. соч. С.112-115.

своему характеру «молодые корреспонденты» разительно отличались от «передовых крестьян». Анкетные данные центральной «Крестьянской газеты», располагавшей тогда наибольшим количеством селькоров в СССР, показывают, что селькоры третьего типа, буквально «заполонившие» газеты после широкого распространения печатных изданий в деревне, были крайне молоды. Большинство из них – юноши и девушки, среди которых нередко встречались подростки до 15 лет. В их числе было много пионеров и комсомольцев, и они полностью относились к тому поколению, которое получило начальное образование в советской школе и усвоившим вместе с грамотой идеологию новой власти. Их письма наполнены «хвалебными словами», и их анкетные данные выглядят образцово-показательно⁸. Для них отправка корреспонденции в газету не означала подачи жалобы или запроса, как, впрочем, не являлась простым развлечением, а была составной частью их усилий, направленных на занятие своего места в новом советском обществе. Их необычайная активность, основанная на такого рода честолюбивых амбициях, объясняется их молодостью, и характеризуется, с одной стороны, свободой от старой деревенской традиции, а, с другой стороны, отсутствием какого бы то ни было заметного влияния на общественную жизнь деревни.

Такие выводы сделаны автором главным образом на основе изучения различных личных материалов, касающихся «селькоровского актива», самой деятельной части сельских корреспондентов цен-

⁸ Например, на вопрос «Почему вы начали писать?» в селькоровских анкетах давались следующие ответы: «Хочу быть строителем новой истории, исправлять все ошибки и злоупотребления» (Из Новосибирской губернии, РГАЭ. Ф. 396. Оп. 9. Д. 4. Л. 202-203 об.); «Советской власти разрушить старый мир и скорее построить новый, крепкий и здоровый» (Из Калужской губернии, Там же. Ф. 396. Оп. 9. Д. 6. Л. 317-318 об.).

тральной и местной крестьянской печати. Разумеется, что вокруг них простирался огромный океан «случайных корреспондентов»⁹. Подавляющее большинство последних составляли рядовые крестьяне, решившие спонтанно, по какой-либо необходимости, отправить письмо в газету. Почти все они ограничивались одной или двумя корреспонденциями, однако, с точки зрения самой идеи селькоровского движения, именно они и придали последнему настоящий массовый характер.

Выяснить внутренний состав «случайных корреспондентов» не так легко, но центральная «Крестьянская газета» занималась и этим трудным делом. **Таблица 2** составлена на основе материалов, представленных в качестве доклада в Оргбюро ЦК ВКП(б) Отделом селькоров газеты и касающихся социального положения авторов писем в 1924-1925 годах. На протяжении всех этих трех периодов более всего увеличивалось число «передовых и грамотных, (хозяйственно) сильных крестьян-земледельцев». Число «малограмотных», но хозяйственно «сильных» крестьян также несколько возросло, а количество хозяйственно «слабых» крестьян в целом уменьшилось. Следовательно, эти материалы также подтверждают рост активности «передового крестьянина» в указанный отрезок времени.

Основная цель, которую преследовало партийное руководство при создании селькоровского движения, состояла в установлении прочной связи с крестьянством (деревней), путем создания особого «деревенского актива». Вследствие данной попытки, большевики сумели выявить наличие огромного числа «постоянных корреспондентов (селькоров)» и «случайных корреспондентов», включавших в себя широ-

⁹ В 1925 году центральная «Крестьянская газета» получала свыше 30 тысяч писем в месяц, причем 82% писем поступало от «случайных корреспондентов» (РГАЛИ. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 95. Л. 14).

кие слои крестьянства, характеризующиеся высокой общественной активностью, прочными связями на деревне и немалым влиянием. Эти слои крестьянства рассматриваются автором в качестве второго типа селькоров. Нужно отметить, что «передовые крестьяне», проявившие свою общественную активность в селькоровском движении, впоследствии нередко выдвигались на государственные и общественные должности как представители «деревенского актива». В указанном смысле, они вносили свой вклад в продвижение «прокрестьянского политического курса» не только своей корреспондентской деятельностью, но также своей работой в различных органах советской власти¹⁰.

3. Вторая половина НЭПа и «размычка»

«Новый прокрестьянский курс» большевиков по отношению к деревне, начатый в середине 1924 года под лозунгом «лицом к деревне» и включавший селькоровское движение как свою неотъемлемую часть, достиг своего апогея к XIV партконференции ВКП(б) в апреле 1925 года и затем постепенно сошел на нет. Следующий этап «новой экономической политики» характеризовался пересмотром предшествующих «перегибов» в рамках «прокрестьянского политического курса» и все большим возвращением к прежним идеологическим целям, то есть подчеркиванием классовых моментов в политике¹¹. В сфере селькоровского движения новое направление обозначи-

¹⁰ Асаока Дз. Указ. соч. С. 112-113, 120; Окуда Х. Деревенские коммунисты во главе процесса раскрестьянивания (1920-е – начала 1930-х гг.) // Государственная власть и крестьянство в конце начале века. Сборник научных статей. Коломна. 2009. С. 237-238.

¹¹ Телицын В. Л. НЭП, 1924-1926 годы: «Лицом к деревне» или спиной к крестьянству? // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 281-283; Ковалев Д.В. Политическая дискриминация российского крестьянства в

лось на третьем всесоюзном совещании рабселькоров в конце мая 1926 года¹². На собрании редакционных работников, состоявшемся вслед за совещанием рабселькоров, заведующий отделом печати ЦК ВКП(б) С. И. Гусев отметил, что большевики сумели организовать крестьянство благодаря селькоровскому движению, однако без правильного руководства организованное крестьянство может быть на руку их «классовому врагу» и под прикрытием низового селькоровского кружка может организовать что-либо вроде «крестьянского союза». Заведующий Бюро прессы Агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) С. Б. Ингулов предостерег редакционных работников об опасности, исходящей от данного движения: селькоровское движение возникло на основе критики отдельных сторон советского строя, поэтому отдельные селькоры или группы селькоров могут стать средоточием всего имеющегося в деревне недовольства против местных советов либо местных партячеек. И Гусев, и Ингулов ставили задачу усиления партийного контроля над деятельностью селькоров в качестве превентивной меры¹³. Постановление ЦК ВКП(б) «Очередные задачи партии в рабселькоровском движении» от 27 августа 1926 года, подтверждая, что «в условиях общего хозяйственного и культурного подъема страны и роста общественно-политической активности масс серьезное значение приобретают вопросы руководства рабселькоровским движением, являющимся одной из форм рабо-

условиях становления советской систем власти // *Аспекты русского мира: Культура, история, политика и экономика*. Университет Васэда, Институт российских исследований. Токио. 2010. С. 73-78; *Танигучи Ю.* Советская политическая история (на японском языке). Новое издание. Токио. 1989. С. 231-244, 353-474, 482-552; *Асаока Дз.* Указ. соч. С. 116-117.

¹² Например, см.: доклад Н. И. Бухарина на этом совещании (Третье всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров при «Правде» и «Рабочем корреспонденте»). Стенографический отчет. М., 1926. С. 68-89).

¹³ Красная печать. 1926. № 13. С. 5-7, 28-29.

че-крестьянской общественности и находящимся в соприкосновении со всеми областями повседневной политической жизни и экономического строительства страны», указывало на «проникновение в селькоровскую среду кулацких антисоветских влияний» и «недостаточное вовлечение в селькоровское движение бедняцких и батрацких элементов» как на особые селькоровские проблемы¹⁴.

Новая политическая направленность порождала недоверие по отношению ко второму типу селькоров и прежде всего к хозяйственным основаниям их существования. До этого большевики обозначали хозяйство данного рода крестьян не «кулацким», а «хозяйственно крепким» или «зачиточным», однако новая политическая линия партии, делающая упор на классовом моменте, взял в поле зрения их хозяйственную деятельность и поставил вопрос относительно выражаемых ими через селькорство крестьянских интересов.

Таким образом, хозяйственный момент постепенно становился важнее политического, однако решения принимались зачастую крайне механистически. Так, в августе 1926 года одна 16-летняя девушка из Тульской губернии обратилась в центральную «Крестьянскую газету» и попросила зачислить ее в селькоры, добросовестно заполнив необходимую анкету. Получив от нее документы, отдел селькоров «Крестьянской газеты» сразу же обратился к местному комитету с запросом: «Просим сообщить... [о ее] материальном состоянии... [Она] просит ее зачислить селькоркой «Крестьянской газеты», но по указанию о ее материальном состоянии, она не подходит. Она пишет, что у них имеется 6 коров, 2 лошади и есть один рабочий»¹⁵.

Обратной сторона нового классового подхода была надежда на

¹⁴ О партийной и советской печати. С. 361-363.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 9. Д. 44. Л. 172-173.

деревенскую бедноту и батраков, как самые «пролетарские» слои в деревне, однако втянуть их в селькоровское движение было очень трудно. В деревне они относились к самым непросвещенным и отсталым слоям населения, часто не умеющим ни читать, ни писать. В этих условиях серьезное внимание было обращено на общественную деятельность других типов селькоров, в особенности представителей третьего типа, то есть молодежи. Такой вывод был сделан в полном согласии с «правилом классового исключения», однако вопросы, касающиеся характера активности этого типа селькоров, еще полностью не разрешены. Напротив, на третьем всесоюзном совещании рабселькоров, на котором обозначилось новое классовое направление, был также поставлен вопрос относительно «чрезвычайно высокого процента коммунистов и комсомольцев» и «значительного процента» деревенской молодежи (и кроме того «довольно большого количества служилого элемента») в селькоровских рядах¹⁶. Разумеется, что деятельность третьего типа селькоров не могла служить связующим звеном между советским режимом и крестьянством и развивалась в особой форме движения деревенской молодежи¹⁷.

В эти годы некоторые проблемы, касающиеся состава селькоров (множество коммунистов, служащих и молодежи в их рядах) – не только не были разрешены, но местами даже, напротив, еще более углубились (См.: **Таблица 3**). Причем, нужно также обратить внимание на то, что от активных селькоров одно за другим начинают поступать письма, в которых выражается недовольство. Еще яснее симптомы «кризиса» проявились на примере «случайных корреспондентов» или же всего селькоровского движения в целом. Тираж кре-

¹⁶ Третье всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров. С. 181-182.

¹⁷ Асаока Дз. Указ. соч. С. 117.

стьянских газет постепенно сокращался, и даже количество поступающих писем в некоторых случаях начинает уменьшаться¹⁸. В начале 1927 года заместитель ответственного редактора центральной «Крестьянской газеты» С. Б. Урицкий говорил об этом следующим образом: «...в первое время получалось колоссальное количество писем, приветствующих газету, хвалящих ее, таких писем, что крестьянин как будто ничего не видел, кроме газеты, – все плохо, но газета – хорошо. Но теперь уже имеется немало писем другого порядка, а именно таких, что печать является органом врагническим, т. е. врет газета. ... в первые дни... газета имела величайший авторитет и получала колоссальное количество писем, и затем, это несколько приелось»¹⁹.

Новый классовый подход этого периода породил в сознании молодых селькоровских активистов еще один важный побочный продукт. Рост – в полном соответствии с новым политическим курсом – критики по отношению к деревенской зажиточности постепенно привел, с одной стороны, к распространению пессимистического взгляда на будущее крестьянского земледелия, а, с другой стороны, порождал отрицательное отношение к новым знаниям и новой технике, которыми до сих пор поддерживалось восстановление и развитие советской деревни. Крестьянин-батрак из Саратовской губернии, член ВКП(б) писал в журнал следующее: «Наша крестьянская печать, я считаю, сейчас занимается нехорошим делом. Наши крестьянские газеты на 75%, а некоторые и на 90 и 100% мирно занимаются вопросами куроводства, овцеводства, общинного землепользования, клеве-

¹⁸ Там же; Печать СССР к XV-му партсъезду. М.-Л., 1928. С.147; Красная печать. 1926. № 23-24. С.93-96.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5566. Оп. 4. Д.5. Л. 28-30.

рами. Они занимаются вопросами агрономии, переселения, животноводства и другими хозяйственными вопросами жизни деревни, которых неисчислимо множество... Смотри на эти газеты я думаю, что их мог бы с успехом издавать какой-нибудь умный, не слишком злой буржуа, чтобы заработать на них деньги. Вопрос куроводства и агрономии, по моему, вопросы нейтральные, могущие обсуждаться где угодно – и у нас, и за границей»²⁰. На обвинения в неграмотности, не раз ему высказанные, один селькор из Белоруссии возражал: «Грамотные только богатые»²¹. Таким образом, во второй половине 1920-х годов, на закате НЭПа, грубая классовая логика, по-своему принятая и усвоенная деревенским активом, начала источать отчетливое «анти-модернистское» излучение. Это было еще более дурным воспроизведением тогдашнего механицистического классового курса.

Классовая политика второй половины НЭПа обрушилась на «цвет» селькорства, активных селькоров центральной крестьянской газеты «Беднота», в виде высокого налогообложения и лишения голосов при выборах в советы. Селькор Н. Гушин из Тульской губернии отправил письмо в редакцию «Бедноты», в которой резко критиковал такое «политическое обезглавливание актива деревни, лучшей ее части». Это, по мнению его, «нисколько не отличается от физического обезглавливания, происходящего испокон веков и до наших дней в Китае»: «Как это случилось, что на десятом году революции советское правительство поголовно лишило голоса трудовых крестьян»

²⁰ Красная печать. 1927. № 9. С. 9.

²¹ Соколов А. К. «Создадим единый фронт борьбы против НЭПа» (Анализ общественных настроений конца 20-х годов по письмам и откликам рядовых советских граждан) // НЭП: Завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998. С. 121.

ян-культурников, как будто бы они злостные враги трудящихся?... Неужели советское правительство ненавидит все активное и культурное, что так немилосердно восстало против культурных сил деревни?... И в то же время стираем с лица земли все то, что деревня за многие годы смогла выделить из своих рядов: лучших представителей и строителей новой культурной деревни, лишая их голоса, толкая их во враждебный лагерь... Эта политика может накорежить в год то, чего не вернешь в десятилетие как в политическом, так и в хозяйственном отношении»²².

Однако заместитель ответственного редактора «Бедноты» М. С. Грандов, являвшийся первым руководителем-создателем крестьянского корреспондентского движения в начальные годы НЭПа, не пошел на уступки. В начале сентября 1927 года в кабинете В. М. Молотова состоялось совещание работников крестьянской печати по вопросу о докладе на партийном съезде «О работе в деревне». На этом совещании Грандов представил словосочетание «свертывай НЭП» как новый лозунг. В своем выступлении он заявил, что «приходится иногда слышать голоса о том, как далеко зашло дело с капитализмом в деревне», и что «нужно объявить с высоты трибуны партийного съезда, что по существу главным классовым фронтом в деревне является кооперация». Ему казалось, что «голос кулацких идеологов раздается довольно громко и яснее, ...чем дальше, тем наглее и нахальнее». По его мнению, ярким примером такого селькора являлся Н. Гуцин: «Я хочу этим сказать, что Семенов, Перовский, Гуцин, Евдокимов (это все селькоры, которые в то время конфликтовали с редакцией «Бедноты» – Дз.А.) одно время были лучшими из наших селькоров. Но это было пока мы ими руководили, тогда они нам были и полезны. Сейчас

²² Беднота. 1927. 8 апреля; 4 мая.

все они прешли грань, когда хотят уже сами командовать нами, вот в чем вся соль... Основной вывод заключается в том, что часть сельковроковского актива переходит в лагерь твердо-сложившихся идеологических врагов, твердо, почти ненавидящих, сформировавшихся окончательно»²³.

Это было своего рода прощальным словом по отношению к прежним сотрудникам-селькорам и их окружению. Слова Грандова оказали большое воздействие и на мнение докладчика съезда, Молотова, который, выступая на XV партсъезде в декабре 1927 года, пошел еще дальше и предложил коллективизацию в качестве основного пути развития советского сельского хозяйства; при этом он основывался на материалах, предоставленных Грандовом²⁴.

В статье «Решения съезда и крестьянская печать», помещенной в органе отдела печати ЦК ВКП(б) «Красная печать» в конце 1927 года, с учетом состоявшейся на прошлом съезде дискуссии, говорилось: «Работа с крестьянским активом и опытниками в свете решений съезда также должна принять несколько иное положение. В прошлом газеты очень часто интересовались теми опытниками, которые представляли собой крепких хозяев. Газеты ставили их в пример другим крестьянам. Теперь надо отойти от этой линии. Нужно выдвигать, ставить в пример не столько хозяйственные достижения крепких хозяйств, сколько достижения коллективов, артелей, кооперативных объединений. И в массе крестьян искать не крепких культурных хозяев, а передовых борцов за кооперирование и коллективизацию. В связи с этим нужно перестроить и агропропаганду. В этой работе надо уйти от пропаганды хозяйственного подъема вообще, подъема инди-

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 204. Л. 9, 24, 32-33.

²⁴ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 1196-1197.

видуального крестьянского двора. Надо всеми мерами пропагандировать коллективные формы работы в сельском хозяйстве»²⁵.

Таков был «конечный пункт», которым закончился «диалог», развернутый между большевиками и крестьянством посредством печати и селькоровского движения в годы НЭПа. Общественная деятельность «передового крестьянства», во время НЭПа в течение длительного времени возносимых в качестве основного двигателя модернизации советского сельского хозяйства, была обозначена как «буржуазная».

4. Заключение

Селькоровское движение как средство, связавшее советскую власть с крестьянством и способствовавшее углублению их взаимодействия, преуспело в создании связи с различными слоями сельского населения, различавшимися как по характеру и направленности своей деятельности, так и по своей хозяйственной состоятельности. Однако нельзя считать, что эта попытка достигла продолжительных успехов в деле выявления и подготовки деревенских активистов, необходимых для советской власти и нового социалистического строительства. В конечном счете, сущность проблемы заключалась в том, как относиться к общественной и политической деятельности «передового крестьянства», стоявшего на прочных хозяйственных и культурных основаниях. После череды различных экспериментов, осуществленных в период НЭПа, большевики признали их общественную деятельность «буржуазной» и стали принимать меры, направленные на ее ограничение. Это был началом «размычки» советской власти с этим слоем крестьянства, приведшим вскоре к размычке с крестьянством в целом. Вследствие этого, большевики лишились действенного союз-

²⁵ Красная печать. 1927. № 23-24. С. 39.

ника, и впредь они вынуждены были полагаться лишь на остальную – относительно незрелую и «проблемную» общественность деревни²⁶. Такой выбор накладывал на «социалистическую» модернизацию российской деревни отчетливые «анти-модернизационные» тени.

²⁶ Данный вопрос рассматривается с несколько иной точки зрения в следующей работе: *Окуда Х.* «От сохи к портфелю»: Деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930 гг.) // История сталинизма: Итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции (Москва, 5-7 декабря 2008 г.). М., 2011.

Таблица 1

Состав активных селькоров центральных и местных газет в середине 1920-х годов

Подчеркнутые линией цифры являются предположительными данными

Название газеты (место издания / тип)	Время учета	Всего	Члены партии	Кандидаты в партию	Комсомольцы	Беспартийные	Крестьяне	Служащие	Возраст	Примечание источник
Бедnota (Москва / центральная)	март 1925 г.	1 540	81 (5,3%)	—	107 (6,9%)	1 352 (87,8%)	956 * ¹ (62,1%)	501 * ² (32,5%)	«Наибольшее число от 25 до 45 лет».	Женщин – 50 (3,2%); батраков – 4 (0,3%). Бедnota. 1925. 27 марта.
Крестьянская газета (Москва / центральная)	октябрь 1924 г.	1 617	— (11,2%) * ^{3а}	—	— (22,1%) * ^{3б}	— (66,7%) * ^{3в}	1 378 (85,2%) * ⁴	105 (6,5%) * ⁵	«Наибольшее число от 20 до 45 лет и от 16 до 20 лет».* ³	Крестьянок – 1,2%; рабочих – 1,6%; учащихся – 2,0%. <i>Уракай С. Б.</i> Наши итоги. Тринадцать лет красной печати. М.-Л., 1925. С.72.
Советская власть (Ставрополь / губернская)	август 1924 г.	355	86 (24,2%)	5 (1,4%)	27 (7,6%)	237 (66,8%)	193 * ⁶ (54,4%)	161 * ⁷ (45,4%)	от 20 до 30 лет – 105 (29,6%) от 26 до 30 лет – 80 (22,5%)	Женщин – 30 (8,5%); демобилизованных красноармейцев – 107 (30,1%). <i>Рыскин Г.</i> Газета и селькор. М.-Л. С. 87-88.
Полоцкий пахарь (Белоруссия / окружная)	май 1925 г.	158	29 (18,4%)	—	43 (27,2%)	86 (54,4%)	61 (38,6%)	64 * ⁸ (40,5%)	—	Учителей – 19 (12,0%); учащихся – 10 (6,3%); рабочих – 34 (21,5%). Красная печать. 1926. № 3. С. 64.
Наша деревня (Брянск / губернская)	конец 1925 г.?	140 из 250	17 (12,1%)	20 (14,3%)	64 (45,7%)	39 (27,9%)	—	—	от 20 до 25 лет – 94 (67,1%) от 20 до 30 лет – 121 (86,4%)	Из 140 селькоров – 107 человек (76,4%) участвует в общественной работе. Красная печать. 1926. № 1-2. С. 136.
Крестьянская газета (Нижний Новгород / губернская)	конец 1925 г.?	214	61 (28,5%)	—	58 (27,1%)	95 (44,4%)	170 (79,4%)	23 * ⁹ (10,7%)	до 20 лет – 59 (27,6%) до 30 лет – 165 (77,1%)	Женщин – 24 (11,2%); батраков – 2 (0,93%). Красная Печать. 1926. № 4. С. 64-65.
Красная октябрь (Сызрань / уездная)	конец 1925 г.	104 из 220	17 (16,3%)	—	32 (30,8%)	54 (51,9%)	48 (46,2%)	66 * ¹⁰ (63,5%)	до 18 лет – 10 (9,6%) до 25 лет – 67 (64,4%)	Рабочих – 20 (19,2%). Красная печать. 1926. № 1-2. С. 120-121.
Крестьянская газета (Урал / областная)	декабрь 1925 г.	1 088	94 (8,6%)	124 (11,4%)	191 (17,6%)	679 (62,4%)	925 * ^{11а} (85,0%)	65 * ^{11б} (6,0%)	до 20 лет – 248 (22,8%) до 30 лет – 811 (74,5%)	Женщин – 75 (6,9%); рабочих – 98 (9,0%); свободных от какой бы то ни было общественной работы – 396 (36,4%). Красная печать. 1926. № 5. С. 75.
Советский пахарь (Ростов-на-Дону / краевая)	декабрь 1925 г.	588 из 1 504	—	257 (43,7%)	—	331 (56,3%)	273 * ¹² (46,4%)	255 (43,4%)	—	Женщин – 21 (3,6%); рабочих – 27 (4,6%); батраков – 33 (5,6%). Красная печать. 1926. № 10. С. 68.

*1. «Крестьян, занимающихся исключительно сельским хозяйством».

*2. «Работников сельсоветов и волостолкомов» – 177 (11,5%); «учителей» – 80 (5,2%); «культурно-просветительских работников» – 70 (4,5%); «аппараторов» – 52 (3,4%); «агрономов» – 34 (2,2%);

«работников комитета взаимопомощи» – 26 (1,7%); «деревенских почтеников» – 25 (1,6%); «землеустроителей» – 20 (1,3%); «лесников» – 10 (0,6%); «сельских врачей и ветеринаров» – 7 (0,5%).

*3а, *3б, *3в, *3г. Данные апреля 1925 г. (*Рафаил М.* Рабочьи и селькоры. М., 1925. С. 56). *4. По социальному положению и по роду занятий. *5. «Учителей» – 1,6%; «служащих» – 4,5%; «агрономов» – 0,4%.

*6. «Крестьян, занимающихся исключительно хлебопашеством» – 65 (18,3%); «занимающихся хлебопашеством и советской работой (в сельсоветах, волостолкомах и так далее)» – 74 (20,8%);

«крестьян-партработников» – 40 (11,3%); «крестьян, учащихся в с.-х. техникуме» – 14 (3,9%).

*7. «Занимающихся хлебопашеством и советской работой (в сельсоветах, волостолкомах и так далее)» – 74 (20,8%); «политпросветработников» – 25 (7,0%); «аппараторов» – 27 (7,6%);

«сельских интеллигентов (учителей, агрономов, ветработников)» – 35 (9,9%).

*8. «Служащих» – 45 (28,5%); «учителей» – 19 (12,0%). *9. «Агрономов, учителей и т.д.». *10. «Служащих» – 46 (44,2%); просвещенцев – 20 (19,2%).

*11а, *11б. По роду занятий к моменту заполнения анкет: сельское хозяйство – 574 (52,8%); отхожий промысел – 225 (20,7%); служащие – 289 (26,6%). *12. «Хлеборобов от плуга».

Таблица 2

Социальное положение авторов писем в центральную «Крестьянскую газету» в 1924-1925 гг.

	1-ый период: с 1 сентября по 1 декабря 1924 г.	2-ой период: с 1 декабря 1924 г. по 15 марта 1925 г.	3-ий период: с 15 марта по 1 сентября 1925 г.
Количество писем	38 922	87 703	141 574
Крестьян-земледельцев малограмотных			
а / слабых	7%	8%	4%
б / сильных	0,5%	1,5%	2%
Крестьян земледельцев передовых и грамотных			
а / слабых	38%	29%	16%
б / сильных	3%	5,5%	13,5%
Сельской интеллигенции: учителей, служащих	22%	12%	5,5%
Партийцев	1%	1,25%	2,5%
Комсомольцев	8%	9,5%	14%
Селькоров	20,5%	33,25%	43,5%

РГАЭ. Ф.396. Оп.3. Д. 773. Л. 324-326.

Таблица 3

Состав активных селькоров центральных и местных газет во второй половине 1920-х годов

Подчеркнутые линией шифры являются предположительными данными

Название газеты (место издания / тип)	Время учета	Всего	Члены партии	Кандидаты в партию	Комсомольцы	Беспартийные	Крестьяне * ¹	Служащие	Возраст	Примечание источник
Крестьянская газета (Москва / центральная)	май 1926 г.	6 350	<u>476</u> (7,5%)		<u>1 270</u> (20%)	4 604 (72,5%)	<u>4 159</u> * ² (65,5%)	<u>1 334</u> (21%) * ³	«Больше всего селькоров – между 20 и 30 годами».	Почти половина (42,5%) – демобилизованные красноармейцы. Общественников – 38,5%. Крестьянская газета. 1926. 24 мая.
То же	сентябрь 1926 г.	6 257		2 495 (39,9%)		3 762 (60,1%)	(Б) 1 876 (30,0%) (С) 2 597 (41,5%)	1 230 (19,7%)	до 30 лет – 4 321 (69,1%) * ⁴	Женщин – 140 (2,2%); коммунаров – 20 (0,3%); батраков, кустарей и рабочих – 184 (2,9%); в хозяйстве отца – 147 (2,3%); ведущих общественную работу – 4 004 (64%). РГАЛИ. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 529. Л. 89.
Сельская Правда (Сибирь / красная)	апрель 1926 г.	870	214 (24,6%)		122 (14,0%)	534 (61,4%)	(Б) 436 (50,1%) (С) 124 (14,3%) (З) 2 (0,2%)	184 (21,1%)	_____	Женщин – 25 (2,9%); ремесленников – 52 (6,0%); рабочих – 5 (0,6%). Красная печать. 1926. № 16. С. 63.
Вятская деревня (Вятка / губернская)	июнь 1926 г.	704	<u>105</u> (14,9%)		<u>198</u> (28,1%)	<u>401</u> (57,0%)	(Б) <u>121</u> (17,2%) (С) <u>446</u> (63,4%) (З) <u>2</u> (1,3%)	<u>97</u> (13,8%)	до 23 лет – <u>290</u> (41,2%) до 30 лет – <u>551</u> (78,3%)	Женщин – <u>21</u> (3,0%). Красная печать. 1926. № 21. С. 43-44.
Крестьянская газета (Нижний Новгород / губернская)	август 1926 г.	745 * ⁵		461 (54,6%)		384 (45,4%)	_____	_____	до 35 лет – 732 (86,6%) от 30 лет – 113 (13,4%)	Женщин – 55 (6,5%). Рабоче-крестьянский корреспондент. 1926. № 17-18. С. 44.
Новая деревня (Казань / губернская)	1926 г.	549	101 (18,4%)		131 (23,9%)	317 (57,7%)	344 (62,7%)	141 * ⁶ (25,7%)	17-23 лет – 233 (42,4%) до 30 лет – 423 (77,0%)	Женщин – 43 (7,8%); батраков – 10 (1,8%). Красная печать. 1926. № 21. С. 47.
Красное слово (Сталинград / окружная)	1926 г.	194	27 (13,9%)	24 (12,4%)	82 (42,3%)	<u>61</u> (31,4%)	(Б) 103 (53,1%) (С) 21 (10,8%)	43 * ⁷ (22,2%)	«Большинство – молодежь. Свыше 30 лет – два-три десятка».	Женщин – 27 (13,9%); батраков – 12 (6,2%). Красная печать. 1926. № 23-24. С. 119.
Новая деревня (Гомель / губернская)	1926 г.	224? из 250	32 (14,3%)		71 (31,7%)	121 (54,0%)	_____	_____	до 20 лет – 44 (19,6%) до 25 лет – 127 (56,7%)	_____
Шаля-Жовтня (Украина / окружная)	конец 1926 г.?	711 из 982	115 (16,2%)		237 (33,3%)	359 (50,5%)	(Б) 284 (39,9%) (С) 110 (15,5%)	134 (18,8%)	до 23 лет – 378 (53,2%)	Женщин – 37 (5,2%); батраков – 48 (6,8%). Красная печать. 1927. № 1. С. 42-43.
Деревенская Газета (Рязань / губернская)	декабрь 1926 г.	366	71 (19,4%)		125 (34,2%)	166 (45,4%)	205 * ⁸ (56,0%)	89 * ⁹ (24,3%)	_____	Женщин – 19 (5,2%); батраков – 6 (1,6%); учащихся – 31 (8,5%). Красная печать. 1927. № 1. С. 69.
Коммунист (Белоруссия / окружная)	январь 1927 г.	287		134 (46,7%)		<u>153</u> (53,3%)	174 (60,6%)	_____	_____	Женщин – 48 (16,7%). «В этих данных имеется много типичного и для других округов». Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. № 8. С. 33.
Крестьянская Газета (Урал / областная)	1927 г.	4 960		<u>1 899</u> (38,3%)		3 061 (61,7%)	(Б) 1 268 (25,6%) (С) 2 105 (42,4%) (З) 429 (8,6%)	688 (13,9%)	до 23 лет – 1 384 (27,9%) до 30 лет – 2 820 (56,9%)	Батраков – 80 (1,6%); рабочих – 86 (1,7%). Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. № 20. С. 31.

*1. (Б) – бедняков; (С) – середняков; (З) – зажиточных. *2. Половина из них – бедняки, половина – середняки. *3. «Служащих» – 15%; «сельской интеллигенции» – 6% (Крестьянская газета. 1926. 27 апреля).

*4. Свыше 30 лет – 1 704, поэтому возраст 232 человек неясен. *5. Неверно. Вероятно, 845. *6. Учителей – 38 (6,9%); служащих – 103 (18,8 %). *7. «Прочих» – служащих волполкомов и сельсоветов, учителей.

*8. «Крестьян от сохи». *9. «Учителей» – 7 имеющих хозяйство и 12 не имеющих; «служащих» – 70.

Роль партийной фракции в корпоративном управлении в период НЭПа

Введение

Нэповская экономика была специфической плюралистической экономической системой, которая сложилась в результате разрешения рыночной деятельности и предоставления определенной автономии хозяйственным субъектам, для того чтобы возродить разрушенную экономику любой ценой. Она состояла из различных подсистем, в том числе рыночной экономики, которые сосуществовали и соревновались друг с другом, а также дополняли друг друга. Коммунистическая партия держала власть в своих руках, но поскольку она была не в состоянии управлять экономикой (пример тому крайне откровенная речь Ленина на XI съезде партии), ей пришлось на время поручить управление старым специалистам, контролируя их деятельность со стороны.

При этом фабрики и заводы были объединены в тресты и синдикаты, где члены партии заняли ответственные посты. С другой стороны, рабочие и служащие были организованы в отраслевые профсоюзы, которые были противопоставлены хозяйственникам, и участвовали в управлении предприятиями.

Советская промышленность «пошла по пути вертикального объединения и горизонтального сотрудничества согласно требованиям действительности» (С.Д.Шейн)¹.

Таким образом, в экономическом режиме, установленном в период НЭПа, центральное место занимала консультационная си-

¹ Торгово-промышленная газета. 9 мая 1925 г.

стема, которая сосуществовала с рыночной экономикой, командной экономикой и общинными отношениями и дополнялась ими.

Важные решения в корпоративном управлении принимались путем переговоров верхних экономических органов с верхними организациями профсоюзов (иными словами, путем изъявления интересов и взаимоуступок). Такая система характеризуется корпоратизмом сверху².

Но переговоры не всегда проходили гладко и часто заходили в тупик, ибо ни одна сторона не имела достаточной компетенции. Экономическим органам не хватало автономности в отношении назначения и снятия ответственных работников и финансовых дел, а у профсоюзов также отсутствовали прочные массовые базы.

Поэтому для достижения согласия им приходилось рассчитывать на партию.

Тем не менее сама партия не могла выдвинуть себя вперед. Так как компартия все-таки была «защитником интересов рабочего класса», она не могла поставить интересы менеджмента против рабочих.

«Когда рабочим урезают зарплата, то в головах беспартийных рабочих это отражается так, что их урезывает коммунистическая партия. Мы же не раз ставили вопрос и считаем правильным, что выше всего у беспартийных рабочих должен быть авторитет коммунистической партии. Если ошибется профсоюз, хозорган это еще ничего, но если ошибется коммунистическая партия, то в глазах беспартийных это большой вред, это хуже» (Томский. Речь о профсоюзах на XVI съезде РКП(б))³.

Итак, важную роль стала играть партфракция, задачей которой являлось всестороннее усиление влияния партии, проведение ее

² *Kimura, M.* 'Characteristics of the NEP Economic System and Its Collapse', The Matsumoto Dental University Research Bulletin, № 38, 2008. <http://ci.nii.ac.jp/naid/110006613540>.

³ Вестник труда. 1926. №1. С.28; Экономическая жизнь. 21 ноября 1925 г.; Правда. 21 ноября 1925 г.

политики во внепартийной среде и партийный контроль над работой разных учреждений и организаций⁴. Хотя позиция и организационная структура партфракций не всегда были ясны, а в некоторых случаях они ничем не отличались от партячейки.

Рассмотрим пример партфракции правления Фанерного треста, которая сначала называлась бюро.

По положению «о бюро партфракции» (проект от марта 1925 г.), его миссия заключалась в следующем: содействовать усовершенствованию производства, поднятию производительности труда, улучшению качества продукции и снижению себестоимости; способствовать установлению нормальных взаимоотношений между партийной частью управления и беспартийными специалистами, а также управлением завода, правлением треста, профсоюзной и партийной организацией на месте; содействовать избранию и назначению партийных работников на заводе и в правлении, прежде всего выдвигать талантливых партийных на ответственные посты; сплачивать всепартийные группы, работающие на заводе и тресте, и осуществлять обмен опытом между партячейками треста; члены бюро выбираются на съезде партийных и обязаны представлять доклады съезду⁵.

Следовательно, к важным ролям партфракции относились: содействие усовершенствованию экономической деятельности, координация взаимоотношения между разными организациями и коллективами и подготовительная работа в том, что касалось кадров.

Рассмотрим темы, обсужденные на заседании партфракции правления треста(протоколы).

Заседание партфракции

Заседание партфракции правления Богород-

⁴ КПСС в резолюциях. Изд. 8-е. Т. 2. М., 1970.С.384-5; Т. 3. С. 310-311.

⁵ РГАЭ. Ф. 8145. Оп. 1а. Д. 16. Л. 23.

ско-Щелковского хлопчатобумажного треста

Среди участников заседания были партийные члены правления и секретарь партийной ячейки, а также партийный директор фабрики и управляющие отделами правления, в зависимости от обсуждаемых вопросов. Заседания проводились нерегулярно, например, в 1925/26 году было проведено только 8 заседаний. Они проводились лишь тогда, когда возникали проблемы.

Главные темы, обсужденные на заседаниях:

1. Выплата премий техникам за выполнение задания.
2. Замена беспартийных сотрудников треста партийными.
3. Увольнение помощника начальника общего отдела (по причине злоупотребления), которое было согласовано с бюро партячейки.
4. Просьба вышестоящему ведомству увеличить фонд зарплаты и указание директорам фабрик не выходить за пределы определенного фонда.
5. Исполнение секретной директивы ВСНХ: максимальное сокращение капитальных вложений и всех расходов.
6. Донесения о применении декрета о тресте (требование от РКИ).
7. Меры против недостатка хлопка: сокращение размера работ, увольнение малоквалифицированных рабочих и т.д.
8. Протест против взыскания правлением.
9. Просьба директора фабрики об отставке и назначение преемника (на основании решении московского губкома партии).
10. Снятие помощника директора фабрики (по согласованию с укомом партии). О его будущей службе член правления переговорит с московским губкомом партии.
11. Обмен информацией с укомом партии⁶.

⁶ РГАЭ. Ф. 7783. Оп. 3. Д. 18.

Заседание партфракции правления 3-го хлопчатобумажного треста

Главные темы, обсужденные на заседаниях в 1926/27 году (16 раз):

1. Пересмотр проекта распределения оборудования между фабриками.
2. Ответственность за неэкономный расход топлива.
3. Назначение директора цеха и помощника директора фабрики (предложение укома партии).
4. Жалованье ответственных работников (партийных).
5. Исправление недостатка деятельности по распределению фонда уравнивания зарплаты (включая перемещение ответственного лица на другую должность).
6. Пополнение и корректирование проекта положения ВСНХ об улучшении системы управления госпромышленностью.
7. Точное исполнение торгового договора.
8. Дело о нарушении дисциплины помощником директора (пьянство), обсужденное по решению бюро укома партии. Фракция постановила переговорить о его увольнении с организациями на месте.
9. Лавочные кредиты рабочим, гарантии личных кредитов к жилстроительствам и выдача средств к расширению яслей из фонда по улучшении быта рабочих: по решению укома партии. Фракция постановила переговорить об этом с губотделением профсоюза.
10. Назначение лица, ответственного за подготовку на нужды военного дела (мобилизация ресурсов, эвакуация и исполнение заказов военного ведомства по приказу ВСНХ).
11. Ликвидация недовольства рабочих и предупреждение его.
12. Регулирование ненормальных отношений между партийным директором фабрики и местным органом партии.
13. Признание возможным понижения цен хлопчатобумажных изделий на 4%, согласно решению, принятому на заседании

партфракции председателей хлопчатобумажного треста в синдикате⁷.

Особенно важно было согласовать мнения в случае разногласия между членами правления и принять меры против недовольства рабочих.

Приведем некоторые примеры.

На заседании правления от 16 ноября 1926 года (участвовали директора фабрик и другие) разошлись мнения между фабриками по вопросу распределения оборудования. В частности, директор Балашинской фабрики рассерженно сказал, «Если правление решит вывезти ватермашины из нашей фабрики, у нас неизбежно будет забастовка. Председатель фабзавкома, присутствующий здесь, поручится за это. Я отказываюсь нести ответственность».

На следующий день данный директор был вызван и подвергнут допросу на заседании партфракции правления. Там партийные члены правления единогласно обвинили его в том, что он упомянул о забастовке и освобождении от ответственности, а также ссылался на председателя фабзавкома на официальном заседании.

Директор извинился за неуместные выражения, но настаивал на том, чтобы оставить 8 ватермашин на своей фабрике по политическим причинам (тревожные настроения рабочих на фабрике) и вновь обсудить вопрос об оборудовании.

Прекратив допрос в связи с высказываниями директора, партфракция поставила этот вопрос на голосование. В результате голосования (двое «за», трое «против») первоначальный проект изменился, и было решено оставить новые ватермашины на Балашинской фабрике, а старые перевезти на другие фабрики⁸.

Этот вопрос был окончательно разрешен на заседании правления от 7 декабря того же года⁹.

На заседании партфракции правления от марта 1927 года об-

⁷ РГАЭ. Ф. 7783. Оп. 3. Д. 1.

⁸ РГАЭ. Ф. 7783. Оп. 3. Д. 1. Л. 1-2.

⁹ РГАЭ. Ф. 7783. Оп. 2. Д. 2. Л. 94.

суждались настроения рабочих на фабриках. В целом все было нормально, но перезаправка, опоздание в заключении колдоговора и введение уравнивания зарплаты в связи с объединением трестов вызвали недовольство среди рабочих. Для полной ликвидации недовольства и предупреждения его в дальнейшем, партфракция сделала директорам фабрик следующие предложения: относиться ко всем требованиям рабочих с заботой и вниманием, исполнять эти требования строго в соответствии с директивами высшего органа¹⁰.

Этот пример показывает, как партфракция обращала большое внимание на бесконфликтность и стабильность своей организации.

Заседание партфракции правления Сахаротреста

Главные темы, обсужденные на заседаниях в 1926 году (4 раза):

1. Защита интересов треста в ЦК КП(б) Украины в земельном вопросе, регулировании посадок разных культур между районами и ссуде для свеклосеяния.
2. Отмена решения о повышении цены на свеклу сельскохозяйственными кооперативами Украины.
3. Рекомендация кандидата заведующего отделением парторгану.
4. Протест против решения ЦК КП(б) Украины о пересмотре состава управляющих фабриками.
5. Одобрение колдоговора с ЦК профсоюза сахарников.
6. Просьба к ВСНХ о принятии мер для покрытия дефицита.
7. Предупреждение и привлечение к ответственности управляющих за перемещения и увольнения кадров, осуществленные несправедливо или без согласия профсоюза, в местных отделениях¹¹.

Главные темы, обсужденные на заседаниях в 1927 году (6 раз):

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7783. Оп. 3. Д. 1. Л. 13.

¹¹ РГАЭ. Ф. 1576. Оп. 6. Д. 19.

1. Назначение заведующего отделением. Фракция не согласилась с мнением бюро партячейки треста.
2. Переговоры о назначении и увольнении руководящих кадров с парторганами, профсоюзами и ОГПУ.
3. Просьба возместить потерю в связи с вывозом сахара госорганам.
4. Решение учраспреда ВСНХ о составе кадров. Фракция постановила часть руководящих работников уволить или переместить согласно решению, а остальных оставить на занимаемых должностях.
5. Предложение ОГПУ Украины о пересмотре личного состава в отделении треста. Фракция постановила исполнить предложение осторожно, переговаривая с профсоюзными и партийными организациями на месте¹².

Заседание партфракции правления Фанеротреста

Главные темы, обсужденные на заседаниях в 1924-27 гг.:

1. Надзор за деятельностью треста: опоздание в выдаче заработной платы, выдвижение партийных, излишки запасов, использование леса, улучшение трудовых условий на заводе и т.д.
2. Расследование ненормальных отношений между управлением завода и комсомольской ячейкой.
3. Заявление протеста партфракции отделения профсоюза деревообделочников против назначения директора завода.
4. Назначение работников, рекомендованных укомом партии.
5. Трения между директором и помощником директора завода.
6. Принятие мер в связи с конфликтом, возникнувшим на А. заводе: приостановка работ и увольнение директора завода.
7. Просьба партфракции отделения профсоюза деревообделочников о возобновлении деятельности Н. завода. Фракция отказала.

¹² РГАЭ. Ф. 1576. Оп. 6. Д. 60.

8. Усложнение взаимоотношений между директором и управлением завода: снятие директора с должности по договоренности с профсоюзными и партийными организациями на месте.
9. Укрепление торговли фанерой на внешнем рынке.
10. Привлечение к ответственности за недостатки в руководстве кадрами¹³.

Заседание партфракции правления Продасиликата

Главные темы, обсужденные на заседаниях в 1925/26 году (22 раза):

1. Немедленное увольнение работников отделения за злоупотребления.
2. Назначение члена правления, рекомендованного бюро партфракции ЦК профсоюза химиков.
3. Назначение и увольнение руководящих кадров отделения.
4. Протест против излишнего надзора ВСНХ и ЦКК.
5. Надзор за деятельностью отделения и привлечение к ответственности за небрежное сохранение имущества и ведение бухгалтерского учета.
6. Процедура сокращения личного состава. Фракция постановила оставить на занимаемых должностях следующих работников: высококвалифицированных; имеющих опыт службы на синдикате; знающих данную промышленность; не имеющих кормильца в семье¹⁴.

Главные темы, обсужденные на заседаниях в 1926/27 году (9 раз):

1. Инцидент ошибочного распоряжения ликвидационным делом в отделении (обвинения изнутри): подтверждение

¹³ РГАЭ. Ф. 8154. Оп. 1а. Д. 11, Д. 15, Д. 16, Д. 38.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 3342. Оп. 5. Д. 16. Л. 1-113.

фактов.

2. Загруднительное положение завода и привлечение к ответственности за это. Фракция постановила снять директора завода с должности и назначить уполномоченного синдиката для управления заводом, при этом решительно настоять на назначении Л. округкому партии, а в случае несогласия внести вопрос в ЦК партии.
3. Разлад между кадрами отделения.
4. Просьба Центрофарфортреста об отсрочивании векселя на Продасиликат: фракция отказала.
5. Просьба бюро партячейки синдиката о принятии Б. (партийного) на службу: фракция отказала.
6. Расследование отделения. Фракция постановила перевести нынешнего заведующего отделением на должность помощника заведующего и согласиться на назначение кандидата, рекомендованного губкомом партии, в качестве заведующего¹⁵.

Главные темы, обсужденные на заседаниях в октябре 1928 г.(3 раза):

1. Назначение заведующего отделением. Фракция постановила партийным организациям навести справки о кандидатах.
2. Выдвижение рядовых работников на ответственные должности на основе договоренности бюро партячейки и партфракции профсоюза.
3. Неаккуратный учет кадров общим отделом.
4. Надзор за деятельностью конторы¹⁶.

Подобным образом партфракция правления, наблюдая за ситуацией треста в случае надобности, прежде всего старалась предупредить и сдержать противостояние между внутренними коллек-

¹⁵ РГАЭ. Ф. 3342. Оп. 5. Д. 38. Л. 1-125.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 3342. Оп. 5. Д. 67. Л. 20-22.

тивами, согласовать интересы треста с директивами государства, а также, предварительного договариваясь перед официальным заседанием, старалась объединить мнения партийных членов.

Переговоры

Партфракции предварительно договаривались с заинтересованными организациями в делах, касающихся личного состава.

Согласно общему положению о госпромышленных трестах, назначение и увольнение членов правления относилось к компетенции учреждения, в ведении которого состоял трест. Директор фабрики и завода назначался и увольнялся правлением треста. Помощники и директор по технической и коммерческой части и главный бухгалтер назначались и увольнялись директором, при утверждении правлением треста¹⁷.

Однако в действительности нужно было добиваться согласия разных коллективов и организаций, включая и организации на месте, и взаимоотношения между ними усложнялись. Партфракции играли важную роль в этом отношении.

Приведем примеры.

1. Назначение директора торфоразработки Богородско-Щелковского хлопчатобумажного треста.

Правление треста решило заменить беспартийного директора партийным, партийного заместителя директора — беспартийным специалистом, и уволить нынешнего заместителя директора по недостаточной подготовке к службе, согласие на что просило у московского укома партии (Письмо правления укому партии от 17 декабря 1925 года)¹⁸.

Секретариат укома партии согласился на указанное предложение на заседании от 17 декабря и уведомил об этом партфракцию

¹⁷ Государственное предприятие: систематический сборник действующего законодательства и ведомственных распоряжений. М., 1929. С. 5, 29.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 7783. Оп. 3. Д. 14. Л. 17.

правления треста¹⁹.

Однако впоследствии уком партии отменил решение секретариата, и после вызова председателя треста вопрос был вновь обсужден на заседании секретариата²⁰. Дело было в том, что трест уволил заместителя директора своевольно. Уком партии согласился на кандидата, рекомендованного трестом в качестве директора, но отложил решение о назначении заместителя директора до получения согласия от партфракции участка профсоюза горнорабочих (Письмо укома партии партфракцию правления треста от 15 января 1926 года)²¹.

2. Увольнение и назначение директора фабрики Шелкотреста.

Происшествие началось с обнаружения «ненормальных взаимоотношений» между фабрикой и трестом (из протокола заседания секретариата райкома партии от 2 декабря 1925 года)²².

В письме председателя правления Шелкотреста губотделению профсоюза текстильщиков от 28 ноября 1925 года сообщалось, что директор фабрики Л. был неспособным, болтливым и не мог справиться со своими задачами, и излагалась просьба рекомендовать опытного и подходящего кандидата на должность директора²³.

В письме партфракции правления Шелкотреста райкому партии от 5 декабря 1925 года также было сказано, что перед фабрикой стоят важные задания (ее расширение и организация нового производства), а Л. не обладает способностями к предпринимательству и не может общаться дружно с инженерами треста. Правление вело переговоры о его увольнении с губкомом партии и губотделением профсоюза. Партфракция просила райкома рассмотреть этот вопрос²⁴. На заседании бюро райкома партии от 15

¹⁹ РГАЭ. Ф. 7783. Оп. 3. Д. 14. Л. 19.

²⁰ РГАЭ. Ф. 7783. Оп. 3. Д. 14. Л. 21.

²¹ РГАЭ. Ф. 7783. Оп. 3. Д. 14. Л. 25.

²² РГАЭ. Ф. 7986. Оп. 3. Д. 23. Л. 5.

²³ РГАЭ. Ф. 7986. Оп. 3. Д. 22. Л. 1.

²⁴ РГАЭ. Ф. 7986. Оп. 3. Д. 23. Л. 4.

декабря 1925 года предложение было одобрено, и начались переговоры о назначении преемника²⁵.

После неофициальных переговоров партфракция правления попросила губкома партии назначить Ч. (нынешнего помощника директора другой фабрики) в качестве преемника²⁶.

3. Назначение помощника директора фабрики Фанеротреста.

Партфракция отделения профсоюза деревообделочников просила назначить партийного кадра, знающего данную промышленность, на должность помощника директора в апреле 1924 года. Партфракция правления продвигала назначение члена правления профсоюза Р., занимавшего ответственную должность топливного отдела жел. дороги, осознавая важность развития фанерной промышленности. Правление треста одобрило назначение 16 апреля.

Однако прибывший новый директор С. назначил бывшего директора М. в качестве помощника, а Р. был перемещен на должность начальника склада.

Тогда партфракция отделения профсоюза попросила оставить Р. на занимаемой должности (письмо секретаря бюро партфракции отделения профсоюза председателю правления треста от 14 июня 1924 г.).

Партфракция правления, принимая во внимание ее настоятельную просьбу, решила предложить правлению назначение Р. на должность помощника директора²⁷.

4. Конфликты между Центробумтрестом и директором фабрики о реорганизации управления фабрики и назначении заведующего отделом.

В январе 1928 года З. был назначен директором фабрики. После вступления на пост директора З. приказал объединить ле-

²⁵ РГАЭ. Ф. 7986. Оп. 3. Д. 23. Л. 6.

²⁶ РГАЭ. Ф. 7986. Оп. 3. Д. 23. Л. 7.

²⁷ РГАЭ. Ф. 8145. Оп. 1а. Д. 15. Л. 69, 71.

со-топливный отдел и торговый отдел, вместе с тем неожиданно уволил заведующего лесо-топливным отделом Ш. (партийного работника, проработавшего в этом отделе 7 лет) и заменил Б. (беспартийного) лицом, неопытным в лесном деле.

Эти вопросы были обсуждены на заседании партфракции правления. Партфракция выразила сожаление о реорганизации и смене заведующего отделом без предварительных переговоров с правлением треста и просила принять Ш. на службу по его специальности²⁸.

Правление треста предложило пересмотреть это решение, а также попросило парторганизацию повлиять на директора²⁹.

5. Назначение заместителя управляющего отделением Продасиликата.

Северокавказский крайком партии рекомендовал Г. в качестве заместителя управляющего отделением (письмо правлению синдиката от 19 февраля 1927 г.). Он служил в армии, ЧК и ОГПУ и не имел опыта службы в хозяйственной организации, хотя и учился в торговом училище³⁰.

Ответ члена правления был отрицательным. Партфракция правления желала назначить работника, опытного в данной отрасли. Раз управляющим отделением назначался нынешний заместитель управляющего Харьковским отделением (партийный), его заместитель должен был быть специалистом³¹.

6. Назначение управляющего контором Металлосиндиката.

ЦК партии Украины решил уволить Ч. с должности управляющего конторой и назначить Г. в качестве его преемника. Партфракция правления синдиката и председатель просили пересмотреть

²⁸ РГАЭ. Ф. 3705. Оп. 4. Д. 76. Л. 16.

²⁹ РГАЭ. Ф. 3705. Оп. 4. Д. 76. Л. 2.

³⁰ РГАЭ. Ф. 3342. Оп. 5. Д. 17. Л. 34-36.

³¹ РГАЭ. Ф. 3342. Оп. 5. Д. 17. Л. 37.

реть этот вопрос, по крайней мере, отсрочить его решение (письмо орготделу ЦК партии Украины от 18 августа 1927 г.). Партфракция правления думала, что в случае увольнения Ч. рассчитывать на нормальное хозяйство невозможно, и просила оставить Ч. на занимаемой должности, а если это неосуществимо, вернуть назад Г. и назначить Н. (нынешнего заведующего рев. отделом синдиката) исключительно с практической точки зрения³².

7. Остановка завода Фанеротреста.

Трест решил остановить Н. завод в 1924/25 г., но одновременно ремонтировал его в январе 1925 года. К тому же, недалеко от завода находилась прочная сырьевая база. Партфракция отделения профсоюза деревообделочников обратилась к тресту по поводу нерациональности остановки завода. Партфракция отделения отправила своего делегата в Москву и, переговорив с председателем треста и заведующим отделом экономики труда, 14 февраля пришла к соглашению, что Н. завод продолжит работу при сокращении производственного плана С. завода³³.

8. Трения между управлением завода и фабзавкомом в Сахаротресте.

После того как управление завода пригласило трех специалистов (механика, бухгалтера и рафинировщика) из Украины, отношения между ними обострились. Ни партячейка, ни губотделение профсоюза не знали об их раздоре.

22 октября 1926 года на заседании партфракции Московского правления профсоюза сахарников обсудался этот вопрос (среди участника были, кроме членов партфракции, председатели губсовета профсоюза, ЦК профсоюза сахарников, райкома партии, партячейки, фабзавкомома и управления завода).

Заседание началось с достаточно запутанной дискуссии раз-

³² РГАЭ. Ф. 5715. Оп. 10. Д. 6. Л. 6, 7.

³³ РГАЭ. Ф. 8145. Оп. 1а. Д. 16. Л. 14, 17.

личных проблем.

Фабзавком возразил против принятия указанных специалистов, т.к. это означало увольнение старых работников, принятие новых работников не через биржу труда и «украинизацию» завода. Фабзавком также упрекал управление завода в том, что оно наказало рабочих за плохой ремонт или настояло расторгнуть статью о заполнении брони подростков колдоговора, говоря, что «лучше дать бродягам 9 тысяч рублей, чем заполнить брони подростков» с целью репутации рабочих, на производственном совещании.

Управляющие заводом, со своей стороны, предъявляли претензии, что председатель фабзавкома, не приглашая партийного директора, обсудил вопрос об увольнении рафинировщика на заседании партфракции фабзавкома (по объяснению председателя фабзавкома, это был только обмен мнениями), также придирался к механикам якобы из-за растраты. Они осудили его за грубое отношение и даже требовали досрочных перевыборов фабзавкома. Враждебность усугублялась тем, что дело затрагивало престиж обеих сторон.

В результате дискуссии на заседании было сделано следующее заключение: обе стороны ошиблись в практических действиях, что повлекло за собой раздор. При правильном руководстве этот раздор можно было легко устранить. Досрочные перевыборы фабзавкома были признаны неуместными, но нужно было усилить членов фабзавкома на очередных перевыборах³⁴.

В итоге, эти трения закончились ничьей в связи с ущербом одному из противников вследствие примирения партфракции профсоюза.

9. Ошибка в расчете зарплаты на фабрике 2-го хлопчатобумажного треста.

8 мая 1928 года на заседании бюро партфракции московского

³⁴ РГАЭ. Ф. 1576. Оп. 6. Д. 22. Л. 54-57.

губотделения профсоюза текстильщиков был рассмотрен отчет отделения профсоюза о положении Егорьевских фабрик, и подтвердились факты ошибок в расчете зарплаты и неясности в методах расчета. В марте было много недоплат зарплат ткачам. Управление фабрик упустило эти запутанности и ошибки, не приняло корректирующих мер и не взыскало с виноватых в этих ошибках. Фабзавкомы и отделение профсоюза также не обратили на это должного внимания.

Поэтому партфракция предложила правлению треста следующие меры: проверить служащих и инженерно-технических работников и уволить работников, не подходящих для своих должностей и проявляющих небрежное отношение к своим обязанностям; привлечь к ответственности работников, которые ошиблись в расчете зарплаты; сделать фабзавкомам и отделению профсоюза строгие выговоры за их халатность³⁵.

На заседании следовательской комиссии московского парткома были приняты сделанные партфракцией предложения, с некоторыми дополнениями³⁶.

10 июля 1928 года на основе этого решения председатель 2-го хлопчатобумажного треста подал секретные циркуляры всем директорам фабрик: надзирать за расчетом и записью зарплаты; производить все расценки через РКК³⁷.

Директоры, отвечая на это указание, организовали следовательские комиссии и проверили расчеты зарплат³⁸.

Заключение

Таким образом, партфракции прежде всего регулировали взаимоотношения между разными организациями и коллективами и улаживали спорные вопросы, для того чтобы не происходило про-

³⁵ РГАЭ. Ф.7724. Оп. 3. Д. 8. Л. 232-233.

³⁶ РГАЭ. Ф.7724. Оп. 3. Д. 8. Л. 234.

³⁷ РГАЭ. Ф.7724. Оп. 3. Д. 8. Л. 246.

³⁸ РГАЭ. Ф.7724. Оп. 3. Д. 8. Л. 247-248.

тивостояния интересов. В случаях, когда конфликты происходили, они старались справиться с их последствиями или просили верхние органы о помощи, смотря по обстоятельствам. Посредством таких действий партфракции поддерживали корпоратизм незаметно, «из-за кулис».

Перелом наступил в конце 1920-х годов.

Во второй половине 1920-х годов Советский Союз сталкивался с экономической блокадой и угрозой войны, и была поставлена задача быстрой индустриализации перед ней. Но при прогрессирующей замкнутости и упорной политике рыночного равновесия, насильственное продвижение индустриализации неизбежно должно было поставить страну в трудное положение.

Поскольку нельзя было ожидать введения большого иностранного капитала, необходимо было искать финансовый источник индустриализации в усиленном накоплении внутри самой промышленности.

«Накопление может быть достигнуто, прежде всего, максимальным снижением себестоимости» (Доклад Межлаука на собрании хозяйственников Бауманского района)³⁹.

Под дефляционной политикой, основанной на классической теории рыночного равновесия, промышленные предприятия были вынуждены заменить постоянных работников временными, которые обходились дешевле, ограничить наем молодых специалистов и уменьшить расходы на образование для того, чтобы снизить себестоимость и накопить средства к капитальным вложениям с близоручкой точки зрения и по линии наименьшего сопротивления.

Эти аспекты политического курса вызвали серьезную массовую безработицу и крах образования молодого поколения в последний период НЭПа.

Вследствие этого создалось решительное расхождение между социальными слоями и возник непримиримый антагонизм.

³⁹ Экономическая жизнь. 31 октября 1928 г.; Торгово-промышленная газета. 31 октября 1928 г.

Аппаратчики партии, в целях ускорения расширения промышленности, привлекли комсомольцев на свою сторону и под молчаливым согласием профсоюзов нанесли удар хозяйственникам и специалистам, сопротивлявшимся супериндустриализации, и захватили управление экономическими органами.

Затем аппаратчики, вместе с комсомольцами, выгнали руководящие силы профсоюзов и поставили их под свое влияние. И комсомол, руководители которого также были зачищены вскоре после этого, превратился в коллектив, мобилизованный навстречу намерению центра партии.

В итоге, аппаратчики партии стали господствующей силой, которая правила всеми слоями общества под интересами государства. В то же время плюралистическая экономическая система, характеризующаяся сотрудничеством и компромиссом между социальными слоями, перешла на командную экономику, характеризующуюся просвещенным деспотизмом и социальным рационализмом⁴⁰.

Смысл в существовании партфракции исчез в 1930-х гг., когда руководящая партия превратилась в правящую партию⁴¹.

⁴⁰ *Kimura, M.* Op. cit.

⁴¹ В феврале 1934 г., по решению XVII съезда ВКП(б), партфракции были переименованы в партийные группы (КПСС в резолюциях. Изд. 8-е. Т. 5. М., 1970. С.171).

«Кулаки» как результат властной номинации

Теоретические модели интерпретации социальной группы «кулаки» в отечественной историографии

В советской науке исследование социальных структур развивалось в рамках *структуралистского подхода* («ленинская методология классового анализа»), который доминирует и в современной литературе. Отказавшись от использования понятия «класс» в роли аналитической категории для изучения социального неравенства в постреволюционной деревне, историки-«объективисты» по-прежнему рассматривают категории социальной политики государства как теоретические слепки реальных социальных групп («кулаки»¹, «средняки», «бедняки»), как они понимались в 1920–1930-е гг.

Характер дискуссий о социальной структуре крестьянства, развернувшихся в отечественной литературе на рубеже 1980–1990-х гг., был сформулирован В.П. Даниловым: «что представлял собой бедняк, середняк и кулак в советской деревне: были ли они реальными социальными фигурами, или же мы имеем дело всего-навсего с идеологическими персонажами, мифами?».

¹ В современной литературе по-прежнему общепринятой является большевистская трактовка понятий «кулак» и «сельский эксплуататор» в качестве синонимов, утвердившаяся в отечественной литературе с 1930-х гг. См. подробнее: Доброноженко Г.Ф. Кто такой кулак: трактовка понятия «кулак» во второй половине XIX в. – 20-х годах XX в. // Стратификация в России: история и современность. Сыктывкар, 1999. С. 28-43.

Сторонники объективистского подхода, придерживаются мнения о дифференциации крестьянства на «социально различающиеся слои, среди которых были и эксплуатируемые, и эксплуатирующие»; «наличие в крестьянстве формирующегося эксплуататорского слоя – кулачества – факты истории», «кулак, середняк и батрак были реальными, а не мифическими фигурами»².

Для современных историков-«объективистов» неоспоримым является утверждение, что в основе идеи большевиков о бедняках и кулаках лежали в дополнении к социально-экономическим ярко выраженные политические критерии. Подчеркивается влияние субъективных факторов (идеологических установок партийно-государственного аппарата) на социальные сдвиги, искусственный характер вносимого в крестьянство расслоения, в результате чего происходило деформирование социальной структуры.

Активно обсуждается проблема признаков идентификации кулаков. Исследователи считают, что у государства не было ясных, четких критериев при определении социальных слоев, а сформулированные в законодательстве конца 1920-х гг. признаки кулацких хозяйств оцениваются как неопределенные и расширительные. При отсутствии однозначно интерпретируемых («объективных») признаков эксплуатации, к кулакам можно было отнести чуть ли не каждый третий крестьянский двор. При выявлении кулаков «всякие социально-экономические критерии отнесения к кулачеству были отброшены»; «возобладал сугубо политический взгляд на "кулака" как классового врага, который подлежит ликвидации»³.

² Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 33.

³ Солопов А.Н. Кого считали кулаком в 1924–1925 годах? // Трудные вопросы истории. М., 1991. С. 78-79; Данилов В.П., Красильников С.А. Вместо предисловия // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. Новосибирск, 1992. С. 8; Савельев С.И. Раскулачивание: как это было в

В постсоветской историографии активно исследуется политика «ликвидации кулачества» и социальный облик группы «раскулаченные». Большинство историков полагает, что «кулачество как социально-имущественная группа крестьян» прекратили свое существование» к лету 1930 г.⁴ В 1931–1932 гг. «реально функционирующих кулацких хозяйств в деревне уже не было» и раскулачиванию подверглись зажиточные, середняки и бедняки. Термин «кулак» все больше терял социально-экономическое значение и превращался в политический жупел борьбы с крестьянством. Основным (иногда единственным) признаком кулака был политический – отношение к власти: «кулаком или подкулачником является тот, кто не хотел вступать в колхоз», «кулак становится скорее не реальным социальным персонажем, а мифической фигурой»⁵.

Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994. С. 19; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обсуждение книги Штефана Мерля «Аграрный рынок и новая политика. Зарождение государственного управления сельским хозяйством в Советском Союзе. 1925–1928 гг.» // Отечественная история. 1995. № 3. С. 118, 121; *Гущин Н.Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 31; *Шумилов А.И.* Почему отсутствовало определение «кулак» в советско-партийных документах 1920-х гг.? // Сибирская деревня: история, современность, состояние, перспективы развития. Омск, 1998. С. 259; *Околотин В.С.* Власть и налоги. Иваново, 2002. С. 148 и др.

⁴ Высказывается мнение (все более популярное в последние годы), что сельские эксплуататоры были экспропрированы в ходе налоговых и заготовительных кампаний 1928–1929 гг., фактическое раскулачивание уже состоялось до официального провозглашения политики «ликвидация кулачества как класса» (*Данилов В.П., Красильников С.А.* Указ. соч. С. 9. См. также: Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянских хозяйств. 1930–1940 гг. Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2000. С. 12; *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 19, 44).

⁵ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 189, 25; *Зеленин И.Е.* Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6.

С 1933 г. политика «наступления на кулачество» переводилась в иную плоскость направлений и методов реализации. Меняется понятие «кулак», которое уже не соответствовало той категории сельских жителей, которые подвергались репрессиям в начале 1930-х гг.; к кулакам относили единоличников за срыв хлебозаготовок и других хозяйственно-политических кампаний. В научный оборот введен новый термин «неокулак»: «поскольку «классические "кулаки" к концу 1932 г. были практически уничтожены, срочно был выдуман "неокулак"»⁶.

Таким образом, общепринятым для сторонников объективистского подхода является утверждение, что в первой половине 1930-х гг. было раскулачено за «классовую принадлежность» к кулакам значительно больше крестьянских хозяйств, чем реально было в деревне сельских эксплуататоров, только незначительная часть из раскулаченных крестьян принадлежала к эксплуататорскому слою деревни⁷.

Явное противоречие между общепризнанным определением «кулак – сельский эксплуататор» и утверждением о раскулачивании крестьян, принадлежащих к разным социальным группам, сторонники объективистского подхода пытаются разрешить изменением терминологии. Исследователи берут в кавычки термины «кулак» и «раскулаченные». Иногда в работах историков, признающих существование эксплуататоров в доколхозной деревне, кавычки появляются уже при анализе из-

С. 33; он же. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 30; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1995. № 3. С. 121 и др.

⁶ *Тепцов В.Н.* Правда о раскулачивании (Документальный очерк) // Кентавр. 1992. № 3-4. С. 55-56.

⁷ Напомню читателю, что и в советской литературе трактовка «социально-экономической категории», «ликвидированной как класс», была тесно связана с признанием факта раскулачивания «не только кулаков, но и середняков и даже бедняков».

менений в соотношении социальных групп в деревне и сокращении удельного веса эксплуататорских хозяйств в годы Гражданской войны; кавычки сохраняются при характеристике социального неравенства в нэповской деревне⁸.

Высказывается мнение о «правомерности» замены термина «раскулаченные» на «репрессированные» крестьяне⁹.

В последние годы исследователи используют вместо термина «кулак», по их мнению «относительно нейтральный», термин «зажиточный»¹⁰. Нормативно-правовые документы власти оцениваются как «специальные постановления о проведении репрессий против зажиточной части деревни»¹¹.

Нередко исследователи одновременно использует два термина: в одном случае говорится, что «в конце 20-х годов после XV партийного съезда, принявшего курс на усиление наступления на зажиточные слои деревни...», а в другом – «в 1928–1929 гг. в связи в провозглашенным XV съездом ВКП(б) курсом на коллективизацию и усиление наступления на кулачество...»¹².

Допустима ли замена термина «кулак» и можно ли считать, что термин «зажиточный» является «нейтральным»? Во-первых, использование нового термина подразумевает, что репрессиям за «классовую принадлежность» к кулакам подвергались преимущественно наиболее состоятельные, зажиточные хозяйства, что противоречит заключениям исследователей, использующих этот термин, о социальном составе раскулаченных

⁸ Гуцин Н.Я. Указ. соч. С. 17-18, 30, 32, 35.

⁹ Там же. С. 31; Красильников С. Серп и молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 9.

¹⁰ См. например: Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 147, 163, 178.

¹¹ Ивницкий Н.А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000. С. 129.

¹² Гуцин Н.Я. Указ. соч. С. 32, 42, 44.

(не только зажиточные, но и середняки и бедняки). Во-вторых, в институциональной политике 1929–1933 гг. присутствуют две группы единоличных хозяйств: «трудовые» (бедняцкие и середняцкие) и «нетрудовые (кулацкие и зажиточные).

В результате изменения терминологии происходит невероятная путаница в характеристике социального облика групп «кулаки» и «раскулаченные», налоговой и заготовительной политики в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Так, широко распространенным стал тезис об обложении сельхозналогом в индивидуальном порядке зажиточных крестьян¹³.

В исторической литературе (как советской, так и новейшей) «кулаки» и «зжиточные» не различаются и особенности институциональной политики в отношении этих двух групп не исследуются¹⁴.

Выделение в законодательстве и социальной практике двух отдельных социальных групп – «кулаки» и «зжиточные» – является серьезным аргументом в пользу тезиса о недопустимости замены термина «кулак» на «зжиточный».

Трактовка историками-«объективистами» социальной группы «кулаки» позволяет сделать следующие выводы:

1. Несомненна огромная заслуга историков-«объективистов», особенно поколения «шестидесятников»

¹³ В нормативных документах указывалось, что кулацкими должны признаваться «хозяйства, облагаемые сельхозналогом в индивидуальном порядке», а зажиточными – «крестьянские хозяйства, облагаемый доход которых исчисляется для взимания единого с/х налога с определенной процентной надбавкой». После отмены процентной надбавки (в 1932–1933 гг.) признаки зажиточных хозяйств устанавливались региональными органами власти.

¹⁴ Единственный из известных автору статьи историков, который проводил различие между кулаками и зажиточными – Ю.А. Мошков (Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1928–1932 гг.). М., 1966. С. 176). Характеристика признаков зажиточных хозяйств в законодательстве и социальной практике приведена в монографии автора статьи (Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х годов XX века. СПб., 2008. С. 343–347, 417–422, 595–599, 606–608, 623–632).

(Н.А. Ивницкий, В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Н.Я. Гущин) во введении в научный оборот огромного эмпирического материала, который перевернул наше представление на историю российского крестьянства;

2. Новые оценки социального облика группы, репрессированной за «классовую принадлежность» к кулакам, не укладываются в традиционную схему «кулаки как социальный слой сельских эксплуататоров». Социальные рамки группы «кулачество», подлежащей ликвидации как «класс», были значительно шире рамок категории «сельские эксплуататоры». Раскулачивали «другие социальные группы крестьянства».

Следовательно, термином «кулак» исследователи-объективисты называют две разные по своему социальному составу группы: в 1920-е кулаки – это сельские эксплуататоры; а в первой половине 1930-х гг. – трудовые крестьяне.

3. Противоречие между новым фактическим материалом и объективистской концепцией и пытаются (не осознанно!) разрешить историки, используя новую терминологию. «Состояние терминологической неопределенности, – как справедливо замечает С.А. Красильников, – есть отражение неопределенности концептуальной»¹⁵;

4) Современное состояние с используемой системой терминов и понятий свидетельствует, что произошло накопление критической массы нового исторического материала, когда требуется переосмысление объективистского подхода. Старая концепция на новых материалах «не работает»;

Противоречие между традиционной трактовкой социальной группы «кулаки» и новыми данными о масштабах репрессий в деревне за «классовую принадлежность» к кулакам, приводит к возникновению **конструктивистской позиции**, возникновение которого исследователи-«объективисты» объясняют

¹⁵ Красильников С.А. Указ. соч. С. 27.

стремлением историков «отмежеваться от пресловутого "классового подхода"». И.Е. Зеленин, критикуя ученых, пытающихся «сконструировать иные принципы выделения групп и слоев доколхозной деревни», пишет: «не надо путать объективные исторические процессы и идеологические установки политической элиты»¹⁶. В приведенной цитате сформулировано четкое противопоставление двух подходов к анализу социального неравенства – объективистского и констрuktивистского.

Историки-«конструктивисты» утверждают, что после массового раскулачивания 1918–1919 гг. никакой сельской буржуазии не существовало, крупное кулацкое производство отсутствовало, и «увидеть в деревне класс кулаков можно только при очень большом желании и богатом воображении»¹⁷. «Кулаки» в послереволюционный период – это идеологический персонаж, миф, созданный в большевистской идеологии¹⁸.

В период проведения политики «ликвидация кулачества как класса» репрессии были направлены против широких слоев крестьянства и основным критерием отнесении крестьян к ку-

¹⁶ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обсуждение книги Теодора Шанина «Определяя крестьянство» // Отечественная история. 1993. № 2. С. 23; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обсуждение книги Эрика Вульфа «Крестьяне» // Там же. № 6. С. 101.

¹⁷ Отметим особенность публикаций историков-«конструктивистов»: утверждение об отсутствии в деревне 1920-х гг. сельских эксплуататоров «доказывается» преимущественно высказываниями крестьян и сельских активистов, что «у них в деревне кулаков нет».

¹⁸ *Рянский Л.М., Бочаров А.Н., Травина А.С.* Курская деревня в 1920–30-х годах. Коллективизация. Курск, 1993. С. 9; *Загоровский П.В.* Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928–1934 гг. Воронеж, 1995. С. 67–68; *Таранин А.Б., Угроватов А.П.* Дума о кулаке. Кулачество в общественном сознании и политике 20-х годов // ЭКО. 1997. № 1. С. 194; *Куреньшев А.А.* Крестьянство России в период войны и революции 1917–1920 гг. (историографические аспекты) // Вопросы истории. 1999. № 4-5. С. 154; *Климин И.И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927 гг.). Часть 1. СПб., 2007. С. 149.

лакам (помимо имущественного) был политический признак («отношение к власти»).

Следовательно, при всех различиях в оценках социального неравенства в 1920-е годы, позиции сторонников двух теоретических подходов, оцениваемые ими как противоположные и несовместимые, сходятся при трактовке социальной группы крестьян, репрессированной за социальный статус «кулак».

Авторская концептуальная модель к трактовке социальной группы «кулаки» основывается на следующих ключевых положениях:

1. Не вызывает сомнения, что в периоды открытого противостояния власти и крестьянства (в годы военного коммунизма и коллективизации) количество крестьян, получивших клеймо «кулак», значительно превышало официальную статистику сельских эксплуататоров. Под лозунгом борьбы с сельской буржуазией власть вела борьбу с другой социальной группой и по качественным, и по количественным критериям.

Социальные рамки группы «кулаки» как объекта политики советского государства были значительно шире социальных рамок официально декларируемой социальной категории «кулаки» как «сельские эксплуататоры».

2. Необходимо отказаться от определения терминов «кулак» и «сельские эксплуататоры» как синонимов и рассматривать проблему «кулаки» в другом исследовательском поле.

«Кулаки» – это социальная группа крестьян, подвергавшаяся дискриминации и репрессиям по социально-политическим мотивам.

В современной кратологии одной из основных особенностей власти признается способность властной номинации конструировать социальный мир и создавать новые социальные структуры. Власть «является источником (если не всех, то большинства) социальных преобразований, осознанного проек-

тирования и корректировки общественных отношений». В этом смысле власть является «не просто регулятором, но и конструктором социальности, средством преобразования социального (политического) пространства», «она творит новые отношения, она конструирует социальный мир, модифицируя социальное пространство»¹⁹.

Важную структурирующую функцию в формировании новых отношений выполняет властная номинация элементов социальной структуры (публичное и официальное название соответствующих отношений). Властная номинация, даже если она носит сугубо субъективный характер и имеет под собой в качестве основания лишь фальсификацию (намеренную или ненамеренную), способна конструировать социальный мир и создавать новые социальные структуры. Чем больше и неограниченнее власть государства, тем значительнее роль его номинации²⁰.

В основе социального конструирования в постреволюционной России/СССР лежал большевистский идеологический проект, определявший цели («построение социализма»), «союзников» и «врагов» новой власти. Идеологические конструкции превращались в объективные социальные структуры, когда становились ориентиром в социальной политике государства, которая была направлена на повышение социального статуса групп, воспринимаемых как «лояльные», и понижение статуса (или ликвидацию) групп, оцениваемых как «враждебные».

¹⁹ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2000. С. 92. См. также: Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001; «Технологии власти» (философско-политический анализ). М., 1995; *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995. С. 155-156; он же. Рациональность и властные отношения // Вопросы социологии. 1996. Вып. 6. Тематический выпуск «Рациональность и власть». С. 43-52.

²⁰ «При этом, – замечает В. Ильин, – совершенно не имеет значения соответствие этой картины реальности, поскольку химера, существующие в сознании диктатора, превращаются в реальные социальные конструкции» (*Ильин В. И.* Социальное неравенство. М., 2000. С. 142).

«Кулаки» как результат властной номинации

Социальная группа «кулаки» – один из наиболее ярких примеров как идеологический конструкт приобретает форму объективного социального существования.

Механизм социального конструирования государством группы «кулаки» включает следующие основные инструменты:

1) конструирование идеологемы «кулак» в программно-политических документах правящей партии; «кулаки» в большевистской теории – это социальная группа крестьян, которая была сконструирована по идейно-политическим критериям для устранения потенциальных и реальных противников политики власти в деревне;

2) создание социально-правовой модели группы «кулаки» с помощью законов и подзаконных актов, в которых конструируются социальные границы и социально-правовой статус группы;

3) социальная политика государства, направленная на превращение идеологического конструкта («класса на бумаге») в реальную социальную группу крестьян.

Новая концептуальная модель позволяет преодолеть существующее в отечественной историографии противоречие между традиционной трактовкой социальной группы «кулаки» и новыми представлениями о социальном облике группы крестьян, ликвидированной за социальный статус «кулак».

«Кулаки» как объект социальной политики советского государства

В коммунистической программе, объявившей одной из важнейших задач «диктатуры пролетариата» ликвидацию частной собственности и организацию крупного коллективного производства в сельском хозяйстве, образ крестьян-собственников («мелких буржуа») конструируется как «заклятых врагов всего, что отдает коммунизмом».

Это классическое марксистское положение определило характеристику «союзников» и «врагов» социализма в крестьянстве в программно-политических документах большевистской партии 1917 – начала 1918 гг. В борьбе за социализм союзником пролетариата, в представлении большевиков, может быть только класс пролетариев и полупролетариев (батраки и беднейшие крестьяне), только они признавались трудовым крестьянством. Все остальное крестьянство, крестьянин-собственник – это мелкобуржуазный класс, живущий за счет чужого труда²¹. При характеристике противников социализма произошла замена понятия «крестьянская буржуазия» на понятие «мелкобуржуазное крестьянство». Стратегическим врагом был объявлен крестьянин-собственник, крестьянин-хозяин. Следовательно, необходимо отказаться от устойчивого стереотипа отечественной историографии в характеристике «классового врага» в крестьянстве в большевистской теории (кулак – сельский эксплуататор).

В годы военного коммунизма большевики различают два типа крестьян-собственников по социально-политическому признаку: сторонники и противники новой политики в деревне. По логике большевиков, в условиях общенародной собственности на землю власть вправе распорядиться продукцией, произведенной крестьянином-земледельцем. Поэтому крестьянин, сопротивлявшийся государственной хлебной монополии, стал считаться «врагом экономических мероприятий Советской власти» и «эксплуататором трудового народа».

Для обозначения враждебно настроенной группы крестьян большевики с 1918 г. стали использовать термин «кулак», при-

²¹ Ленин выделяет в крестьянстве не три класса (бедняки, середняки, сельские эксплуататоры), как это принято считать, а два класса: «класс полупролетариев» (батраки и беднейшие крестьяне) и «мелкобуржуазный класс» (средние и зажиточные крестьяне) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 24-25, 140, 165, 188, 248, 252, 272; Т. 36. С. 254, 255, 265, 294, 298.

нятый в крестьянском лексиконе для негативной оценочной характеристики односельчан, а поэтому и наиболее оптимальный в пропагандистском отношении. Категория обыденного крестьянского сознания интегрируется в марксистскую категорию классового анализа. В общественном сознании формируется негативный имидж «врага» в виде хорошо известного плакатного кулака в зверином облике. Идеологема «кулак» стала одним из важнейших инструментов манипулирования общественным сознанием.

Крестьянские волнения, охватившие страну и названные «кулацкими», заставили большевиков в 1919 г. внести существенные коррективы в характеристики классового деления крестьянства и вспомнить о забытой ими социальной группе «средняки». Теперь уже и середняки (а не только бедняки) признаются трудовым крестьянством. Основной социально-экономический признак середняка: он не применяет наемный труд и не эксплуатирует бедноту. Между тем, по-прежнему проводится дифференциация крестьянина-собственника по социально-политическому признаку: середняк, выполняющий требования новой власти – «наш союзник, наш друг, наш соратник»; тот, кто не делает этого, – по-прежнему «классовый враг»²².

Таким образом, большевики создали теоретическую модель «класса кулаки» и наделили его определенными социальными и политическими характеристиками.

Социальная политика в годы военного коммунизма была направлена на повышение политико-административными средствами социального статуса группы, воспринимаемой властью как лояльная (бедняки), и ликвидацию группы, названной враждебной (кулаки)²³. Важнейшую роль в конструировании

²² Там же. Т. 37. С. 191; Т. 38. С. 9, 14, 135, 136, 146, 156, 196, 200, 236, 255; Т. 39. С. 301; Т. 40. С. 198; Т. 41. С. 58; Т. 43. С. 60, 218.

²³ В период «хрущевской оттепели» в советской литературе высказывалось мнение (популярное в 1920-е годы, но чрезвычайно крамольное в

новых социальных отношений в деревне была призвана сыграть иницилируемая властью политика углубления расколов в крестьянстве и создания «классового конфликта», при этом активно использовались ранее сложившиеся в деревне противоречия между богатыми и бедными.

В результате политики «классового террора» в отношении массовой категории крестьян, идентифицируемых как «кулаки», теоретический конструкт («класс на бумаге») превращается в объективную социальную конструкцию. В социальной группе «кулаки», подвергавшейся дискриминации и репрессиям, были представители разных групп сельского населения, однако несомненно, что зажиточные крестьяне и сельские эксплуататоры в ней преобладали.

Одна из основных особенностей формирования социальной группы «кулаки» в годы военного коммунизма заключается в том, что большевики сконструировали теоретическую модель «класса» и перешли к политике репрессий против крестьян, получивших клеймо «кулак», не определив законодательно социальные границы и социально-правовую модель группы.

Новая экономическая политика формировалась как временное отступление от реализации партийной программы. Власть пошла на уступки крестьянину и установила «с этим последним капиталистическим классом» вынужденный (и главное – временный) союз. В программно-политических документах 1921–1927 гг. провозглашался принцип «классовой» социальной по-

последующие десятилетия), что советская власть со времен Октябрьской революции проводила политику «ликвидации кулачества как класса» (раскулачивания). В годы военного коммунизма и деятельности комбедов «были уничтожены основные отряды старого, дореволюционного кулачества» (*Трифонов И.Я., Овсянкин В.А.* Проблемы ликвидации эксплуататорских классов в СССР в советской историографии // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Ч. II. Л., 1967. С. 148)

литики в деревне, необходимость «учитывать классовые деления в деревне».

Законодательство, определяющее земельную правоспособность крестьянина, правовое регулирование арендных отношений и применения наемного труда, было направлено на недопущение использования земельного надела как источника нетрудовых доходов и расширения эксплуататорских отношений. Оно не связывало земельную правоспособность с социальным положением гражданина или с его избирательной правоспособностью, не предусматривало каких-либо существенных ограничений или дискриминации за социальный статус «сельский эксплуататор» («кулак»).

Характеристика законодательства о сельхозналоге показывает, что в начале нэпа налоговая политика решала фискальные, а не «классовые» задачи, размер налога зависел исключительно от величины дохода хозяйства. Элементы «классовости» появляются лишь с введением в 1925/1926 г. необлагаемого минимума для маломощных и усилением прогрессивности налогообложения для экономически крепких хозяйств. Законодательство не выделяло кулацкие (эксплуататорские) хозяйства в самостоятельную налоговую группу и не предусматривало особого порядка выплаты налога в зависимости от социального статуса.

Нормативно-правовая база, регламентирующая условия предоставления государственного кредита, до 1925 г. не содержала каких-либо указаний на различие в условиях кредитования в зависимости от социальной принадлежности. Принцип кредитования по социальным категориям крестьян был провозглашен в программно-политических документах в 1925 г., однако дифференциация условий предоставления кредитов по «классовому» признаку в законодательстве так и не была проведена до 1928 г.

Представляется необходимым отказаться от общепринятого в отечественной историографии утверждения о прямой «классовой» направленности социальной политики нэповского периода против кулацких (эксплуататорских) хозяйств. Социальная политика была направлена на регулирование социально-экономических процессов, ограничение, недопущение усиления капиталистического уклада. Объектом ограничительной политики были социальные отношения, а не конкретные лица за социальную принадлежность к кулакам²⁴. Этим во многом объясняется отсутствие в законодательстве критериев идентификации кулаков и законодательного закрепления его социально-правового статуса. «Кулаки» как самостоятельная социальная группа не была юридически оформлена и не имела четких социальных границ.

В 1920-е гг. ярко проявилось несоответствие между прямой «классовой» направленностью социальной политики против кулацких (эксплуататорских) хозяйств, определенной в программно-политических документах, и реализацией ее в правовую норму и политическую практику. Причину нереализованности партийных лозунгов следует искать во внутренней противоречивости нэповской политики в деревне.

Социальная политика большевиков была обречена на поиск «золотой середины» между политической доктриной и экономической целесообразностью. Первая требовала не допустить, или, по крайней мере, ограничить возрождение эксплуататорских хозяйств. Вторая – увеличить производство сельскохозяйственной продукции, что в условиях нэповской экономики было возможно только на основе укрепления частного индивидуального крестьянского хозяйства, а, следовательно, и перехода

²⁴ Прямые правовые ограничения в 1920-е гг. были связаны главным образом с избирательной правоспособностью (ограничения в участии «лишенцев» в деятельности различных видов кооперации). Социальные поля «лишенцев» и «сельских эксплуататоров» пересекались, но не совпадали.

«Кулаки» как результат властной номинации

значительной их части в разряд «зажиточных» и неизбежного движения, с точки зрения партии, в «кулацком направлении».

На протяжении нэповского периода большевикам приходилось считаться с экономической целесообразностью, которая стала одним из важнейших ограничителей для реализации «классовой» политики в деревне.

В условиях «чрезвычайщины» конца 1920-х гг. впервые со времен Гражданской войны в программно-политических документах кулак конструируется не только как сельский эксплуататор бедноты, но и как «враг экономической политики Советской власти»²⁵.

На страницах газет формируется образ кулака как «злейшего врага социалистического строительства» («трудового народа»), ведется активная пропаганда против кулака, «который притаился, выжидает и приспособливается» и «в ближайшее время организовано выступит против Советской власти»²⁶.

В 1928–1929 гг. в законодательстве впервые были сконструированы социальные границы группы «кулаки» и определен механизм отбора крестьян, попадающих в эту часть социального пространства.

В современной историографии популярны два утверждения, которые требуют уточнения и корректировки: четкие, однозначно интерпретируемые «объективные классовые критерии» определения кулацких хозяйств, «к которым стремились большевики», не были найдены; политические признаки являлись

²⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы / Под редакцией В. Данилова и др. Т. 1. М., 1999. С. 292.

²⁶ Осадить кулака // Правда. 1928. 16 февраля; В атаку против классового врага // Правда. 1928. 29 ноября; Кулацкое лицо // Крестьянская газета. 1928. 28 февраля; Кулак ловчится // Беднота. 1928. 28 апреля; Кулак приспособливается, выжидает, приспособливается (обзор писем в журнал) // Деревенский коммунист. 1928. № 1.

результатом неопределенности социально-экономических признаков²⁷.

В законодательстве о сельхозналоге на 1928/29 г. выделяются две новые группы налогоплательщиков: выплачивающие налог с процентной надбавкой (зажиточные) и в индивидуальном порядке (эксплуататорские, кулацкие). В самой общей форме в нормативных документах наркомфинов СССР и РСФСР был приведен перечень признаков кулацких хозяйств и определены контрольные задания по их выявлению (от 1 до 5% от общего числа крестьянских хозяйств в зависимости от экономических особенностей регионов)²⁸.

Первые итоги проведения кампании по выявлению кулаков (лето 1928 г.) показали, что, при непонимании местными работниками нового метода обложения и субъективного подхода к определению социальной принадлежности, к кулацким относились зажиточные и середняцкие хозяйства. Особенностью проверочной кампании 1928 г., отличающей ее от всех последующих, было не выявление новых кулаков, а исключение хозяйств, не имеющих эксплуататорских доходов. В результате численность хозяйств, признанных кулацкими, сократилась по стране в целом с 405 тыс. (1,6% всех хозяйств) до 220 тыс. (0,89%)²⁹.

²⁷ *Солопов А.* Указ. соч. С. 83-100; *Савельев С.И.* Указ. соч. С.19; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обсуждение книги Штефана Мерля «Аграрный рынок и новая политика. Зарождение государственного управления сельским хозяйством в Советском Союзе. 1925–1928 гг.»... С. 101-135; *Самосудов В.М.* Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 90-х годов). Омск, 1998. С. 54; *Околотин В.* Указ. соч. С. 148-149 и др.

²⁸ *Собрание законов (СЗ) СССР.* 1928. № 24. Ст. 212; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733 (Народный комиссариат финансов СССР). Оп. 5. Д. 761. Л. 114-115, 196.

²⁹ Рассчитано: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 191. Л. 2, 9-10, 52; Оп. 12. Д. 546. Л. 54.

«Кулаки» как результат властной номинации

Положение о сельхозналоге на 1929/30 г. выделяло две группы кулаков: «явно кулацкие хозяйства», которые облагались налогом на общих с трудовыми хозяйствами основаниях, но лишались предусмотренных законодательством льгот, и «наиболее богатые», выплачивающие налог в индивидуальном порядке (не менее 2 и не более 3% всех крестьянских хозяйств)³⁰.

Установление признаков «явно кулацких хозяйств» (в союзном законодательстве они были сформулированы в самой общей форме) относилось к компетенции союзных республик.

Критерии идентификации «наиболее богатых» кулацких хозяйств были определены в законодательстве о сельхозналоге. В документах центральных финансовых органов разъяснялись такие наиболее распространенные эксплуататорские признаки, как применение наемного труда, скупка и торговля. Определялся также ряд существенных ограничений в их трактовке. Во-первых, оговаривался срок действия нетрудовых доходов (предшествующий окладный год): хозяйства, имеющие нетрудовые доходы до мая 1928 г., индивидуальному обложению не подлежали. Во-вторых, указывался ограничительный минимум размера дохода, ниже которого хозяйство не могло облагаться налогом в индивидуальном порядке (500 руб., в том числе нетрудовой доход – более 125-150 руб.). В-третьих, в постановлениях местных исполкомов оговаривались количественные ограничители и по другим эксплуататорским признакам, в том числе за применение наемного труда. Предоставив краевым и областным исполкомам право вносить изменения в перечень признаков «применительно к особенностям отдельных районов», директивы центральных финансовых органов в начальный период налоговой кампании предупреждали о недопусти-

³⁰ СЗ СССР. 1929. № 12. Ст. 103.

мости чрезмерного их расширения и дополнения, чтобы не допустить повторения ошибок предыдущего года³¹.

В обязательных постановлениях о признаках кулацких хозяйств многих региональных органов управления, а в налоговой практике повсеместно (особенно с осени 1929 г.), установленные законодательством две категории кулаков фактически не выделялись, и все хозяйства, признанные эксплуататорскими, облагались налогом в индивидуальном порядке.

Итоги проведения учетной кампании (май-июль 1929 г.) показали невыполнение минимальных заданий по выявлению 2% кулацких хозяйств в большинстве регионов страны. В основных зерновых районах РСФСР количество выявленных кулацких хозяйств колебалось в пределах от 1,1 до 1,7%, в незерновых – от 0,4 до 1,2%³². Сформулированные в законодательстве четкие и достаточно однозначные эксплуататорские признаки и требования их строго соблюдения являлись существенным ограничителем в выявлении кулацких хозяйств. Позволяя выявлять эксплуататоров (их было в деревне очень мало), они ограничивали возможности выявления крестьян, с точки зрения власти «враждебно настроенных к экономической политике».

В сентябре-октябре 1929 г. секретными директивами НКФ СССР вносятся изменения в нормативно-правовую базу, регламентирующую эксплуататорские признаки, с целью устранения «всех формальных моментов, которые в малейшей степени препятствовали полному выявлению кулацких хозяйств». В конце сентября 1929 г. НКФ СССР отменил установленный весной минимальный суммовый признак дохода, при наличии которого допускалось облагать хозяйство сельхозналогом в индивидуальном порядке. Местным исполкомам предписывается внести изменения в обязательные постановления: расши-

³¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 271. Л. 53-57; Д. 274. Л. 1-22; Д. 275. Л. 287, .301-301 об, 309 об.

³² Там же. Оп. 8. Д. 191. Л. 89.

ритель признаки, служащие для определения кулацких хозяйств, и пересмотреть (или отменить) установленные ранее количественные ограничители, в том числе и по признаку «применение наемного труда». НКФ СССР потребовал привлекать к обложению в индивидуальном порядке все кулацкие хозяйства, имеющие один из признаков, вне зависимости от размеров дохода (в том числе и нетрудового) или наемного труда³³.

С осени 1929 г. региональные органы управления в директивах, а местные работники в своей практической работе по выявлению кулаков руководствовались не нормативно-правовой базой первой половины 1929 г., а новыми секретными директивами центральных финансовых ведомств.

Отмена основных ограничений в трактовке эксплуататорских признаков устранила существовавшие ранее серьезные препятствия и позволила определять «классовое лицо» по политическим критериям, формально подкрепляя их социально-экономическими. Таким образом, была создана необходимая «правовая» база для превращения «кулаков» из социально-экономической группы сельских эксплуататоров в социально-политическую группу «врагов».

По итогам налоговой кампании 1929/30 г. (май 1930 г.) в стране было выявлено 706,6 тыс. хозяйств или 2,8% (напомним, в 1928/29 г. – 220 тыс. или 0,89%)³⁴.

В законодательстве 1928–1929 гг. был сконструирован социально-правовой статус группы «кулаки». Новое законода-

³³ Циркуляры НКФ СССР от 24 сентября и 27 сентября. о пересмотре установленных предельных размеров облагаемого дохода, служащих признаком для обложения в индивидуальном порядке, 7 октября 1929 г. о выявлении кулацких хозяйств (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 275. Л. 280; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–411 (Народный комиссариат финансов РФ). Оп. 16. Д. 1. Л. 86; Областное государственное учреждение «Государственный архив Архангельской области» (ОГУ «ГААО»). Ф. 910 (Финансовое управление при Севкрайисполкоме). Оп. 1. Д. 309. Д. 38).

³⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 191. Л. 30.

тельство предусматривало применение дискриминационных мер в отношении кулаков: ограничение прав на пользование землей, сдачу ее в аренду и применение наемного труда, введение запрета на кредитование и приобретение сельхозорудий и машин, на вступление в колхоз, введение особого порядка выполнения государственных заданий и повинностей.

Создается законодательная база репрессий в судебном и административном порядке. Особенность нормативно-правовой базы репрессий по решению судебных органов состояла в том, что УК РСФСР 1926 г. и новые редакции статей, принятые в 1927–1929 гг., не предусматривали каких-либо различий в наказаниях за социальный статус. Особые меры социальной защиты и особый порядок возбуждения уголовного преследования в отношении кулаков определялись в секретных подзаконных актах НКЮ и Верховного суда РСФСР³⁵. Органы юстиции должны были руководствоваться не соображениями формально-юридического характера (статьями УК РСФСР 1926 г. и новыми редакциями статей), а главным образом «теневым законодательством», регламентирующим «классовый подход».

Существенные изменения были внесены в порядок применения репрессий по решению административных органов. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» от 28 июня 1929 г. была узаконена конфискация имущества крестьян по решению сельского совета за невыплату налоговых платежей³⁶; постановлениями ЦИК и СНК СССР от 27 сентября и 14 ноября 1929 г. были внесены изменения в положение 1925 г. о взимании налогов и

³⁵ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. М., 1989. С. 21; Трагедия советской деревни ... Т. 1. С. 778; *Стецковский Ю.* История советских репрессий. Т. 1. М., 1997. С. 124 и др.

³⁶ Собрание узаконений (СУ) РСФСР. 1929. № 60. С. 589.

определены особые условия конфискации имущества кулаков³⁷. Законы, принятые во второй половине 1929 г., дали правовые основания для полной экспроприации кулацких хозяйств.

В репрессивной политике государства в отношении крестьян, отнесенных к кулакам, можно выделить два этапа. В 1928 г. – первой половине 1929 г. применяются репрессии по решению судебных органов за невыполнение заданий по заготовкам и налогам (штраф, конфискация имущества, принудительные работы и лишение свободы), и привлечение крестьян органами прокуратуры и суда, ОГПУ по «контрреволюционным преступлениям» (конфискация имущества, лишение свободы, расстрел). С лета-осени 1929 г. в дополнение к репрессиям в судебном порядке начинается массовая экспроприация кулацких хозяйств по решению органов исполнительной власти за невыполнение государственных повинностей.

Таким образом, в конце 1920-х гг. с определением в законодательстве признаков социальной идентичности кулаков и механизма отбора крестьян, попадающих в эту часть социального пространства, конструированием нового правового статуса группы, объектом политики становятся конкретные лица. Особенность дискриминационных ограничений и репрессий к кулакам, которые носят политический характер, состояла в том, что в конце 1920-х гг. они применялись за индивидуальный статус («кулак»), а не за принадлежность к групповой статусной позиции («кулаки»).

В конце 1929 г. власть объявила о переходе к реализации главной стратегической задачи, определенной большевистской теорией, – ликвидация «класса единоличное крестьянство» и создание «класса колхозное крестьянство». На первом этапе (1930–1932 гг.) реализация этой задачи шла под лозунгом «ликвидация кулачества как класса». В официальном названии

³⁷ СЗ СССР. 1929. № 64. С. 593; № 71. Ст. 672.

политики определены ее основная цель и особенность – ликвидации за групповой «классовой» статус подлежали хозяйства, признанные кулацкими.

Репрессии в отношении кулаков осуществлялись как во внесудебном порядке (органами исполнительной власти и ОГПУ), так и по решению судебных органов.

В нормативных документах, определяющих применение внесудебных репрессий, по степени оппозиционности политике коллективизации кулаки были разделены на три группы (категории); приписывание крестьянина к одной из групп определяло формы применяемых репрессий (раскулачивание, выселение, расстрел). Первая группа – «контрреволюционный кулацкий актив» («махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства») и наиболее богатые земельные собственники и ростовщики, вторая – «остальные элементы кулацкого актива» («местные кулацкие авторитеты и весь кулацкий кадр, из которого формируется контрреволюционный актив») и богатые кулаки, третья – «все оставшиеся кулаки». Таким образом, «кулаки» – это особая группа крестьян, в которую официально приписывали на основе политического и социального признаков.

Определенные властью социальные границы группы «кулаки» (контрольные задания), подлежащей ликвидации к лету 1930 г. только внесудебными органами в основных зерновых регионах (3–5%), в два раза превышали официальную статистику сельских эксплуататоров к началу коллективизации (от 1,2 до 2,5% по разным районам).

С 1930 г. были расширены права органов исполнительной власти на применение репрессий. Основанием для применения репрессий в форме конфискации имущества теперь уже было не только невыполнение заданий по заготовкам и невыплата налогов, но и «хищнический убой скота», распродажа имуще-

ства и «самовольное» переселение кулацкой семьи и пр. Фактически это позволяло раскулачить любую семью, внесенную в «кулацкие» списки. В дополнение к уже существующему праву на конфискацию имущества, органы исполнительной власти получили и право принимать решение о выселении раскулаченных семей.

Ликвидация первой категории (заключение в концлагерь или расстрел) и выселение второй категории возлагались на органы ОГПУ.

Особенность внесудебных репрессий состояла в том, что достаточным основанием для их применения был сам факт идентификации крестьянского хозяйства как кулацкого; репрессии применялись не за индивидуальный статус («кулак»), а за принадлежность к социальной группе «кулаки».

С объявлением политики «ликвидация кулачества как класса» коренным образом изменился и политический контекст, в котором функционировала советское правосудие. Стремление большевиков использовать уголовное наказание в качестве важнейшего оружия в развернувшейся войне против крестьянства, определило новое построение уголовного права в соответствии с принципом усмотрения, предусматривающим широкий диапазон применяемых санкций, и принципом дискриминации по «классовому» признаку.

Новые редакции статей УК РСФСР 1926 г., установили, что в отношении кулаков для применения репрессий не требовалось обязательного предварительного административного воздействия, ввели новые виды преступлений, отражающие политические приоритеты власти (убой крестьянином собственного скота, продажа произведенной продукции на рынке) и особые меры социальной защиты³⁸.

³⁸ 20 января 1930 г. была принята новая редакция ст. 79 УК РСФСР 1926 г. (СУ РСФСР. 1930. № 3. Ст. 26); 30 марта 1930 г. – ст. 60 (Там же. № 16. Ст. 192), 15 февраля 1931 г. – ст. 61 (Там же. 1931. № 9. Ст. 102), 10 ноября 1932 г. – ст. 107 (Там же. 1932. № 87. Ст. 385).

Уголовное законодательство позволяло политизировать практически любое преступление, совершенное «классовым врагом», и переквалифицировать обычное уголовное обвинение в «контрреволюционное».

Одна из особенностей судебной политики в отношении кулаков – отказ от следования процессуальным нормам и стандартам системы доказательств без проведения синхронных изменений в Уголовно-процессуальном кодексе. Требования проведения молниеносного следствия, суда на месте и обязательного осуждения «классового врага» были сформулированы в секретных директивах органов юстиции. Работники судов и прокуратуры в своей повседневной работе руководствовались лозунгом «Минимум формы и максимум классового содержания в судебных делах, где речь идет о врагах нашего класса»³⁹.

Отметим отличия в применении внесудебных и судебных репрессий при проведении политики «ликвидация кулачества как класса».

Во-первых, депортации раскулаченных по решению административных органов, носили списочный (то есть были направлены не на конкретное лицо, а социальную группу, отвечающую заданным сверху критериям), семейный и бессрочный характер. Административная депортация была вне компетенции правового поля советского судопроизводства и регламентировалась общеизвестными нормативными документами партийных и советских органов, карательными актами ОГПУ (постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г., приказ ОГПУ № 44/21 о «ликвидации контрреволюционного кулацкого актива и выселении кулаков и их семей» от 2 февраля, секретная инструкция ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков» от 4 февраля).

Ссылка как мера уголовной репрессии регламентировалась постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О высылке и ссылке,

³⁹ Социалистическая юстиция. 1930. № 1. С. 1-2.

применяемых по судебным приговорам» (10 января 1930 г.) и специальными директивами НКВД и ГУМЗ⁴⁰ (12-13 февраля 1930 г.)⁴¹. Судебная ссылка применялась в отношении лица, приговоренного к этой форме наказания, и не затрагивала членов семьи осужденного; срок ссылки определялся приговором суда. С лета 1931 г. ссылке подлежали уже все члены семьи кулаков, находящихся под следствием или осужденных судами и органами ОГПУ (директива НКЮ РСФСР «О выселении осужденных или находящихся под следствием кулаков» от 21 июля 1931 г.)⁴².

Во-вторых, в отличие от полной конфискации всего имущества кулацкой семьи по решению органов исполнительной власти, по судебному приговору отчуждалось только имущество, принадлежащее осужденному (ст. 40 УК РСФСР 1926 г.). Однако секретными директивами допускалось применение конфискации всего имущества, даже если это противоречило «формальным, ныне существующим правовым нормам» (разъяснения Верховного суда РСФСР о порядке применения конфискации имущества по делам, в которых обвиняемыми являются кулаки, от 28 марта и 6 июля 1930 г.)⁴³.

К концу 1930 г., когда в стране было репрессировано подавляющее большинство кулаков⁴⁴, а единоличники ликвидировали традиционные «кулацкие» признаки (применение наемного труда, аренда земли, сдача в наем рабочего скота и сельхозинвентаря и пр.) необходимо было определить новые при-

⁴⁰ ГУМЗ – Главное Управление Местами Заключение.

⁴¹ Бюллетень НКВД. 1930. № 5. 69-70, 73-77.

⁴² Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг.: Документы и материалы / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1991. С. 163-164.

⁴³ Судебная практика. 1930. № 6. С. 3-4; № 11. С. 1.

⁴⁴ Из 706,6 тыс. хозяйств, отнесенных к кулацким к маю 1930 г., к концу года было экспроприровано не менее 400 тыс., «самораскулачились» – 200-250 тыс. хозяйств (Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)... С. 121).

знаки эксплуатации, которыми обосновывались политические критерии, позволяя вполне «законно» выявлять кулацкие хозяйства.

В союзном законодательстве о сельхозналоге на 1931 г. впервые отсутствовал традиционный перечень эксплуататорских признаков, которые теперь устанавливались СНК союзных и автономных республик, а также краевыми и областными исполкомами. Это положение вошло и в законодательство 1932 г. В Положениях 1931 и 1932 гг. и инструкциях НКФ СССР отсутствовали количественные ограничительные критерии признаков кулаков. Единственное ограничение предусматривало начисление налога в индивидуальном порядке на хозяйства, которые имели признаки к моменту учета или в предшествующем окладном году⁴⁵.

Кардинально решить проблему выявления новых кулаков можно было двумя способами: отменить ограничение срока действия нетрудовых доходов и придумать новые признаки.

Региональные органы управления РСФСР изменили срок действия «кулацких» признаков, воспользовавшись отсутствием в постановлениях СНК РСФСР 1931 и 1932 гг. указаний на ограничение срока их учета предшествующим годом. В постановлениях региональных исполкомов в 1931 г. признаки учитывались на момент введения индивидуального обложения (1928/29 г.) или устанавливался год учета по каждому признаку. В 1932 г., как правило, указание на год учета признаков отсутствовало⁴⁶. С 1931 г. был введен новый признак, широко применявшийся в практике выявления кулаков с осени 1929 г., но официально не указанный в законодательстве: «наличие значи-

⁴⁵ СЗ СССР. 1931. № 19. Ст. 171; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 9. Д. 217. Л. 39-40; Оп. 10. Д. 326. Л. 28, 30; . 327. Л. 47, 49.

⁴⁶ СУ РСФСР. 1931. № 18. Ст. 188; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 182. Л. 66, 210; Оп. 10. Д. 316. Л. 206, 207, 207 об.

тельных материальных накоплений» в хозяйствах «бывших крупных торговцев, промышленников»⁴⁷.

Документы сельских налоговых комиссий показывают, что среди вновь выявленных в 1931–1932 гг. кулаков подавляющее большинство выплачивали налог в индивидуальном порядке по признаку «проживание на ранее полученные нетрудовые доходы». «Индивидуалами» становились крестьяне, имевшие признаки эксплуатации до революции, и их наследники.

Динамика выявления кулацких хозяйств по СССР характеризуются следующими данными: 1930/31 г. – 386,7 тыс. хозяйств (1,49%), 1931 г. – 229,1 тыс. хозяйств (0,87%), 1932 г. – 101,8 тыс. хозяйств (0,42%)⁴⁸.

Одна из дискуссионных в новейшей литературе проблем – количество репрессированных в ходе проведения политики «ликвидация кулачества как класса». В основе разногласия во мнениях исследователей – критерии, применяемые при определении группы «раскулаченные».

В.Н. Земсков в число раскулаченных (около 4 млн. человек) включает исключительно кулаков трех групп, в отношении которых применялись репрессии во внесудебном порядке⁴⁹. Если исходить из среднего состава кулацкой семьи (5–6 человек), раскулачено было 660–800 тыс. семей (2,6–3% всех крестьянских семей). Эта методика подсчета применялась и в советской статистике экспроприированных кулацких хозяйств, что и определило близость итоговых сведений (730 тыс. семей)⁵⁰.

⁴⁷ Этот признак будет включен в союзное законодательство в 1933 г.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 191. Л. 30; Оп. 12. Д. 546. Л. 7, 54.

⁴⁹ 1-я группа – арест и осуждение; 2-я – выселение с отправкой на спецпоселение; 3-я – выселение без отправки на спецпоселение (Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // СоцИс. 1995. № 9. С. 126–127).

⁵⁰ При характеристике «приблизительной картины ликвидации кулачества как класса» в советской литературе кроме категории экспроприированных кулацких хозяйств (730 тыс.) приводилась и статистика самораскулаченных хозяйств (200 тыс. хозяйств только в 1929/1930 г.), т.е. 930 тыс. или около

По мнению Н.А. Ивницкого в ходе коллективизации было раскулачено не менее 1 млн. крестьянских хозяйств (около 4%) с населением в 5-6 млн. человек. В статистические сведения исследователь совершенно справедливо включает не только раскулаченных административно-репрессивными методами, но и экспроприированных экономическими мерами (хотя источники сведений, явно заниженных, о раскулаченных репрессивным налогом и заданиями по заготовкам он не указывает)⁵¹.

Несомненно, что статистика репрессированных кулаков значительно превышает приведенные сведения. Во-первых, в доступных исследователям статистических сведениях фактически не учитываются репрессированные судебными органами. В судебной статистике по стране в целом, введенной в научный оборот, данные о социальном составе осужденных не приводятся и о масштабах репрессий в деревне можно лишь косвенно судить по резкому возрастанию общей численности осужденных в период проведения политики «ликвидация кулацких хозяйств». Сведения по отдельным регионам свидетельствуют о массовом характере судебных репрессий, причем в потребляющих районах они не уступали по масштабам внесудебным репрессиям трех групп кулаков. Во-вторых, отсутствует и обобщающая статистика такой категории раскулаченных, как хозяйства, экспроприированные за невыполнение государственных повинностей, но не подвергавшиеся в дальнейшем внесудебным или судебным репрессивным санкциям в виде ареста и ссылки.

Представляется, что более точными являются сведения о раскулаченных (хотя они и не подтверждены документально на

3,5% всех крестьянских хозяйств // Советское крестьянство. Краткий исторический очерк (1917–1969) / Под ред. В.П. Данилова и др. М., 1970. С. 239.

⁵¹ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)... С. 278.

«Кулаки» как результат властной номинации

общесоюзном материале⁵²), которые приводятся в исследованиях Д.А. Волкогорова (1,5-2 млн. или 6-8% хозяйств, 8,5-9 млн. человек⁵³), Н. Михайлова и Н. Тепцова (3 млн. или 11-12% хозяйств, более 20 млн. крестьян)⁵⁴.

После провозглашенного в конце 1932 г. завершения политики «ликвидация кулачества как класса» власть конструирует новый образ «врага» в деревне, который не исчез, а лишь изменил свое «классовое лицо». Помимо «недобитого кулака» появились «новые враги», выступающие против экономической политики власти. «Врагами» были объявлены единоличники, не выполняющие государственных заданий, «бывшие колхозники», исключенные из колхоза за «вредительскую работу»⁵⁵. За счет этих «антисоветских, антигосударственных элементов» расширялись социальные границы группы «кулаки». Изменилась и трактовка «политической лояльности» власти: если в начале 1930-х годов – это главным образом готовность вступить в колхоз, то теперь – безропотное выполнение государственных заданий и повинностей.

⁵² Анализ автором статьи отчетов сельсоветов и райисполкомов, поименных списков кулаков с указанием примененных репрессий, сопоставление сведений о количестве крестьян, отнесенных к кулакам, и репрессированных по районам и округам, позволяют высказать предположение, что в Северном крае различные формы репрессий как в судебном, так и во внесудебном порядке были применены в отношении 6-9% крестьян.

⁵³ *Волкогоров Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 1. Ч. 1. М., 1989. С. 1.

⁵⁴ *Михайлов Н., Тепцов Н.* Чрезвычайщина // Родина. 1989. № 8. С. 35.

⁵⁵ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 229-232; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985. С. 21-29; XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 148; Документы свидетельствуют... С. 482-484

В документах региональных органов выделяется два типа единоличников: «трудящиеся, выполняющие свои обязательства перед государством», и «саботирующие» их бывшие бедняки и середняки («спекулянты», «контрреволюционная свора саботажников»). Единоличники, которые уклоняются от выполнения налогов и заданий, «по своим антисоветским тенденциям ничем не отличаются от кулака», и, следовательно, «борьба с этими антигосударственными элементами» должна быть как с «врагами Советского государства»⁵⁶.

Новая трактовка «классового врага» определила характер изменений, внесенных в 1933 г. в налоговое законодательство, и применяемые в социальной практике признаки социальной идентичности кулаков.

К основным «кулацким» признакам в 1933 г. были отнесены: 1) проживание «на ранее нажитые доходы» («бывший кулак» – сельский эксплуататор бедноты), 2) невыполнение государственных заданий и занятие спекуляцией, исключение из колхоза («новые типы» кулаков»). Из законодательства 1934-1935 гг. была исключена статья об отнесении к кулацким хозяйствам, «злостно не выполняющих заданных им планов посева и других установленных законом государственных обязательств». Существовавший порядок налогообложения кулацких хозяйств был отменен постановлением ЦИК и СНК СССР «О продлении действия Положения о сельхозналоге» от 20 июля 1936 г.⁵⁷

⁵⁶ Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУРК «НАРК»). Ф. 1 (Коми областной комитет ВКП(б). Оп. 2. Д. 940. Л. 17; Д. 946. Л. 2-10, 14 об., 15, 132 об., 133 об.; Ф. 375 (Финансовый отдел Коми облисполкома). Оп. 1. Д. 608. Л. 15-16 и др..

⁵⁷ С принятием в декабре 1936 г. новой конституции, закрепившей положение об окончательном уничтожении «класса» сельских эксплуататоров, категория «кулаки» была исключена из законодательства как отдельная социально-правовая группа.

«Кулаки» как результат властной номинации

В налоговую кампанию 1933 г. в СССР было выявлено 85,9 тыс. кулацких хозяйств⁵⁸, в 1934 г. – 12,8, в 1935 г. – 9,1 тыс. хозяйств⁵⁹.

Документы сельских налоговых комиссий показывают фактически полное отсутствие хозяйств, впервые отнесенных к кулакам в 1933–1935 гг. на основании традиционных эксплуататорских признаков, обоснованных конкретными фактами эксплуатации после 1928 г. Применение наемного труда, аренды-сдачи земли и средств производства, наличие промышленного заведения и пр. указывались в дополнение к новым признакам, установленным налоговым законодательством.

Подавляющее большинство вновь выявленных кулаков в 1933 г. имели признак: «невыполнение государственных обязательств». После отмены этого признака большая их часть (не репрессированных) вновь оказалась в списках 1934 и 1935 гг., и эксплуататорский характер (в дополнение к другим признакам) подтверждался невыполнением госпоставок. К кулакам относили за «проживание на ранее нажитые доходы» («дореволюционное прошлое»), «вычищенных» из колхозов и занимающихся «систематической спекуляцией». После исключения из законодательства осенью 1933 г. отдельной налоговой группы «зажиточные» почти все из них автоматически были записаны в списки кулаков. В протоколах налоговых комиссий, как правило, отсутствовали конкретные факты, подтверждающие наличие эксплуататорских признаков. При определении «классового лица» крестьянина в протоколах указывался, как и ранее, политический признак («относится к партии и Соввласти отри-

⁵⁸ Удельный вес кулацких дворов в связи с сокращением числа единоличников вырос за год с 0,95% до 1,1%. Следовательно, к обложению сельхозналогом в индивидуальном порядке были привлечены новые хозяйства, которые ранее облагались на общих основаниях (Глумная М.Н. Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 1994. С. 111–112.)

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 13. Д. 593. Л. 1, 3.

цательно»; «настроение Соввласти противоположное»; «лояльным Соввласти не был»; «не является союзником Соввласти») ⁶⁰.

Многие крестьянские хозяйства, отнесенные к кулакам в 1933–1935 гг., в предыдущие годы уже побывали (иногда и несколько раз) в кулаках, причем подавляющее большинство из них были исключены из списков кулаков из-за отсутствия признаков эксплуатации. В 1933–1935 гг. у этих хозяйств были вновь обнаружены эксплуататорские признаки за счет новых, установленных законодательством признаков, а также в результате придумывания таких признаков, как «эксплуатация наемного труда», «закабаление бедноты путем ростовщичества», «сдача в аренду сельскохозяйственных угодий» и др.

Одной из основных форм дискриминации кулаков по-прежнему был особый порядок выполнения налоговых платежей. Для кулацких хозяйств в 1933 г. были введены твердые ставки сельхозналога, устанавливаемые с целью конфискации имущества неплательщиков за невыплату всех причитающихся с них обязательных денежных платежей. Самые маломощные кулацкие хозяйства (с доходом до 1000 руб.) должны были выплатить в 1933 г. 1750 руб. налоговых платежей, а в 1934 г. – с учетом единовременного налога – 2450 руб. Установленные законодательством налоговые ставки превышали не только «доходы», но денежные суммы, вырученные от продажи имущества. В документах финансовых органов признается, что и после продажи всего имущества кулаков остаются многотысячные оклады сельхозналога, что приводит «к образованию громадной, ничем не обеспеченной и заведомо нереальной недоимочности» ⁶¹.

⁶⁰ В формулировке протокола налоговых комиссий имелась специальная графа: «Лояльность к Советской власти» (или «выступает или не выступает против Советской власти»).

⁶¹ ГАРФ. Ф. А-411. Оп. 16. Д. 24. Л. 58; ГУРК «НАРК». Ф. 375. Оп. 1. Д. 608. Л. 69.

Кулакам определялись повышенные нормы сельхоззаготовок (полуторный или двойной размер к нормам «трудовых» единоличников в зависимости от видов заготовок).

В условиях общей политики наступления на единоличников, несмотря на сохранение антикулацкой риторики в прессе и выступлениях официальных лиц, лозунг «ликвидации кулачества» фактически сменяется лозунгом ликвидации «класса крестьян-единоличников»⁶².

Новая социальная направленность репрессий в деревне нашла отражение в изменении терминологии: если в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «индивидуалами» называли кулаков, то с 1933–1934 гг. – всех единоличников.

Наиболее действенным методом ликвидации хозяйств «трудовых» единоличников (в терминологии, применяемой до 1932–1933 гг., бедняцко-средняцких) было налогообложение, которое приобретает с 1934 г. реквизиционный характер. В документах региональных властных структур признается, что одним из способов «подведения единоличников под экспроприацию» было установление нереальных завышенных неземледельческих заработков и рыночных доходов, начисление налогов, в таких размерах, что при всем желании уплатить их крестьяне не могли. Фактически сельсоветы «встали на путь ликвидации трудовых единоличных хозяйств» и в результате такой политики «была распродана масса имущества крестьян»⁶³.

Ужесточаются карательные меры в отношении всех категорий единоличников за сокрытие имущества и невыполнение налоговых платежей. По действующему до 1932 г. законодательству за сокрытие имущества от налогового обложения кре-

⁶² Ильиных В.А. Политика раскрестьянивания советской деревни: налогообложение деревни в конце 1920 – начале 1940-х гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2002. С. 8.

⁶³ ГУРК «НАРК». Ф. 3 (Коми областной исполнительный комитет). Оп. 1. Д. 2469. Л. 42-42 об.

стьянин привлекался в первый раз к ответственности в административном порядке. В соответствии с «Положением о взыскании налогов и неналоговых платежей» (19 ноября 1932 г.) этот вид преступлений сразу преследовался в уголовном порядке⁶⁴. В сентябре 1934 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «Об изменении действующего законодательства о взыскании налогов и неналоговых платежей» была отменена юридическая неприкосновенность имущества «трудовых» единоличников, ограждавшая их раньше от конфискации всего имущества⁶⁵.

Экспроприационный характер в отношении единоличников носит и заготовительная политика. В начале 1933 г. была изменена система заготовок сельхозпродукции и установлены имеющие силу налога твердые обязательства по сдаче продуктов по государственным ценам. Отмена «добровольных» принципов на основе «самообложения» и введение твердого государственного задания по своей сути означали превращение заданий по заготовкам в специфический государственный налог. К выполнению госпоставок привлекались все единоличники «независимо от их имущественного положения» и наличия сельскохозяйственных продуктов, по которым проводятся заготовки» (в том числе и безземельные, и не имеющие скота).

В 1933 г. были внесены изменения в законодательство, регламентирующее ответственность единоличников за невыполнение государственных заготовок: для всех единоличников (а не только кулаков) постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 19 января 1933 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами» было отменено обязательное применение административных мер за невыполнение натуральных поставок и установлена судебная ответственность по ст. 61 УК РСФСР⁶⁶.

⁶⁴ СЗ СССР. 1932. № 69. Ст. 410 а.

⁶⁵ Там же. 1934. № 48. Ст. 370.

⁶⁶ Там же. 1933. № 4. Ст. 25.

«Кулаки» как результат властной номинации

За невыполнение государственных повинностей применялись репрессии по решению органов исполнительной власти и судебным приговорам, в результате которых хозяйства экспроприировались, а трудоспособные единоличники привлекались к судебной ответственности.

Террор в отношении крестьян-собственников из избирательного (за социальную принадлежность к группе «кулаки») превращается в террор всеобщий (за принадлежность к группе «единоличники»).

В результате «социалистических преобразований сельского хозяйства» борьба со стратегическим «врагом социализма» – «классом мелкобуржуазное крестьянство» («крестьянином-хозяином», «крестьянином-собственником») – завершилась его полной ликвидацией и созданием нового «класса» – «колхозное крестьянство».

Коллективизация в свете новых документальных публикаций и современной историографии

Коллективизация: формы раскрестьянивания

Архивная революция и документальный бум минувших десятилетий позволили приступить к широкому и всестороннему изучению отечественной коллективизации как реформы. Ученые дружно квалифицируют коллективизацию как народную трагедию, как антикрестьянскую, противоправную политику, связывая с ней как экономическое, так и внеэкономическое принуждение¹.

Сложился научный консенсус в понимании того, что сплошная коллективизация выростала стихийно, из хлебозаготовительного кризиса, тупиков нэпа, форсирования индустриализации, утверждения личной власти И.В. Сталина. Перебирая возможные варианты выхода из критической ситуации, власти пришли к выводу о необходимости массового насаждения колхозов. А это было невозможно без нового раздувания классовой борьбы и поисков врагов социалистического строительства в деревне.

Модель ликвидации кулачества как класса берет начало в ходе сибирской хлебозаготовительной кампании зимы 1928 г. В поисках кардинального решения зерновой проблемы кампания разворачива-

¹ См.: Данилов В.П., Манинг Р., Виола Л. Редакторское вводное слово // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927- 1939. М., 1999. Т. 1. С. 7; Россия в XIX-XX вв. глазами российских и зарубежных историков. М., 1996. С. 209, 212, 239; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 350-351.

ется нервно, импульсивно. На месте был изобретен уралосибирский метод, при котором инициатива хлебозаготовок исходила не от госорганов, а от общественных организаций – бедняцкого актива и проводилась через собрания граждан. Она ознаменовалась двумя «достижениями». Во-первых, 107 статью УК СССР стали применять не только к спекулянтам, но и к не сдатчикам хлеба вообще. Это беззаконие означало полный разрыв с логикой рыночных отношений, с принципами новой экономической политики. Во-вторых, выяснилось, что, как и в 1918 г., привлеченная конфискацией 25% хлеба в свою пользу, беднота охотно раскулачивала.

Летом 1928 г. на заседании бюро Сибкрайкома ВКП (б) полномочный представитель ОГПУ в Сибирском Крае Л.М. Заковский говорил: «Мы видели, что эти 25%, отобранные у кулака, проветривались, просеивались и т.д., и беднота ждала, когда будет происходить следующая конфискация. Тут мы видели экономический стимул конфискации хлеба, беднота стремилась, главным образом, увеличить свои доходы, увеличить благополучие своего хозяйства. Беднота принималась за это с большим рвением и особо с кулачеством не стеснялась. Это показатель того, как беднота смотрит на улучшение своего материального положения, это показатель того, насколько у бедноты укоренились иждивенческие настроения»². Очевидно, что эти настроения широко и довольно успешно использовались властями в антикулацких акциях и сыграли поистине зловещую роль накануне «великого перелома» и, далее, в ходе сплошной коллективизации.

Хлебозаготовки превращались в прямое раскулачивание – мероприятие долговременное и многоцелевое. Массовые источники позволяют широко осветить его различные аспекты: выработку законодательной основы новой классовой политики в деревне и ее реализацию, включая физическое истребление «классовых врагов»; истинный смысл и место раскулачивания в ходе сплошной коллекти-

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927- 1939. М., 1999. Т. 1. Док. № 113.

визации; участие масс в данном процессе; жизнь и судьбы раскулаченных (спецпоселенцев), (трудпоселенцев) и. т. д.

Раскулачивание выступало как массовая карательная операция сталинского периода, охватившая миллион репресслируемых и послужившая моделью для последующих государственных террористических акций 1930-1940-х гг.³ Эта самостоятельная кампания шла «волнами», причудливо сочетая политические и экономические цели, неизменно подгоняя темпы коллективизации. «Операция по кулаку» (как она называлась в секретных документах ОГПУ) имела целью в 1928-29 гг. усиление хлебозаготовок, в 1930 г. – конфискацию имущества и репрессии, в 1931 г. – плановое снабжение хозяйственных органов необходимыми контингентами рабочей силы. В 1931-1932 гг. с кулацким вредительством власти связывали слабые темпы коллективизации и продовольственные затруднения, а также недостатки нежизнеспособных колхозов и всей провальной работы партии в деревне.

На кулаков власти стремились списать голодную катастрофу. Начало большого голода в большой стране не было внезапным, о чем свидетельствуют сводки и донесения о положении в деревне в течение 1931 - 1933 гг. По всем основным регионам отмечаются «продзатруднения» (продовольственные затруднения), вызывавшие неорганизованное отходничество, отказ колхозников от сева, выходы из колхозов, массовые выступления, хищнический убой и падеж скота, рост нищенства и т.д. Том третий «Трагедии советской деревни» переполнен подобными свидетельствами. Бегство из колхозов сопровождалось разбором имущества, скота, инвентаря, самочинным захватом и разделом земли и посевов. Спецсправка Секретно-Политического отдела ОГПУ о ходе коллективизации и массовых выступлениях крестьянства в 1931 —январе—марте 1932 г. фактически констатировала, что в этот период наблюдался массо-

³ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 37.

вый голод, охвативший 22 региона и республики СССР и особенно сильно выраженный в Казахстане и Украине⁴.

Несомненно, верен исследовательский вывод И. Зеленина, сделанный на основе документов о том, что «раскулачивание и выселение крестьян (или угроза их применения) являлись основными, решающими факторами «нового подъема» колхозного движения»⁵. Факты говорят о том, что раскулачивание было первичным, а коллективизация выступала как производное от него, как основной метод коллективизации. Политика ликвидации кулачества как класса являлась условием и почвой сплошной коллективизации. Она опережала коллективизацию, стимулируя ее экономически и психологически, выступая как мотор «последнего предупреждения».

Изучается «чрезвычайщина» во всех ее разнообразных стадиях и проявлениях: от произвольных изъятий и конфискации до раскулачивания и голодомора в ходе насильственной коллективизации, от политотдельских мероприятий до заключительного принудительного консенсуса 1935 г. между всемогущим государством и пассивным крестьянством на почве юридически зафиксированного права на личное подсобное хозяйство. Раскулачивание предстает как «узаконенное беззаконие», как обязательное условие взбадривания и подталкивания сплошной коллективизации, и постоянное устрашение, как колхозников, так и единоличников на протяжении всего десятилетия «великого перелома» 1929-1939 гг.

Совокупным результатом «голового раскулачивания», «раскулачивания до нитки» было колоссальное разрушение производительных сил деревни, сплошное и на каждом шагу, нарушение «революционной законности». Бессмысленная растрата производительных сил привела к колоссальному падению уровня хозяйствования, к катастрофической нехватке продовольствия и последующей голодной катастрофе. Раскулачивание в тех или иных масштабах шло

⁴ Трагедия Советской деревни. Т. 1. Док. № 118.

⁵ Зеленин И. Е. Введение. (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 12.

перманентно, то усиливаясь, то ослабевая. Оно имело глубокие и длительные социально-экономические, политические и демографические последствия в виде крестьянского беженства и самоликвидации сотен тысяч крестьянских хозяйств, в своей совокупности даже превосходивших численность репрессированных крестьян и членов их семей.

Исследователи отмечают «крестьянский след» в голоде 1932-1933 г., в связанном с ним бродяжничестве, беспризорности, а также в обосновании политики «Большого террора», в которой приоритетное место отводилось «кулацкой операции» с поисками осевших повсюду «кулаков»⁶. Несомненно, раскулачивание выступало как синоним раскрестьянивания, что «операция по кулакам» и была «операцией по крестьянству», а «кулацкая ссылка», по сути являлась крестьянской ссылкой. Процесс раскулачивания и выселения раскулаченных семей растянулся на четверть века и шел перманентно с 1929 по 1954 гг. Опыт крестьянских депортаций и спецпоселений применялся и далее в карательной практике и использовании принудительного труда.

Коллективизация и модернизация

Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1928/29 – 1932/33 гг. принимался в мае 1929 г. в условиях нарастающей индустриализации и затянувшегося хлебозаготовительного кризиса. Предполагалось в сельское хозяйство вложить 23,2 млрд. руб., что должно было увеличить производство сельскохозяйственной продукции по сравнению с 1913 г. в 1,5 раза. Планировались примерно одинаковые темпы повышения доходов городского и

⁶ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940. М., Т. 1. 2005. С. 13; Осокина Е.А. Золото для индустриализации. Торгсин. М., 2009. С. 141-153; Беспризорность на Урале в 1929 – 1941 гг. Сборник документов и материалов. Екатеринбург, 2009. С. 317-318; Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 285; Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 307-322.

сельского населения (соответственно на 71 и 67%). Данное соотношение должно было быть получено в результате уменьшения себестоимости промышленной продукции на 35% и такого же увеличения урожайности. Пятилетка намечала экономическую политику, при которой участие деревни в финансировании масштабной индустриализации не должно было подрывать крестьянское хозяйство. Напротив, доля сельского хозяйства в формировании накоплений, используемых для роста промышленности, должна была сократиться с 54% в 1928 г. до 25% в 1932/33 гг., а «ножницы» цен предполагалось уничтожить. К концу пятилетки колхозы и совхозы должны были обеспечить 15,5% валовой продукции сельского хозяйства и 43% товарного производства зерновых культур. 20 миллионам единоличников предстояло вступить в коллективы, освоить 1/5 часть посевных площадей и дать стране свыше 500 млн. пудов хлеба.

Мощным и постоянным фактором был хлебный экспорт. Согласно наметкам первой пятилетки предполагался громадный рост производства зерна, что позволило бы увеличить экспорт зерна на 5-8 млн т. ежегодно. Известны телеграммы И.В. Сталина лета-осени 1930 г. ответственным лицам о необходимости форсировать экспорт хлеба за границу с тем, чтобы пробиться на международный хлебный рынок и закрепить там позиции. Генеральному Секретарю ВКП (б) посылаются регулярные отчеты о количестве заготовок и экспорте зерна за границу по пятидневкам. В постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) о хлебозаготовках (5 сент. 1930 г.) отмечалось: *«Необходимо помнить, что своевременность выполнения установленного плана хлебозаготовок связана с осуществлением экспортного плана, имеющего исключительное значение для обеспечения развертываемого в стране промышленного строительства и прежде всего основных индустриальных гигантов (Магнитострой, Челябинстрой и др.)»*⁷.

Связка «хлеб-валюта» выступает как ключевая и в последующие годы. Так, на Октябрьском Пленуме 1931 г., А.И. Микоян (в то вре-

⁷ Трагедия советской деревни. Т. 2. М., 2000. Док. № 219.

мя Нарком снабжения СССР) уверенно заявил: «Конечно, зерновую проблему мы разрешили», но ввиду резкого падения цен на сельскохозяйственную продукцию в условиях мирового экономического кризиса, «нам пришлось увеличить против первоначального плана экспорт хлеба в силу потребности в валюте на оборудование для индустрии»⁸. Очевидна прямая связь процесса форсирования коллективизации с задачами хлебозаготовок. Считалось, что колхозы автоматически обеспечат ее решение. В хлебозаготовках, как и в деле раскулачивания, решающую роль играла инициатива региональных партийных комитетов.

Государственная машина насилия была запущена и направлена на то, чтобы сломить нежелание крестьян сдавать излишки и трудиться с полной отдачей на благо индустриализации и построения социализма в одной стране. На самом деле, независимо от того, были ли «излишки» (а критерии их всегда условны, предметны и растяжимы), политика и практика беспрестанного давления выступала как непреодолимое препятствие к наращиванию производства. Для этого не было материальных стимулов — из деревни выгребалось все — хлеб, фураж, семенное зерно.

Произведя оценку зерновых балансов и урожайности в годы первой пятилетки по данным ЦСУ, Госплана и ЦУНХУ, австралийский исследователь С. Уиткрофт показал, что на протяжении этого периода потребности советского правительства в зерне значительно превышали возможности крестьян обеспечить зернопоставки. Претенциозные планы «... неизменно недовыполнялись даже в урожайные годы»⁹. Для этого приходилось снижать расходы и запасы самих крестьян, то есть обеспечивать заготовки в ущерб потреблению. В результате уровень централизованных хлебозаготовок поднялся с 10 млн т. в середине 1920-х до 22 млн т. в 1930 г. В последующие три года фактически не было увеличения государственных поставок, хотя был запланирован большой рост, и потребность в зерне была

⁸ Там же. Т. 3. М., 2001. Док. № 76.

⁹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 842.

огромна. По мере того, как в стране сокращалось число единоличников, уменьшалось производство сельскохозяйственной продукции и, особенно, животноводческой. Количество зерна на корм скоту в сельском хозяйстве сократилось с 18,5 млн т. в 1928 г. до 10,2 млн т. в 1932/33 гг. В результате продовольственное потребление в сельском хозяйстве упало с 31,2 млн т. в 1928 г. до 18,4 млн т. в 1932/33 гг. Такая динамика практически неизбежно влекла за собой голод и катастрофические потери в поголовье скота.

Численность городского населения росла, достигнув в 1932 г. 40 млн. человек, а производство сельскохозяйственной продукции уменьшалось. В результате нажима на подсобное хозяйство колхозника и на единоличника резко сократилось производство продукции животноводства: масла – на 43%, молока – на 1/3, а яиц и шерсти – в 2,5 раза. Тем не менее, государственные заготовки зерна увеличились в два раза: в 1931 г. они составили свыше 228 млн ц против 111 млн ц в 1926-1928 гг.¹⁰ Экспорт огромного количества хлеба, обрекавший на голодную смерть миллионы крестьянских семей, принес всего 389 млн. рублей, то есть даже меньше, чем продажа пушнины, не говоря уже о лесоматериалах (они дали в 1931-1932 гг. по 700 млн руб. валютных поступлений). Так за треть всего мирового экспорта машин и оборудования, купленного в 1931 г. и за половину его в 1932 г. советскому народу, и в первую очередь крестьянству, пришлось заплатить немислимую цену. Цифры погибших от голода составили согласно одной методике 7,2 млн. чел, а другой - 10,8 млн. чел.¹¹

В историко-экономической литературе идет спор о величине и значении вклада сельского хозяйства в создание капитала для отечественной индустриализации. Ю.А. Васильев отмечает: «Накануне войны сельское хозяйство, едва вернувшись к показателям доколхозной деревни, вносило в национальный доход больше, чем про-

¹⁰ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. С. 222, 215.

¹¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 1. 1900- 1939. М., 2000. С. 276.

мышленность»¹². В.П. Данилов писал о необходимости учета ограбление населения, которое в деревне было доведено до полной нищеты, до вымирания миллионов людей, но осталось вне приписываемой официальной статистики¹³.

Противоположный тезис о том, что в 1930-е гг. город вложил в деревню больше средств, чем она в него, получил также весомые аргументы. Действительно, производительность колхозного труда росла очень медленно, а сам труд расходовался как избыточный, практически бесплатный. Промышленность производила тракторы и комбайны, чтобы восполнить потери сельского хозяйства в тягловой силе, — отсюда обратный поток продукции в сельское хозяйство. Из расчетов ряда специалистов следует, что в аграрном секторе не было создано никакого дополнительного капитала¹⁴. В книге А.А. Барсова показано уменьшение вклада аграрной сферы в индустриализацию с 50% в начале первой пятилетки до 20 - 25% в годы второй¹⁵.

В 1936 г. был совершен переход от погектарного к подоходному и денежному обложению колхозов. Заготовительные цены, по которым они сдавали продукцию (примерно 20% валового сбор зерна, почти вся животноводческая продукция (1/3 урожая) поступала МТС в качестве натуроплаты) были установлены на рубеже 20 и 30-х гг. в размере 4-8 коп за 1 кг зерновых и фактически не менялись все последующие годы. Колхозы получали за товарное зерно в 4-5

¹² Васильев Ю.А. Модернизация под красным флагом. М., 2006. С. 333.

¹³ Отечественная история. 1995. №3. С. 104.

¹⁴ Грегори П. Политическая экономия социализма. М., 2006. С. 67; Эллман М. Обеспечил ли прибавочный продукт сельского хозяйства увеличение капитальных вложений в СССР во время первого пятилетнего плана // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 92; Отечественная история. 1995. №3. С. 109, 115-116.

¹⁵ Барсов А.А. Баланс обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 73, 75, 134, 188, 247-248.

раз меньше себестоимости¹⁶. В 1937 г. в стране было 18,5 млн колхозных дворов, а процент коллективизации достиг 93 по числу крестьянских хозяйств и 99,1 по посевной площади. 1,4 млн единоличных хозяйств (7% крестьянских дворов), оставшихся вне колхозов производили всего 1,5% продукции аграрного сектора.

В 1937 г. более 1/4 производимой валовой продукции шло практически безвозмездно государству в виде обязательных поставок и натуроплаты за работу МТС; около 30% — на производственные нужды общественного хозяйства и около 36% — на трудодни. Из скудных денежных доходов лишь половина распределялась по трудодням и на оплату труда. В лучшем по урожайности 1937 г. выдача зерна на трудодни составила менее 2 кг.

Очевидно, что быстрый рост несельскохозяйственной сферы шел без согласования с соответствующими изменениями в аграрном производстве. Выжимание ресурсов и их перекачка выступали как самоцель: советская индустриализация не создавала здоровой основы для технологического прогресса в сельском хозяйстве. В.А. Бондарев правомерно характеризует модернизацию аграрной сферы, осуществленную в 1930-х гг., как ускоренную и фрагментарную, связанную с внешней и частичной механизацией. Он подчеркивает, что в эти годы шла механизация основных производственных операций с частичной заменой «живого» труда трудом машинным, что не эффективно, поскольку страна велика, а ресурсы ограничены, поскольку колхозники не овладели тракторами и комбайнами, а других механизмов было мало. Авторский вывод состоит в том, что коллективизация явилась не новой моделью сельского хозяйства, а ознаменовалась достижением промежуточных уровней модернизации¹⁷.

¹⁶ Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. М.,-Л., 1932. С. 352- 353; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917-1963). М., 1964. С. 268.

¹⁷ Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация. Р. н/Д, 2006. С. 38.

Анализ экономических результатов коллективизации показывает, что они были неудовлетворительны и с точки зрения обслуживания интересов народного хозяйства. При непрерывном росте государственных изъятий увеличения сельскохозяйственного производства не происходило: официальные цифры преувеличивали действительные данные о сборе зерновых на 25% – 40%¹⁸. Г.Е. Корнилов подчеркивает, что, несмотря на размах модернизационной кампании, сельскохозяйственное производство постоянно восстанавливалось, то уровень 1913 г., то 1928 г., а роста производительности труда или реального дохода на душу крестьянского населения не происходило¹⁹.

Административный социализм обеспечивал экстенсивное развитие. Сложившийся порядок создавал надежную базу получения необходимого минимума продуктов, сельскохозяйственного сырья и людских ресурсов для продолжения индустриализации, роста городов и содержания армии. Если до Первой мировой войны удельный вес заготовок достигал четверти всего фактического урожая в стране, то в 1940 г. – уже 38%. При этом речь идет не об увеличении продуктивности, а об изменении организационных форм. Данная индустриализация имела результатом хроническое отставание аграрного сектора.

Несомненно, платежный баланс город – деревня требует углубленного исследования, введения в научный оборот новых архивных и статистических материалов. Проблема критериев эффективности в нерыночной среде ставит перед исследователями ряд общих и специальных вопросов. Можно ли искать народнохозяйственное оправдание модернизации в удовлетворении потребностей индустриализации? Насколько важно различать ее количественные показатели и качественные характеристики? Поставлен вопрос о слабо-

¹⁸ Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 60.

¹⁹ Колхозная жизнь на Урале. 1935-1953. М., 2006. С. 7.

сти импортозамещающей модели развития²⁰. Таким образом, тема «Коллективизация и модернизация» нуждается в дальнейшем изучении.

Коллективизация как этатизация

Дискуссии обществоведов о сущности коллективизации как феномена обнаружили широкий спектр суждений. Она по праву рассматривается ныне не как экономическое мероприятие, а как этатизация (огосударствление), консервативная революция, связанная с насильственным отделением производителей (крестьян) от основных средств производства²¹. Действительно, колхозы, созданные вопреки воле крестьян, выступали как своеобразные источники живого труда. Они опирались всецело на собственные ресурсы и несли всю полноту экономической ответственности за результаты своей хозяйственной деятельности. Поэтому колхозы должны были бы обладать, по логике вещей, и полной самостоятельностью в отношениях с государством, исключая администрирование и натуральные изъятия. Однако колхозная экономика, как и вся экономика СССР, была подчинена идеологии. На практику давило железобетонное теоретическое убеждение, что наличие товарно-денежных отношений в социалистической экономике обуславливается временным и вынужденным существованием кооперативно-колхозной формы собственности. Ведь социализм опирался на два основных постулата: 1. Обобществление средств производства (а значит, ликвидацию частной собственности). 2. Централизованное плановое хозяйство (что исключает полноценный рынок, а государство вы-

²⁰ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 335.

²¹ См.: Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 59- 60; Кушетеров Р. Насильственный метод аграрных преобразований в советской деревне. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. С. 37- 39, СПб, 1995; Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.) М., 1995. С. 230 - 239; Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 43; Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 120-121.

стует как распорядитель рабочей силы). Колхозы напрямую и сверху управлялись райкомами и ведомствами. Сами колхозы выступали как локализованные общности, не связанные между собой кооперативными отношениями, а подчиненные строгой иерархии по вертикали. Изначально отношения государства с колхозами строились на натуральной основе.

Анализ массовых источников обнаруживает ряд интересных закономерностей. Так, по мере сокращения количества единоличников колхозное производство не росло. Вместо торговли на селе преобладала распределительная система и колхозный рынок, которым центральные органы власти скорее манипулировали, нежели управляли. Продукция колхозов по-прежнему шла не на рынок, а через систему заготовок в государственные закрома. Объем государственных заготовок всех видов ежегодно нарастал. Например, общая стоимость государственных закупок сельскохозяйственной продукции, понимаемой колхозниками как дополнительный хлебный налог, увеличилась более чем в 8 раз. При этом росла доля натуроплаты МТС как самого гарантированного для государства источника получения зерна, превышавшего обязательные поставки: если в 1933 г. она составила 165 млн пуд., то в 1936 г. - 353 млн пуд. Темпы роста государственных заготовок и закупок превышали темпы роста товарной продукции. Объемы заготовок препятствовали не только расширенному, но и простому производству. При данном уровне сельскохозяйственного производства рост заготовок мог идти только за счет сокращения внутреннего сельского потребления. Заготовки в сочетании с неурожаем стали причиной локального голода в деревне в 1936/37 г. Об этом свидетельствуют крестьянские послания всесоюзному старосте М.И. Калинину. Так, колхозник Д.Я. Козырев из колхоза им. Блюхера Новониколаевского района Сталинградского края сообщал: «Получили на трудодни за первое полугодие по 500 гр. и больше не получали ... гибнем от голоду, у нас совершенно нет хлеба». А. Виноградов из колхоза «Золотой сноп» Всеходского района Западной области писал: «Есть люди, которые

по целому месяцу не видят хлеба, а едят листья деревьев, траву», «голод разорил ряд колхозов», «вся молодежь уехала из-за нехватки хлеба»²².

То, что называлось «помощью государства» тем или иным регионам, на деле являлось лишь возвратом небольшой части продукции сверх того, что у колхозов этого региона забирали в заготовку. То есть эта «помощь» бралась из хлебосдачи тех же, кому помогали. Прав Ю.А. Мошков, констатируя повсеместную и глубокую болезнь колхозного хозяйства 1930-х гг. – отчаянную борьбу за выполнение отдельных кампаний и отсутствие последовательной, систематической хозяйственной работы внутри каждого колхоза²³.

Документы, исходящие от колхозников в виде писем, жалоб, «посланий наверх», говорят о крайне тяжелом материальном и бесправном социальном положении сельских тружеников. Вот отрывок из письма в «Крестьянскую газету» Павла Ивановича Воронова (колхоз «Каретово» Солигаличского района Ярославской области) присланное от имени односельчан в связи с обсуждением проекта Конституции: *«Колхозники нашего колхоза приветствуют сталинскую конституцию с большой радостью ... они с пеньем Интернационала постановили: 1. Чтобы нам колхозникам пользоваться правом городского рабочего ничуть не ниже, чтобы мы рабочие - колхозники работали за деньги, а не за трудовни. 2. Чтобы сделать нас колхозников всех профсоюзниками и иметь профессиональные книжки, чтобы могли иметь полное право, как у городского рабочего. 3. Чтобы колхозу отпуск леса был бесплатно на все колхозные нужды, хотя определенный процент для нужд колхоза отпускать бесплатно. 4. Чтобы была бесперебойная торговля в наших селах всеми товарами, а в особенности мукой, а то у нас очень редко забрасывают муку, и колхозники бегают за хлебом за 30 километров, чтобы достать печеного хлеба для прокормления семьи, и ряд других товаров не бывает в кооперациях, а насчет кожаной обуви*

²² Письма во власть. 1928- 1939. М., 2002. С. 342, 361.

²³ Трагедия советской деревни. Т. 4. М., 2002. С. 34.

даже нигде и не видим здесь никакой. 5. Еще просим наладить у нас в колхозах работу, чтобы мы работали не все вместе, а каждый на своем прикрепленном участке, которые прикрепят за нами на все лето, и записи чтобы были в трудовые книжки каждую декаду, и давали нам их на руки, чтобы было у нас известно каждому колхознику, а то мы работаем все лето и не знаем, кто что заработал. Бригадиру говорим, чтоб выдавал нам каждый месяц и каждую декаду. Он говорит – не успеваю, работы много, а что делает? Он ничего не делает у нас в колхозе. Имеем председателя и счетовода, и бригадира, а дела никакого не видим...просим помочь изжить все недостатки в наших колхозах...»²⁴.

Если в начале 1930-х гг. крестьян насильно загоняли в колхозы, и те отвечали массовым бегством, то после принятия Примерного Устава Сельскохозяйственной артели 1935 г. – они жаловались на исключение. Устав затруднял исключение из артели (например, через усиление роли общих собраний), о чем заботятся как «верхи», так и «низы». В середине 1930-х гг. стало выгодно иметь подсобное хозяйство, даже «в нагрузку» к «колхозной барщине». Характеризуя сталинский колхозный эсп, И.Е. Зеленин писал: «И на этот раз основные выгоды от реформы получили горожане, рабочий класс, а крестьяне – производители сельскохозяйственной продукции – вынуждены были всего лишь материально подкреплять сталинскую реформу и ждать обещанных выгод в будущем за счет послаблений по линии торговли, введения новых форм заготовок, предоставления льгот по ведению приусадебных хозяйств, развития общественного хозяйства»²⁵. Крестьянам трудно было поверить в жизнеспособность сталинского лозунга – сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными. Они продолжали писать наверх о своих неизбежных бедах: о «пустом трудовне», о несуразных ценах на

²⁴ Общество и власть. 1930-г годы. М., 1998. С. 128 - 129.

²⁵ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 210.

сельскохозяйственную продукцию и растущих ножницах цен, о причинах бегства работников из колхозов и т.д.²⁶

Таким образом, коллективизация явилась системной реформой. Она носила не производительный характер, а выступала как метод перераспределения (редистрибуции) того, что было создано фактически бесплатным трудом колхозников. Колхозный коллективизм сочетался с системой принудительного труда не идентичного ни феодализму, ни барщине ввиду высокой социальной мобильности населения, хотя элементы феодального землепользования в ней присутствовали в виде наделения колхозников приусадебными участками. Социальная архаика и жесточайшие формы внеэкономического принуждения имели разнообразное проявление: достаточно перечислить повинности российских колхозников. Это – отработочные, денежные, дорожные, натуральные повинности, подписки на займы и т.д. Отработочная повинность, сложившаяся к концу 1930-х гг., состояла в обязательном труде в общественном хозяйстве артели, на лесо- и торфоразработках, участии в строительстве и ремонте дорог и т.д. Натурально-продуктовые повинности, введенные в начале 1930-х гг. в форме обязательных поставок государству отдельных, а в конце 1930-х гг. почти всех основных продуктов, производимых в личном приусадебном хозяйстве, все время увеличивались и были отменены лишь в 1958 г.²⁷

В сущности, коллективизация стала не контрреформой в отношении нэпа, а продолжением командной экономики 1920-х гг., доведенной до логического конца. Дело в степени последовательного огосударствления сельского хозяйства. Недаром, И.В. Сталин видел причину сравнительной легкости и быстроты процесса развития колхозного движения в отсутствии частной собственности на землю²⁸. Новое государственное крепостничество в виде неофеодализ-

²⁶ Письма во власть. 1928- 1939. С.355-356.

²⁷ См.: Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930-1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96-111..

²⁸ Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 153.

ма сопровождалось усилением архаики и натурализации отношений в аграрной сфере вообще и в области земельных отношений в частности. Советские колхозы явились несущей социально-экономической конструкцией в системе государственного социализма в СССР. В сложившейся «ранговой сословно-корпоративной системе», «иерархии социальных статусов», колхозники (29 млн человек в 1940 г.) вместе с заключенными (3,7 млн человек в 1939 г.) относились к самым низким стратам, чей дешевый труд нещадно эксплуатировался государством. В итоге «социалистического укрупнения» крестьянство практически выступает как побежденная и дискриминированная группа, судьба которой целиком находится в руках государства.

Сегодня историки и экономисты расходятся в определении степени раскрестьянивания деревни и соответственно огосударствления колхозного труда и собственности. В.М. Кудров пишет, что колхозы постепенно теряли свой исходно кооперативный характер и превращались в обычные государственные предприятия²⁹. Н.Н. Тепцов определяет колхозы образца 1930-х гг. как своеобразные источники бесплатного живого труда³⁰. В.А. Бондарев делает акцент на колхозной многоукладности, включающей частный сектор, не коллективизированную часть в виде подсобного хозяйства. Он пишет о том, что объективно сформулированная задача «раскрестьянивания» так и не была завершена ни в сталинскую эпоху, ни позже³¹.

В ходе колхозного строительства утвердилась модель экономики с неограниченным экстенсивным ростом средств производства и «производство ради производства» с тотальной мобилизацией в фонд накопления огромных трудовых и природных ресурсов. Этот полурабский труд колхозников мало отличался от рабского труда

²⁹ Кудров В.М. Экономика России в мировом контексте. СПб, 2007. С. 259.

³⁰ Тепцов Н.Н. В дни великого перелома. Правда о раскулачивании в секретных документах. М., 2002. С. 334.

³¹ Бондарев В.А. Указ. соч. С. 37.

заклученных. Через данную мобилизационную модель советское общество добилось ограниченных результатов. Землепользование считалось бесплатным, однако реальная цена, заплаченная сельскохозяйственными артелями за пользование землей, была огромна, если учесть постоянный, невыгодный обмен с городом и с промышленностью. Недаром в советской повседневности закрепились слова «сдача» и «поставка», а не «продажа» и «покупка», как обязывает логика экономических отношений. Деморализация земледельца, потеря интереса к земле выступала как еще одна форма раскрестьянивания, вызванная коллективизацией³².

Альтернатива «социалистическому обобществлению» сельского хозяйства

Альтернативу сталинской коллективизации исследователи связывают как с сохранением и преобразованием нэпа, так и с необходимым отказом от него. Они ищут исторический ответ, как за пределами коллективизации, так и внутри нее. Первый путь поисков имеет в виду кооперирование на базе многоукладной экономики. По мнению В.П. Данилова, «могли развиваться различные сектора — совхозы, колхозы разных типов, интегральные кооперативы, объединения, ассоциации с разной степенью социализации, интеграции частных хозяйств и частной собственности, с привлечением крестьян-частников». И.Е. Зеленин подчеркивал значение «права за крестьянином на альтернативу, в том числе переезд в город (по желанию — и на основе оргнабора), переход на работу в совхоз, ведение единоличного хозяйства, в том числе и хуторского»³³.

Х. Хантер и Д. Шиммер — авторы книги «Ошибочные основания. Советская экономическая политика. 1928-1940 гг.» предложили модель «КАПРОСТА» (капитального роста в России). Они проанализировали ежегодную динамику двенадцати базовых отраслей

³² Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 73.

³³ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 178.

народного хозяйства в изучаемый период на основе статистических материалов и данных наиболее авторитетных российских и зарубежных ученых под углом готовности ко Второй мировой войне. Авторы пришли к выводу, что выбранный путь не оправдан жертвами, и что состоявшийся экономический рост был потенциально неправильным, что коллективизация оказалась ошибочной, и что более медленный темп тяжелой индустрии сделал бы жизненные стандарты выше; что правильные цены, умеренные темпы и уровень производства при индивидуальной инициативе, явились бы достаточными основаниями для эффективности советской экономики³⁴. Так, предложив «контрфактическую» модель как картину не реализовавшегося прошлого, авторы показали ошибочность коллективизации, как наиболее ущербного и неэффективного способа модернизации.

Второй путь поиска альтернативы связан с осуществлением кооперативных принципов и природных потенциалов уже созданных колхозов. В.А. Бондарев считает, что в ходе сталинской коллективизации произошла не только ликвидация многоукладности и повсеместная замена индивидуального хозяйства колхозами, но было покончено и с многообразием типов колхозов, что привело к унификации аграрного производства³⁵. Соглашаясь с автором, отметим, например, печальную судьбу толстовских коммун³⁶. Несомненно, сохранялась альтернатива и тотальному контролю государства за колхозами в форме машинно-тракторных станций. На наш взгляд, возвращение МТС их первоначального кооперативного статуса способствовало бы укреплению хозяйственной самостоятельности коллективов и повышению ответственности колхозников за производ-

³⁴ Hunter Holland, Szyrmer Janusz M. *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928-1940*. New Jersey. Princeton University Press. 1992. Pp. 3,5,8,11,42.; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1997. № 2.

³⁵ Бондарев В.А. Указ. соч. С. 17.

³⁶ См.: Мурзин Б.В. Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Новый мир. 1988. №8.

ственные результаты. Настоящие хозяева нашли бы возможность содержать технику за свой счет.

Исследование механизма функционирования колхозной системы и ее социокультурных черт сопровождается сравнением общины и колхоза. Ш. Фицпатрик пишет, что «колхоз утвердился на позициях преемника сельского мира»³⁷, а Л. Виола отмечает: «Коллективизация разрушила деревенскую общину и принудительно насадила на ее место колхоз – организацию (социалистическую лишь по названию)»³⁸, Н.Н. Тепцов, определяя характер связи между общиной и колхозом, подчеркивает их природную близость. Он рассматривает колхозы как общинную структуру, а общинность и коллективизм, как становой хребет российского крестьянства³⁹. К. Мацузато считает, что после коллективизации крестьяне перенесли двойственную этику общин (коллективизм) и индивидуализм в колхозы. «Крестьяне Сталина» держались по едокам при распределении, а социалистический принцип распределения по труду не мог привиться до конца 1930-х гг.⁴⁰. Отметим, что распределение по едокам в колхозах было вынужденным, в виду постоянной нехватки продукции для распределения по трудодням. Напротив, крестьяне во второй половине 1930-х гг., как свидетельствуют их письма во власть, были озабочены именно оценкой их индивидуального трудового вклада.

Сравнивая колхоз 1930-х гг. с общиной 1920-х гг., А.А. Никонов видел важное различие между ними. Колхоз только пользовался землей – государственной собственностью, община же землей распоряжалась и владела. В общине крестьянин был собственником произведенной продукции, в колхозе – нет. Ею формально распоряжался колхоз, но фактическим хозяином было государство, а колхозник как личность был бесправен. «Колхоз означал не прогресс,

³⁷ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 351.

³⁸ Виола Л. Указ. соч. С. 7.

³⁹ Тепцов Н.Н.. Указ. соч. С. 294, 295.

⁴⁰ Новый мир истории. М., 2001. С. 196.

не шаг вперед, а глубокий откат назад даже по сравнению с общиной, которую критиковали за консерватизм, за торможение прогресса, глушение личного интереса, сдерживание роста производительности. Колхоз сделал только одно: создал огромные по площади поля, дал простор технике. Но не человеку», - подчеркивал автор⁴¹. На вопрос: трансформировалась ли община в колхоз или уничтожена в нем, нет однозначного ответа. Реально колхоз представлял собой худший вид общины⁴². С колхозами возродилась достопыпинская община с ее круговой порукой, «коренившейся не столько в крестьянской традиции, сколько в государственном законодательстве», - писал П.Н. Зырянов⁴³. Это действительно так, но такое возрождение (в форме государственного «приневоливания») коснулось теперь не 15 млн хозяйств, а почти 250 тыс. колхозов.

Коллективизация: народ и власть

Анализ разнообразных данных, относящихся к сфере экономики и социальной жизни, приводят исследователей к заключению о процессах экспроприации, депопуляции, деградации крестьянства⁴⁴. В современных исследованиях активно исследуются вопросы численных потерь, человеческих жертв и нравственной цены коллективизации. Ведутся разнообразные подсчеты по категориям, годам и регионам сотен тысяч раскулаченных, репрессированных, перемещенных, умерших от голода. В этой связи на первый план выступает проблематика голода (голодомора) начала 1930-х гг. Она получила широкое монографическое, в том числе региональное освещение. Историки пишут о том, что в основе трагедии 1932 - 1933 гг. лежала политика насильственной коллективизации и принудительных хле-

⁴¹ Никонов А.А. Указ. соч. С. 232.

⁴² Петриков А.В. Аграрная реформа в России. М., 2000. С. 31.

⁴³ Отечественная история. 1993. № 6. С. 98.

⁴⁴ Алексеев В.В. Судьба России в XX веке // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск, 2001. С. 11; Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917-1991. М., 2001. С. 78; Фицпатрик Ш. Указ. соч. С.11; Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 78.

бозаготовок сталинского режима⁴⁵. Голод представляется как организованный, «рукотворный», как неотъемлемая часть контекста истории XX в. Выдвинут вопрос: требует ли марксистская модернизация жестких репрессий и голода или можно его избежать, используя альтернативы?⁴⁶ «Голод, вызванный в стране в 30-х годах, стал частью общей политики государства применительно ко всему крестьянству (шире – к народу в целом), а не только к кулачеству», - делает вывод историк В.П. Попов⁴⁷. В.Б. Жиромская отмечает, что «Демографические процессы испытали на себе воздействие таких неблагоприятных факторов, как голод, переселение раскулаченных, репрессии, что привело к падению прироста населения в начале 1930-х гг. до отрицательной величины. Прежде всего, это происходило за счет высокой смертности и потерь населения. Вслед за этим последовало понижение рождаемости. Эту демографическую ситуацию принято называть «демографической катастрофой»⁴⁸. Большие потери пришлись на производящие районы РСФСР. Согласно материалам демографической переписи 1937 г., сельское население, составлявшее 2/3 населения страны, обнаружило тенденцию к уменьшению в РСФСР на 9,2%. 1939 г. показал повсеместное сокращение сельского населения, хотя накануне войны оно было в два раза больше городского⁴⁹. Вероятно, вымирание деревни началось не в 1940-е гг. а на рубеже 1920-30-х гг.

⁴⁵ Осколков Е.Н. Голод 1932-1933 гг. в Северо – Кавказском Крае. Р.н/Д., 1991; Голодомор 1932-1933 гг. в Украине. Причины и последствия. Материалы конференции. Киев, 1995; Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг. Воронеж, 1998; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900-1939. М., 2000. Гл. XII; Кондрашин В.В. Голод 1932 - 1933 годов: Трагедия российской деревни М., 2008; Ивницкий Н.А. Голод 1932 - 1933 годов в СССР. М., 2009.

⁴⁶ Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 6.

⁴⁷ Попов В.П. Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 182.

⁴⁸ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 33.

⁴⁹ Там же. С. 74, 71.

Составной частью завершающего этапа коллективизации явилась «чрезвычайщина» 1937-1938 гг., получившая название «Большой террор». Ставшие ныне известными документы освещают процесс постепенного ужесточения политического курса, приведшего к массовым репрессиям 1937-1938 гг.. Они носили не произвольный, а целенаправленный и управляемый сверху характер⁵⁰. Это была серия массовых операций против так называемых «антисоветских элементов», «контрреволюционных национальных контингентов» и массовые депортации, проводимые НКВД под руководством политбюро ЦК ВКП (б). На первое место среди врагов советского строя были поставлены «бывшие кулаки», скрывавшиеся от репрессий, покинувшие лагеря, ссылки и трудпоселки. Они стояли в одном ряду с «членами антисоветских партий», участниками повстанческих, фашистских, шпионских формирований, «церковниками» и новой категорией уголовных преступников. Репрессивная кампания, захватившая широкие слои населения страны, была направлена «на окончательное решение проблемы внутренних врагов Советского Союза», то есть на профилактическую чистку в предвоенной ситуации. На самом деле накануне «большого террора» не существовало угрозы непосредственного военного нападения на СССР (также как и на рубеже 1920-х - 1930-х гг.). Спецслужбы иностранных государств не проводили акций по непосредственному подрыву экономического и оборонного потенциала СССР. Следует вести речь об ограниченном характере разведывательной деятельности⁵¹.

Теперь, как и ранее, политические и хозяйственные цели раскулачивания причудливо перемежались, сопровождая, и подстегивая друг друга. Ускоренно и в упрощенном порядке внесудебные «тройки», начиная с августа по декабрь 1937 г., выносили смертные приговоры (мужицкая доля среди расстрелянных составила

⁵⁰ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 402; Хаусов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М., 2009. С. 326-327.

⁵¹ Хаусов В., Самуэльсон Л. Указ. соч., С. 326.

59,5%)⁵² или приговаривали к заключению в тюрьмы и лагеря на 8-10 лет. В период с 1934-1937 гг. было осуждено почти 2 млн крестьян. Как и ранее центру приходилось ограничивать активность местных властей. Установленные лимиты значительно (примерно на одну треть) на практике превышались за счет дополнительных списков. «Кулацкая операция» продолжалась в следующем, 1938 г. и нарастала в сторону ужесточения. По современным данным с 1 октября 1936 г. по 1 июня 1938 г. было арестовано 1.420.711 человек, в том числе «в порядке приказа НКВД № 00447» — 699.929 человек — почти половина (49,3 %) пришлось на долю крестьян⁵³.

В соответствии с оперативным приказом № 00447 с лета 1937 по ноябрь 1938 г. шла чистка местных руководителей районного масштаба. «Разгром врагов народа в сельском хозяйстве» принимал форму открытых показательных процессов над «вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы (работники МТС и райзо (земельные отделы районного исполнительного комитета — Н.Р.), предрики (председатели районного исполнительного комитета — Н.Р.), секретари РК и т.п.)». Соответствующая директива означала политическую мобилизацию колхозников вокруг начавшейся кампании. Как показывают опубликованные материалы этих процессов, они были тщательно подготовлены и часто заканчивались расстрельными приговорами. «Для массовой работы в сельсоветы и колхозы направлен районный актив. В колхозах выделены чтецы и беседчики о процессах», — телеграфировал, например, и.о. секретаря Западного обкома ВКП(б) Коротченков И.В. Сталину⁵⁴. В ответной телеграмме тот советовал ему приговорить вредителей к расстрелу, о чем опубликовать в местной печати.

Вот типичное сообщение газеты «Советская Сибирь» о судебном процессе над бывшими руководителями колхоза «Путь Лени-

⁵² Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. вторая. С. 17.

⁵³ Там же. Док. № 66.

⁵⁴ Там же. Кн. первая. Док. № 293, 295.

на» Убинского района Новосибирской области (21 сентября 1938 г.). В нем говорилось о группе вредителей - кулаков в составе бывшего председателя колхоза Пухова, кулака Потапова, бывшего кузнеца Шишкина и т.д.: «Троцкистско-бухаринские вредители, орудовавшие в колхозе в 1937 г. сгноили хлеб с площади 146 гектаров. Они же смешивали сортовые посевы с рядовыми, уничтожили семенной участок. Враги народа не останавливались ни перед чем, лишь бы навредить колхозу. Они сожгли сено, уничтожили 219 голов крупного рогатого скота, сорвали сенокос. Эти выродки поставили целью погубить хлеб урожая 1938 г. Между ними был прямой сговор – оставить колхозников без хлеба. Скирдование и обмолот не производились. Государству в счет хлебосдачи не вывезено ни одного килограмма зерна. Вредитель Шишкин, будучи кузнецом, вывел из строя все сельскохозяйственные машины, новые части он раздалбливал зубилом. Во время уборки вредители умышленно срывали общественное питание, ухудшали бытовые условия... Эти мерзавцы душили стахановское движение в колхозе, издевались над колхозниками, дававшими высокие выработки на вязке снопов». Газетное сообщение заканчивалось констатацией: «В суд поступили многочисленные резолюции трудящихся Убинского района с требованием расстрела троцкистско - бухаринских убийц, вредителей и диверсантов»⁵⁵.

По ложным донесениям и самооговорам были обвинены во вредительстве и в большинстве своем расстреляны руководители Наркомзема СССР и его структурных подразделений, ответственные работники республиканских наркоматов, областных и краевых управлений и т.д. Нарком земледелия СССР Р.И. Эйхе на Январском пленуме ЦК ВКП (б) 1938 г. громил троцкистско - бухаринских вредителей, засевших в земельном аппарате и разлагавших кадры. «Трудно себе представить более расхлябанную и недисциплинированную систему, чем система Наркомзема», — негодовал

⁵⁵ Там же. Кн. вторая. Док. № 119.

он⁵⁶. Квалифицированные кадры этих учреждений с десятилетним стажем руководства вошли в первые когорты репрессированных «врагов народа». В эти годы Н. И. Вавилов, А. Л. Вайнштейн, А. Г. Дояренко, Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Литошенко, Н. П. Макаров, Н. П. Огановский, Н. М. Тулайков, А. В. Чайнов и многие другие крупные ученые аграрники были привлечены к уголовной ответственности, признаны виновными во внесудебном порядке и осуждены за особо опасные государственные преступления.

В речи на XVIII партийном съезде крупный партийный функционер А.А. Андреев «живописал» огромный вред, причиненный колхозам и совхозам «замаскированными вредителями» по линии массового заражения скота сапом, сибирской язвой, искусственно созданной бескормницей и т.п.. «Враги, пробравшиеся в земельные органы» разрушали сельскохозяйственные машины в МТС и совхозах... мешали уборке хлебов ... а убранный хлеб гноили на складах и заражали клещом». Вывод куратора по сельскому хозяйству в Политбюро звучал следующим образом: «Сельское хозяйство было, очевидно, главным объектом вредительской и диверсионной работы врагов... но враги просчитались... наши колхозы вышли из борьбы с вредителями еще более окрепшими»⁵⁷.

Политическое руководство СССР, с одной стороны, криминализовало социальную стихийность, с другой – политизировало обычные преступления, приравняв их к оппозиции советскому порядку. Таким образом, находились убедительные, на взгляд руководства страны, объяснения состояния самой отсталой отрасли народного хозяйства, а желаемое выдавалось за действительное. В любом случае, настоящие уроки из ошибок и преступлений не извлекались. Тактическая «многоходовка» властей достигла своей цели. Недовольство колхозников было в значительной степени канализировано против местного начальства, как виновника провалов в колхозной жизни; очередная волна запугивания народа помогала

⁵⁶ Там же. Док. № 3.

⁵⁷ Там же. Док. № 183.

вести линию на дальнейшее и нарастающее его ограбление «во имя победы социализма» и перед лицом растущей военной угрозы.

Несомненно, крестьянство было главным объектом и жертвой большевистских экспериментов в области принудительного труда и этатизации. На основании сопоставления статистических данных, обнаруженных в архивах, В.И. Попов аргументировано пишет о том, что «уровень и условия жизни народа упали не на короткий период в процессе так называемых социалистических преобразований, а в результате этих преобразований». Этот вывод носит доказательный характер⁵⁸. Массовые источники зафиксировали ключевые слова эпохи: «*барицина – Соловки – бесхозяйственность*». Крестьяне называли коллективизацию «вторым крепостным правом», по - своему раскрывая аббревиатуру ВКП (б), воспринимая ее как механизм социальной и экономической эксплуатации. Вероятно, следует вести речь не столько о трансформации «*общинности в колхозность*», сколько о своеобразной форме государственного патернализма.

В кратком курсе истории ВКП (б), увидевшем свет в 1938 г., И.В. Сталин назвал коллективизацию – «революцией сверху» при прямой поддержке «снизу» со стороны миллионных масс крестьян, борющихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь⁵⁹. Эта лукавая формула не может быть отвергнута без обсуждения. Современные исследователи выдвинули принципиальный вопрос о характере и масштабах участия крестьянских масс в раскулачивании и коллективизации. Авторы книги «Социокультурные основания и смыслы большевизма» отмечают, что критика большевизма ведется в отношении насилия над народом, а массовая поддержка населением террора, участие в его проведении умалчивается⁶⁰.

⁵⁸ Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 49.

⁵⁹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год. М., 1945. С. 291- 292.

⁶⁰ Ахизер А.С. и др. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002. С. 7.

На практике соучастие крестьянской бедноты в политике грабежа деревни явилось решающим фактором массовой коллективизации, основанной на широком раскулачивании крестьянства. 25% конфискованного хлеба накрепко привязали бедноту к политике раскулачивания, сделав ее не только соучастником, но и проводником политики властей. Выказано мнение о том, что сталинская власть сумела с самого начала перевести борьбу крестьян против внешней силы – государства в борьбу внутри самой деревни. «Если бы крестьянство, которое составляло подавляющее большинство населения России, оказалось социально сплоченным в сопротивлении политике коммунистической власти, то никакую коллективизацию провести бы не удалось»⁶¹.

Причины победы государства над крестьянами часто связываются со стихийностью и локальностью, с разнородностью их положения и интересов. Назвать то, что творилось гражданской войной, на наш взгляд, нельзя: крестьяне оборонялись. Их террор был ответным, вынужденным и запоздалым. Изучая социокультурные (в широком смысле) результаты и последствия отечественной коллективизации, мы пытаемся ответить на главный и сакраментальный вопрос: почему погибло крестьянство в крестьянской стране? Для этого должно быть продолжено исследование соотношения политики и экономики, власти и общества применительно ко времени и месту, то есть в хронологическом и региональном разрезе.

Коллективизация возникла сначала как прецедент, позже оформленный в постоянную практику. Как мы могли убедиться, эта практика находилась в постоянной динамике. «Наступление» и «отступление», «кнуты и пряники» («чрезвычайщина» и «неонэп») чередовались, переплетались; носили сложный и противоречивый характер. Так называемый неонэп или колхозный нэп можно рассматривать как «реформу в реформе». Система государственного социализма выработала твердые принципы, которыми неуклонно руко-

⁶¹ Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 98, 85.

водствовалась. Формула «колхозы для пролетарского государства, а не пролетарское государство для колхозов», артикулированная в разгар голода 1932 г. партийной элитой, и в дальнейшем выступала как ее неизменное кредо⁶².

Признание коллективизации «неудачной моделью кооперирования»⁶³ не снимает вопроса: чем была коллективизация? «Коллективизация была нечто большее, чем ограниченная во времени кампания, подобно сбору зерна и была предназначена для радикального изменения структуры сельского хозяйства», – пишет А. Таниучи⁶⁴. Ст. Мерль называет коллективизацию отдельным мероприятием в рамках строительства социализма, связанным со Сталиным и массовым террором⁶⁵. В.А. Бердинских видит в колхозах своеобразную форму тотального контроля над всеми сферами жизни и полномочного распоряжения мерой труда и потребления⁶⁶. П. Грегори отмечает, что коллективизация проходила в соответствии с логикой первоначального накопления капитала, и что этот курс проводился настолько последовательно и твердо, что можно рассматривать накопление капитала как четвертый принцип, лежащий в основе советской системы, наряду с первыми тремя: государственной собственностью, планированием и ведущей ролью партии⁶⁷. По мнению Ш. Фицпатрик, коллективизация представляла собой государственный проект, имеющий целью как эксплуатацию, так, и модернизацию⁶⁸. Л. Виола считает коллективизацию кульминацией атаки на крестьянство, его культуру и образ жизни⁶⁹.

⁶² Из письма М.М. Хатаевича В.М. Молотову // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 556.

⁶³ Белоусов Р. Экономическая история России. XX век. Книга 3. М., 2000. С. 58.

⁶⁴ См.: Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1996. С. 348.

⁶⁵ Там же. С. 373.

⁶⁶ Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 349.

⁶⁷ Грегори П. Указ. соч. С. 64.

⁶⁸ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 351.

⁶⁹ Виола Л. Указ соч. С. 7.

Коллективное обсуждение этой сложной и болезненной для общественного сознания темы приводит к логическому выводу о том, что разрушение деревни и уничтожение крестьянства явились, пожалуй, главными событиями XX века. Ученые и публицисты спорят, что для страны оказалось страшнее и истребительнее - революция 1917 года или коллективизация? Все чаще коллективизация ставится на первое место, поскольку сталинская коллективизация в большей степени изменила историческое лицо России, чем сама революция. «Сталинская коллективизация сельского хозяйства в большей степени изменили историческое лицо России, нежели сама революция», - отмечает А.В. Пыжиков⁷⁰. «Не войны, не революции, не «построение социализма в одной стране», не чередование тоталитарных и авторитарных режимов определили новое лицо страны и народа, а гибель деревни в процессе нашей модернизации», - пишет А.Г. Вишневский⁷¹.

Итак, идет систематизация многообразных новых знаний о коллективизации. Сегодня складывается понимание ее как сложного и многоликого социального явления, переломного для деревни и страны процесса, противоречиво сочетавшего доктринальные установки и практические уступки государственной власти. Сплошная коллективизация, внешне представшая контрреформой по отношению к нэпу, стала его логическим продолжением. Советские колхозы явились несущей социально-экономической конструкцией в системе государственного социализма в СССР.

⁷⁰ Пыжиков А.В. Военные приоритеты мирного времени: экономическое развитие СССР в 1945 – 1953 гг. // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 143.

⁷¹ Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 11.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ № 1. Шифротелеграмма секретаря Северного крайкома ВКП (б)

С.А. Бергавинова Л.М. Кагановичу

«о возможности принятия к весне до 100 тысяч кулацких семейств южных районов»¹

14 января 1930 г.

Из АРХАНГЕЛЬСКА

МОСКВА ЦК ВКП (б) тов. КАГАНОВИЧУ

ОГПУ запросил Севкрай ГПУ о возможности принятия к весне до 100 тысяч кулацких семейств южных районов. Бюро Крайкома считает возможным к маю (?)^а месяцу принять 50-/0 тысяч семейств с расселением и постоянным жительство в отдельных районах края и докладывает ЦК свои соображения по этому вопросу:

1) До о[т]крытия навигации (конец мая) должны быть присланы только трудоспособные мужчины, которые в отведенных нами местах к лету готовят места постоянного жительства с семьями, семьи до навигации остаются на местах или ожидают в лагере ОГПУ, иначе нам придется для их доставки за сотни тысяч верст мобилизовать почти всех лошадей лесозаготовках, грузовых перевозках и тем сорвать лесозэкспортные заготовки. 2) Расселять намерены в ненаселенных районах группами, частично мало населенных, используем^б их в ряде районов, как рабочую силу, а в некоторых местах экономически осваиваем ими пустую приморскую полосу, где промысловую продукцию от них забираем на выработанных нами условиях. 3) Высылаемые должны захватить с собой минимальный инвентарь, топоры, пилы и тому подобное и, если возможно, на 5-10 хозяйств 1 лошадь, ибо им придется подвозить лес для застройки к месту жительства и вообще их ло-

шади будут не вредны для края, если их на местах раскулачат до отказа (видимо так и будет). Не исключаем возможности минимуме (?) отпуск леса на застройки бесплатно. 4) На первый период дать им голодные нормы снабжения, ибо в местах предполагаемого заселения нет никаких рынков и населения, НКТорг должен это учесть. 5) ОГПУ должно помочь нашему ГПУ людьми специально для этой работы, ибо речь идет о пропуске в 2-3 месяца сотни тысяч народу. По разработке всего вопроса создана из состава Бюро тройка. Просим ЦК учесть эти соображения и ответить верны ли наши установки.

2) *Здесь и далее так в документе.*

⁶ *Так в документе, следует использовать.*

..

Источник: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940. М., 2005. Книга 1. С. 32.

Документ №2. «Вы все лжете крестьянам» (Из неопубликованного письма в «Правду». 1930 г.)

Мы, крестьяне Западной обл. Гжатского района Гуляевского сельсовета решили собрать собрание. И вот собравшись (6 деревень) в количестве 150 граждан единоличников и 15 колхозников, выбрали президиум...Решили обсудить настоящее положение Советской республики. После долгих споров и обсуждений мы пришли к убеждению, что страна наша идет к разорению и к нищете. Редакция «Правды», вы не сердчайте, что мы так отвечаем ... Вот второй год идет пятилетка, а ничего хорошего не видно, а вы все трубите, что то улучшилось, другое прибавилось, все идет чисто и гладко, что заводы и фабрики работают ударно, что колхозы и совхозы расширили посевную площадь, что осталось только организовать сплошные колхозы и уничтожить единоличные середняцкие, по вашему варварские хозяйства и тогда будет рай в Советской стране. Нет, далеко ошибаетесь. Мы, крестьяне, видим, что вы все врете, особенно по земледелию. Первый вопрос о промышленности и строительстве... Правда, есть некоторые достижения правильны, но это очень немного. А некоторые достижения совсем не нужные в настоящее время. Мы, крестьяне, видим эту картину очень хорошо. Двинули промышленность вперед - какую машину не купишь, она очень плохого качества.... Теперь возьмем второй вопрос – земледелие.. Мы, крестьяне видим, что сколько колхозы и совхозы ни расширяют посевную площадь, как бы они ни подняли урожайность, но мы видим, что огромный кризис продуктов сельского хозяйства растет не по дням, а по часам. Это вызвало разорение крепких крестьянских хозяйств, а бедные и маломощные середняцкие, они сами себя не прокормят, а не только дать государству продукцию. Колхозы и совхозы производят продукции много только на бумаге, а в действительности там ничего нет, и кризис растет, и

будет расти, хотя вы заставили все единоличные середняцкие крестьянские хозяйства всевозможными нажимами войти в колхозы, все равно кризис будет расти. Власти дела не наладят до тех пор, пока само сельское население не пойдет добровольно с охотой, с желанием в колхозы. Чтобы избежать кризиса в сельской продукции, не нужно было разгонять крепких крестьянских хозяйств до тех пор, пока действительно бы колхозы и совхозы не заменили бы эти хозяйства в продукции, и тогда бы их можно было бы ликвидировать. Они до того времени были бы целы и никуда бы не делись бы со своим имуществом и целы были бы сами. В настоящее время уцелевшие от раскулачивания середняцкие хозяйства, они теперь хозяйства свои не поднимают и не развивают их теперь.. Никакая агитация не заставит развивать хозяйства, а уменьшать – уменьшают, коров продают и режут, лошадей тоже так.... А капитальное строительство часть прикрыть, без которого мы можем обойтись. Затем до свидания!

Подпись президиума: председатель - Николай Степанов, член президиума - Мих. Рысенков, Секретарь - И. Николаев).

Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ).Ф.7486, ОП.37, Д.102, Л.107.

Документ №3. Характер массовых выступлений и состав участников по СССР за 1930 г.

Месяцы	Общее число массовых выступлений	Причины массовых выступлений												
		Количество выступлений с преобладанием женщин	Коллективизация	Изъятие и ущемление антисоветского элемента	Закрывание церквей, снятие колоколов	Посевная и уборочная кампании	Хлебо- и мясозаготовки	Налоговая компания	Продзатруднения	Недостаток промтоваров	Другие хозяйственные и политические компании	Перевыборы советов	Хлопкозаготовки	Прочие
Янв.	402	229	158	68	159	7	2		4					4
Фев.	1048	379	723	178	103	19	2	1	9					13
Март	6528	1172	5010	749	514	160	2	5	65					23
Апр.	1992	550	789	457	391	147		2	172		10			24
Май	1375	486	284	338	126	154	3	1	433		7			29
Июнь	886	301	175	214	69	37	4	1	348	3	5			30
Июль	618	167	170	177	38	9	29	2	141	5	7			40

Коллективизация в свете новых публикаций

Авг.	256	105	50	61	25	7	73	1	17	3	1			18
Сент.	159	82	12	40	10	2	65	3	9	7	1		1	9
Окт.	270	141	6	33	23	1	173	11	9	2	2		2	8
Нояб.	129	56	3	17	12	1	67	3	10	6	1	1	2	6
Дек.	91	44	2	7	17		36	11	3	1		4	3	7
Всего за 1930 г.	13754	3712	7382	2339	1487	544	456	41	1220	27	34	5	8	211

Источник: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. Т. 2. М., 2000. С. 802.

**Документ №4. Выходы из колхозов по деревне СССР
с 1 октября 1931 по 1 апреля 1932 г.**

П.П.	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Всего хозяйств	Примечание
Северо-Кавказский край	13470	1460	450	14990	23300	10200	63870	
Национальные районы СКК							3176	Данные не точны
ЦЧО					247	721	36046	
Средне-Волжский край			300	1500	1080	с 1 по 15 - 170	3050	
Нижне-Волжский край	55	45	73	1018	200	130	1521	
Западно-Сибирский край				1117	6220	13532	20369	
Восточно-Сибирский край					по 1 р. 150		150	
Урал							16179	
Московская область	2570	2610		4260	5420		16840	
Ленинградская область	сведений нет	сведений нет	сведений нет	сведений нет	сведений нет		с января по 1 апреля 18179	

Коллективизация в свете новых публикаций

Западная область							16650	
Ивановско-Промышленная область			150	1721	3366	по 47 районам 1837	7074	
БССР				9070			9070	
Нижегородский край	926	2937	4916	5084	14305		34677	
Дальне-Восточный край	328	234	161	266	291	38	1318	
Северный край				693	1126	376	2195	
Башкирия							1378	
Татария							4429	
Казахстан							2046	Данные не точны
Крым							744	
Закавказье	598	134	405	1230	1230	632	2999	
Итого:							253370	

Источник: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. Т. 3. М., 2000. С. 348.

**Документ №5. Докладная записка о состоянии
детской беспризорности и детдомов.**

№	Название края, области	Количество детей, охваченных детдомам на 1/1 – 1933 г.		Количество детей, охваченных детдомам на 1/8 – 1933 г.	
		учреждений	детей	учреждений	детей
1	Северный край	86	6000	100	7000
2	Северный Кавказ	142	14650	217	43000
3	Урал	-	16300	-	21500
4	Нижняя Волга	-	6000	-	12000
5	Средняя Волга	-	9600	-	13500
6	Западно-Сибирский край	-	8209	152	11269
7	Казахстан	-	-	-	61000

Источник: Беспризорность на Урале в 1929 – 1941 гг. Сборник документов и материалов. Екатеринбург. 2009. С. 317.

**Документ №6. Письмо колхозника
Н. П. Ветлужского М. И. Калинин**

8/VI-37 г[ода]

Михаил Иванович! Я, не имея никакой возможности, решил обратиться к вам как к вождю пролетариата и знакомому с сельским хозяйством. М[ихаил] И[ванович]! Я в настоящее время нахожусь в колхозе. Правильный путь крестьянства [указан] тов[арищем] Лениным, этот путь для крестьянства самый верный. В настоящее время я много читаю газет и книг. В газете пишут, что везде идет строительство, встретишь, что и колхозы начинают жить зажиточно, но все ли это верно. Я считаю... с достижений колхозов², то все это поверхностно, но если заглянуть внутрь колхозов, то, наверно, будет наоборот, но еще [если] взглянуть внутрь колхозников, то у них совсем другое, и это так. Положение свидетельствует фактом, а именно текущностью колхозников из колхозов. И в настоящее время в колхозах осталось, если считать старое население, которое было до колхозов, только осталось 50%. Этот факт характеризует[ся] неохотностью жить в колхозе, и сейчас текущность колхозников из колхозов продолжается и очень в большом количестве. Хотя на замену ушедшим колхозников из колхоза на наши поля прибыли сложные машины, которые заменяют рабочую силу, но ведь и при машинах нужна рабочая сила. Но чем объяснить текущность колхозников из колхозов? Я думаю, тем, что колхозы и колхозники обижены правительством. А именно то, что [если] сравнить рабочих на фабриках, то они гораздо живут лучше колхозников, но если доказать этот факт — есть колхозники, которые уехали из колхозов уже года 2 и пристроились на заводах и предприятиях. Пишут, что в настоящее время жить на заводах и фабриках стало лучше, чем в колхозах. Там каждый день известно, сколько он заработает. Пишут, можно зарабатывать от 15 руб[лей] и больше, и на заводе все можно купить: и мануфактуру, и друг[ие] товары можно купить сколько угодно. И пишут, что я живу здесь гораздо лучше, чем в колхозе.

Но попробуй купить колхозник [в] своей местности, так что мануфактуры здесь не купишь, и колхозники ходят плохо одетые.

Но если подсчитать, как оправдывает труд колхозников, то тут уж и говорить не о чем. Вот факт, что за 1936 год колхозники получили на трудодень до 1 руб[ля] да хлебом до 500 грамм, вот вам оплата колхозного труда. А пример: рабочий работает определенные часы, а колхозник работает с раннего утра и до поздней ночи. Это выходит равноправие в труде между рабочим и колхозником? А если заставить рабочего работать, как работает колхозник и получает на трудодень, то рабочего ни за что не заставишь, как работает колхозник. В чем заключается малая оплата труда в колхозах? Колхозы и колхозники платят все по обязательствам государству, хлеб, мясо, молоко, шерсть, картофель и друг[ие] продукты. Но сколько за это получает самого мизерного плату². Например, рожь государство покупает по 6,5 руб[ля] за 1 центн[ер], овес — 5,5 руб[ля] за цент[ер], мясо — до 27 коп[еек] за кило, молоко — 10 коп[еек] литр, картофель — до 3 руб[лей] за 1 центнер, цены, значит, твердые. А если купить какие-либо товары, то уж твердых цен не встретишь. Как пример: сахар от 4,5 до 4,7 руб[ля] за кило, мануфактура от 2 руб[лей] и выше, и той нет, а если взять хлеб ржаной — 1 кило 85 коп[еек], когда государство покупает 6,5 коп[ейки] за 1 кило. Если считать хлеб с припеком и все накладные расходы, то государство получает чистой прибыли минимум 80 руб[лей] с одного центнера. Если с сравнением 1926 года, то тогда было так, что государство закупало хлеб хотя бы по 60 коп[еек] пуд, значит, выходит того года сахар был 38 коп[еек] кило, крестьянин мог купить на 1 пуд ржи два кило. Когда сейчас купить один кило сахару, то нужно продать 5 пудов ржи, значит, цены против крестьянских продуктов на товары повысились с лишним в 12 раз. А если взять другие товары, как пример — керосин, он был 7 копеек кило, сейчас — 80 коп[еек]. Сейчас колхозник говорит так, что государство берет все продукты задаром, а эту оплату лучше бы не давали и считают мизерной оплатой. Вот вам цена на крестьянские продукты. Но если говорить о деньгах, ведь вы скажете, что колхозник может зарабатывать на побочном заработке и еще может продать излишки продуктов.

Я уже писал, что колхозников осталось мало и даже чуть-чуть справляются со своим хозяйством, а где уже идти на побочные заработки. Вот Вам положение в колхозах в части денежных средств.

«...»

Михаил Иванович! Я считаю, что нужно эту рабочую силу закрепить, чтобы она не уходила из колхозов. Но что для этого нужно. Я думаю, что нужно цены на крестьянские товары изменить и добросовестно оценить труд колхозника или же снизить цены на товары. Когда труд колхозника будет оправдывать, то он прилежней будет работать, повышать урожайность и развивать животноводство, которое сильно ослабло, и надо планомерно снабжать товарами колхозников и также колхозы. Сейчас у нас существует живая очередь, в которую колхозники не успевают, да им из деревни ходить некогда.

«...»

Михаил Иванович! Я, кажись, можно еще писать, и так написал много. Но я думаю, что тактику в деревне нужно изменить, только тогда можно выполнить лозунг тов[арища] Сталина — сделать все колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

На мое примечание прошу ответить по адресу: Кировская область Шурминский район, Н. Шурминский с[ельский] совет, колхоз «Челюскинец». Ветлужский Николай Петрович.

18/V-1937 года.

Источник: Письма во власть. 1928-1939. М., 2002. С. 355-356.

**Документ № 7. Заготовки и закупки зерна в СССР
в предвоенные годы (в млн. пудов)**

Источник и вид заготовок	1937/1938 г.		1938/1939 г.		1939/1940 г.		1940/1941 г.	
	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес
<i>Колхозы</i>								
Обязательные поставки	620,5	35,9	587	36,9	547,7	31,8	955,1	39,2
Натуроплата	687,2	39,8	618,4	38,9	742,8	43,2	1059,6	43,5
Возврат ссуд	68,3	3,9	72,8	4,6	152,2	8,8	141,2	5,8
Итого	1376	79,6	1278,2	80,4	1442,7	83,8	2155,9	88,5
<i>Совхозы</i>								
Хлебосдача	237,2	13,7	207,1	13	188,5	11	259,4	10,7
Возврат ссуд	7,4	0,4	2,6	0,1	6,6	0,4	5,7	0,2
Итого	244,6	14,1	209,7	13,1	195,1	11,4	265,1	10,9
Колхозники	5,1	0,3	5,8	0,4	5,5	0,3	10,9	0,4
Единоличники	3,5	0,2	2,7	0,2	1,4	-	4,6	0,2
Гарнцевый сбор	100,8	5,8	93,9	5,9	76,6	4,5	-	-
Итого заготовок	1730	100	1590	100	1721,3	100	2436,5	100
Закупка	219,6		185,5		154		203,4	
Заготовка и закупка	1949,7		1775,8		1875,3		2539,9	

Источник: История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т.3. М., 1987. С. 91.

Коллективизация в свете новых публикаций

Документ № 8. Число совхозов, машинно-тракторных станций и колхозов (на конец года)

	1928	1932	1937	1940
Число совхозов всех систем	1407	4 337	3992	4 159
Число машинно-тракторных станций	6	2 446	5818	7 069
Число всех колхозов, включая рыболовецкие и промысловые колхозы (тыс)	33,3	211,7	243,5	236,9
В том числе сельскохозяйственных артелей	33,3	210,6	242,5	235,5
В них наличных колхозных дворов (млн.)	0,4	14,7	18,1	18,7
Приходится в среднем на один колхоз колхозных дворов	13	71	76	81

Источник: Народное хозяйство СССР. М., 1956. С. 100.

Документ № 9.
Коллективизация сельского хозяйства

	Процент коллективизации на 1 июля	
	по числу крестьян- ских дворов	По посевной площади
По СССР — в границах до 17 сентября 1939 г. 1918 г.	0,1	...
1927 г.	0,8	...
1928 г.	1,7	2,3
1929 г.	3,9	4,9
1930 г.	23,6	33,6
1931 г.	52,7	67,8
1932 г.	61,5	77,7
1937 г.	93,0	99,1
1940 г.	96,9	99,9

Источник: Народное хозяйство СССР. М., 1956. С. 99.

Документ №10.

Структура сельского хозяйства СССР

	1927 г.	1940 г.
Колхозы, тыс.	14,8	236,9
в них наличных дворов, млн.	0,2	18,7
Совхозы, тыс.	1,4	4,2
Единоличные крестьянские хозяйства, млн.	23,7	3,6
Кулацкие хозяйства, млн.	1,1	-

Средние размеры колхозов СССР

	1928 г.	1934 г.	1940 г.
Колхозных дворов на один колхоз	13	68	81
Общественных посевов, тыс. га	0,04	0,4	0,5
Общественного скота, голов	5	44	85
крупного рогатого скота, в том числе коров	2	15	24
Свиней	2	15	35
овец и коз	7	51	77
Тракторов (в пересчете на 15-ти сильные, шт.)	0,2	0,8	2,4

Источник: Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.). М., 1995. С. 239, 240.

Механизм возникновения голода в СССР в начале 1930-х гг.

Голод 1932 – 33 гг. в СССР – одна из самых трагических страниц в отечественной истории и мировой истории XX века. Этот голод в глазах мировой общественности стал одним из символов сталинизма, свидетельством его подлинной сущности как политического режима и исторического феномена.

Данная тема имеет уже долгую историографическую традицию. Но у истоков её подлинно научного осмысления стояли В.П. Данилов и участники организованного им его зарубежными коллегами международных проектов «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД». Суть подхода В.П. Данилова и его коллег к проблеме сводилась в доказательстве факта неразрывной связи голода начала 1930-х гг., кульминацией которого явилась трагедия 1932 – 33 гг., с начавшейся в СССР форсированной индустриализацией, проводимой сталинским руководством за счёт безжалостной выкачки ресурсов из деревни с помощью политики коллективизации на основе раскулачивания¹.

Разделяя концептуальный подход В.П. Данилова и его коллег – единомышленников, а также основываясь материалах научного проек-

¹ См.: Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. С. 23 – 27.

та Федерального архивного агентства «Голод в СССР. 1929 – 1934 гг.»² и других источниках, попытаемся тезисно, не претендуя на бесспорность и категоричность суждений и оценок, следующим образом охарактеризовать механизм возникновения в СССР голода в начале 1930-х гг., кульминацией которого явилась трагедия 1932 – 33 гг. То есть, в центре нашего внимания причины трагедии. Такие важнейшие её аспекты, как масштабы, региональные особенности и демографические последствия голода не рассматриваются в данной статье.

Итак, первый тезис. Причины голода следует искать в комплексе факторов объективного и субъективного характера. Объективным фактором голода была индустриальная модернизация страны, как исторически закономерное явление и, как свидетельствует мировая история, всегда сопровождающееся лишениями и страданиями миллионов людей, в том числе в России, как это было, например, во время первого «Царя-голода» 1891 – 92 гг.³ То есть, имеющая объективный характер модернизация всегда имеет свою цену в человеческих жизнях.

Её величина определялась и определяется конкретными действиями власти, осуществляющей модернизацию в конкретно-исторической обстановке, под влиянием комплекса объективных и субъективных причин.

Применительно к рассматриваемой теме речь идет о действиях Советской власти, на рубеже 1920-х-30 гг. в продолжившей начатую царским самодержавием индустриальную модернизацию страны, но уже в «сталинском варианте».

² См.: Козлов В.П. Предисловие. Голод в СССР. 1930 – 1934 гг. Famine in the USSR. 1930 – 1934. М., 2009. С. 6–8.

³ См.: Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2 Т. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 1. С. 533.

Поэтому главным субъективным фактором трагедии была политика правящего сталинского режима, сделавшим цену индустриальной модернизации СССР ужасной с точки зрения принципов гуманизма и человеческой морали. Общественности хорошо известен этот факт, и он не нуждается в доказательстве. В частности, исследователями доказана гибель от голода в 1932 – 33 гг. миллионов советских крестьян и жителей городов⁴.

Гораздо сложнее объяснить причины подобного феномена. Они обсуждаются в литературе и, на наш взгляд, выводят нас на проблему темпов индустриализации, её источников, которая в более широком смысле является проблемой НЭПа, причин его недолговечности и слова сталинистами⁵.

Вне зависимости от идейных и политических пристрастий все исследователи единодушны во мнении о неизбежности реформирования сельского хозяйства СССР, существовавшего в годы НЭПа. НЭП никогда не был крестьянским раем. Недоедание, голод в 1924 – 25 гг., аграрное перенаселение вот его постоянные спутники. Причины подобного явления лежали в низком уровне сельскохозяйственного производства, который в свою очередь определялся господством в деревне мелкотоварного индивидуального крестьянского хозяйства⁶. Это было наследие Великой русской революции и гражданской войны, завершившихся победой «крестьянской общинной революции», осуществивший, несмотря на все издержки большевистской диктатуры, кре-

⁴ См.: Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931 – 1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2001. С. 866 – 887.

⁵ См.: Как ломали НЭП. В 5-ти т. М.: 2000.

⁶ См.: Есиков С.А. Российская деревня в годы НЭПа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М.: РОССПЭН, 2010 и др.

стьянский идеал свободного хозяйствования на свободной земле⁷. Но это была «пиррова победа», поскольку, по точному определению М. Левина, произошла «архаизация деревни». Возник океан мелких крестьянских хозяйств, имевших низкую товарность производимой продукции⁸. К концу НЭПа они уже не справлялись с задачей обеспечения страны товарным хлебом.

Как известно, катализатором начала реальной аграрной реформы в СССР в «сталинском исполнении» стал кризис хлебозаготовок 1927/28 г., повлекший за собой введение в стране явочным путём карточной системы в городах, а затем и саму сплошную коллективизацию. В работах В.П. Данилова, О.В. Хлевнюка и других исследователей показано, что в сложившейся ситуации главным вопросом, по которому столкнулись сталинисты и их политические оппоненты – был вопрос о причинах кризиса хлебозаготовок и мерах по его ослаблению и ликвидации⁹.

Для Сталина кризис хлебозаготовок был саботажем кулачества, которое имело излишки хлеба, но не сдавало их государству в силу своих эгоистических и антигосударственных интересов. Для правой оппозиции проблема хлебозаготовок и возникшего в стране дефицита продовольствия имела другие корни – это отсутствие в деревне запасов хлеба в силу низкой производительности сельского хозяйства, а, вторых, усугублявшая эту проблему «чрезвычайщина» – проводимая

⁷ См.: Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. С. 26 – 28.

⁸ Левин М. Режимы и политические процессы в России в XX в. // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. С. 6.

⁹ См. Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 13 – 64; Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 27 – 28.

властью политика выколачивания из деревни всех имеющихся там запасов хлеба¹⁰.

В данном контексте возникает важнейший вопрос об альтернативе сталинской коллективизации, которая В.П. Данилову и другим исследователям виделась в программе правой оппозиции, так называемой «бухаринской альтернативе»¹¹.

Поэтому второй наш тезис – эта альтернатива существовала, а значит, существовала и альтернатива самой будущей трагедии. Но она существовала чисто гипотетически, так как правая оппозиция, в лице А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина и их сторонников, как известно, проиграла Сталину борьбу за власть, а, следовательно, лишилась возможности её осуществления.

Тем не менее, их позиция заслуживает внимания прежде всего с точки зрения лучшего понимания мотивов сталинского большинства, по которым они не поддержали её.

Суть подхода правых по выходу из возникшего в СССР в 1928 г. продовольственного кризиса как кризиса хлебозаготовок заключалась в снижении взятых темпов индустриализации, отказа от её проведения любой ценой. Технически это означало перераспределение имеющихся у государства средств, прежде всего валютных, на нужды населения, переживавшего серьезные продовольственные трудности в городе и на селе. В частности, в качестве меры ослабления набравшего силу в стране продовольственного кризиса Рыков и Бухарин предложили истратить валютные резервы СССР на закупку за рубежом до 150 млн.

¹⁰ См.: Как ломали НЭП. Т. 4.

¹¹ См.: Данилов В. П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: Человек, политик, ученый / под общ. В. В. Журавлева. М., 1990. С. 82 – 130.

пудов хлеба¹². На практике выполнение этих мер привело бы к замедлению темпов строительства флагманов первой пятилетки, и даже их временной консервации. По сути дела речь шла о резком торможении уже набравшего большую скорость локомотива индустриализации.

Из опубликованных источников видно, почему Сталин и его команда не поддержали вышеназванные меры оппозиции.

С точки зрения сталинского большинства, поддержка предложений правых по выходу из продовольственного кризиса в стране, порожденного кризисом хлебозаготовок, означала бы:

во-первых, неэффективное использование валютных средств, которых было очень мало и просто не хватило бы для принципиального изменения ситуации;

во-вторых, это означало бы замораживание ведущихся строек, на которых в условиях аграрного перенаселения и безработицы в деревне и городе, трудились сотни тысяч рабочих, в основном из крестьян (что с ними будет, если стройки останутся?)

Наконец, реализация идей правых означала бы отказ власти от политической поддержки огромной массы активистов, уже несколько лет энергично осуществляющих в деревне принудительные хлебозаготовки, то есть подрыв собственной социальной базы, каковой в деревне являлась сельская бюрократия, растущая как на дрожжах в связи с усилением административного ресурса власти и начавшимися преобразованиями.

Кроме всего названного ситуация усугубилась отказом США и других западных стран предоставить СССР кредиты на индустриализацию.

¹² Как ломали НЭП. Т. 4. С. 298, 384 – 385 и др.

В результате сталинское руководство не пошло на корректировку и изменение своей политики форсированной индустриализации. Более того, оно резко активизировало её в 1930 г., начав сплошную коллективизацию, результатом которой стал голодный мор миллионов советских людей в 1932 – 33 гг.

Отсюда вытекает третий наш тезис. Сплошная коллективизация 1930 г., ускорившая цепь событий, приведших к трагедии, была осуществлена сталинским руководством в столь варварской форме и спешке потому, что именно в этом году ему потребовались значительные финансовые средства для сохранения взятых темпов индустриализации и самой индустриализации как таковой.

В частности, в 1930 г. необходимо было заплатить валютой за произведенное на западе и поставляемое в СССР промышленное оборудование для Днепрогэса, Челябинского и Сталинградского тракторного заводов, Магнитогорского металлургического комбината и других предприятий. Например, для Днепрогэса нужна была валюта, чтобы оплатить поставку из США фирмой «General Electric» пяти генераторов. Валюта требовалась и для оплаты труда иностранных специалистов, число которых постоянно росло в связи с ростом масштабов промышленного строительства. Например, в 1930 году планировалось начать строительство Харьковского тракторного завода и других объектов, требующих валютных средств¹³.

Ситуация сложилась так, что только экспорт хлеба мог дать СССР валюту в наиболее сжатые сроки и нужном количестве. Это были «быстрые деньги», в отличие от реализации других ресурсов, в том

¹³ Индустриализация СССР 1926—1941 гг. Документы и материалы. / Под ред. М. П. Кима. М.: Наука, 1970 и др.

числе, пресловутого ТОРГСИНА¹⁴. Они нужны были именно сейчас, а не через год или два, как это произошло с ТОРГСИНом.

О том, что ставка сталинского руководства в 1930 г. была сделана именно на указанный источник индустриализации, свидетельствуют материалы ноябрьского 1929 г. пленума ЦК ВКП(б). Нарком внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микоян 11 ноября 1929 г. заявил на пленуме: «...с лета 1930 г. перед нами вырастает реальная проблема экспорта хлеба»¹⁵.

Речь шла не просто о продолжении экспорта, а о возвращении с 1930 года СССР утерянного в результате революции прежнего статуса царской России как главного экспортера зерна в европейские страны. Сталинским руководством ставилась цель оттеснить с зернового рынка Европы доминировавших там основных конкурентов – США, Аргентину и Канаду. Для этого необходимо было вывезти туда не менее 5 млн. тонн зерна и сделать это быстро, опередив своих конкурентов¹⁶.

Могли ли мелкие крестьянские хозяйства решить эту проблему? Была ли гарантия, что в 1930 г. они посеют не меньше того, что было в прошлом и не сократят ещё больше свои посевы или вообще не сорвут посевную кампанию, как это было в годы пресловутого «военного коммунизма»? Кстати об этом предупреждали сталинистов правые, и процессы эти набирали силу в доколхозной советской деревне.

Поэтому, на наш взгляд, при принятии решения о начале «революции сверху» сталинское руководство не могло не учитывать данную реальность. В 1930 г. ему нужно было очень много хлеба, чтобы продолжить индустриализацию. И гарантировать его уже не могли выхо-

¹⁴ См.: Осокина Е. Золото для индустриализации: ТОРГСИН. М.: РОССПЭН, 2009.

¹⁵ Как ломали нэп. Т. 5. С. 83.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 41 – 42.

дившие из-под контроля и слабо управляемые крестьяне-единоличники. Их должны были заместить колхозы, показавшие свою управляемость во время кризиса хлебозаготовок с точки зрения выполнения государственных планов.

Для принятия такого решения у Сталина был и опыт предшествующих хлебозаготовительных кампаний, которые дали положительный результат с точки зрения выполнения плана, особенно в 1929 г., когда план был не только выполнен, но и впервые создан так называемый неприкосновенный хлебный фонд в 100 млн. пудов¹⁷. А то, что ценой за это стало наступление в 1930 г. голода в зерновых районах страны¹⁸, вождя не тревожило, поскольку все издержки списывались на засуху и «кулацкий саботаж», да и сам голод не выглядел чем то из ряда вон выходящим с точки зрения деревенской повседневности, и не только НЭПа, но и предшествующей истории страны¹⁹.

Кроме того в деревне ждали приказа вождя о продолжении «революции сверху» сотни тысяч преданных и верящих ему активистов, с менталитетом гражданской войны, и в большинстве своём молодые, делавшие стремительную бюрократическую карьеру (по переписи 1926 года 60% сельских жителей были моложе 30 лет).

Таким образом, у сталинского руководства имелись серьёзные основания и возможности для начала сплошной коллективизации в той форме, в какой она была осуществлена. Её целью была вполне прагматичная цель – увеличение товарности зернового производства с помощью колхозов ради получения «быстрых денег» (валюты) для обеспе-

¹⁷ Как ломали нэп. Т. 5. С. 80.

¹⁸ Голод в СССР. 1930–1934 гг. *Famine in the USSR. 1930–1934*. М., 2009. С. 30–84.

¹⁹ См.: Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Т. 1. С. 530–535.

чения не терпящих отлагательства текущих потребностей индустриализации.

Об этом неоднократно говорил сам И.В. Сталин своему ближайшему окружению в 1929 – 1930-х гг. Данный факт хорошо виден по многочисленным документам на тему хлебозаготовок рассматриваемого периода. Вот лишь некоторые примеры:

Из письма И.В. Сталина В.М. Молотову от 21 августа 1929 г.: «Хлебозаготовки в нынешнем году – основное в нашей практике, – если на этом сорвемся, все будет смято»²⁰.

Спустя неделю в другом письме он заявлял: «Если с хлебом выиграем, – выиграем во всем, и в области внутренней, и в области внешней политики»²¹.

Через год в письме тому же адресату вождь указывал: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут»²².

И наконец, в письме В.М. Молотову от 24 августа 1930 г. он подчеркивал: «Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 мил[лионов] пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинзавод и пр.) заводов»²³.

Анализируя механизм развития ситуации вокруг коллективизации и хлебозаготовок в 1929 – 1932 гг., приведших к трагедии, на наш взгляд, следует обратить внимание на такой аспект, который почти вы-

²⁰ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925 – 1936 гг.: Сб. док. М., 1995. С. 147.

²¹ Там же. С. 156.

²² Там же. С. 194.

²³ Там же. С. 203.

пал из поля зрения исследователей сталинской эпохи, как международный контекст, внешний фактор сталинской модернизации.

Речь не идёт о военной угрозе, которой не было, хотя обстановка на Дальнем Востоке, в Монголии и Манчжурии в начале 1930-х годов была весьма взрывоопасной из-за активной империалистической политики Японии. И об этом следует помнить применительно к хлебозаготовкам 1932 года, проходившим на этом фоне. Мы имеем в виду ситуацию в Европе, отношение ведущих европейских стран и США к СССР. Чтобы форсировать индустриализацию с помощью насильственной коллективизации сталинское руководство должно было получить поддержку извне. В частности, чтобы начать масштабный экспорт зерна в Европу надо было иметь гарантии, что его там купят. А зачем Европе советское зерно, если она уже давно заменила Советскую Россию другими поставщиками и могла бы дальше обойтись без её услуг?

Поэтому нами выдвигается ещё один тезис. Сталинский вариант индустриальной модернизации стал возможен из-за участия в нём ведущих европейских стран и США, которые также должны взять на себя определенную долю ответственности за его трагические последствия.

Многочисленные документы убедительно свидетельствуют, что между сталинским режимом и правительствами ведущих европейских стран и США была заключена сделка, причем для последних на более выгодных условиях. В частности, европейцам сыграл на руку мировой экономический кризис, обрушивший цены на зерно, и поставивший Советский Союз в тяжёлые условия. Чтобы компенсировать потери, ему пришлось вывозить гораздо больше зерна, что обусловило усиле-

ние нажима на зерновые экспортные районы страны при проведении хлебозаготовок. Вот лишь два документа на эту тему:

Из письма И.В. Сталина В.М. Молотову от 24 августа 1930 г.: «Найдутся мудрецы, которые предложат подождать с вывозом, пока цены на хлеб на междун[ародном] рынке не подымутся "до высшей точки". Таких мудрецов немало в Наркомторге. Этих мудрецов надо гнать в шею, ибо они тянут нас в капкан. Чтобы ждать, надо иметь валютн[ые] резервы. А у нас их нет. Чтобы ждать, надо иметь обеспеченные позиции на междун[ародном] хлебн[ом] рынке. А у нас нет уже там давно никаких позиций, – мы их только завоевываем теперь, пользуясь специфически благоприятными для нас условиями, созданными в данный момент. Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба»²⁴.

Из выступлений А.И. Микояна, на октябрьском 1931 г. пленуме ЦК ВКП(б): «нам пришлось увеличить против первоначального плана экспорт хлеба в силу потребности в валюте на оборудование для индустрии. Мировой кризис привел к резкому падению цен на с/х продукты, в том числе и на наш экспорт»²⁵.

В сложившейся ситуации оказалась реализована формула «Хлеб в обмен на валюту, валюта в обмен на станки и обратно в том же направлении». Советское зерно по более низким ценам, чем у конкурентов, было куплено ведущими странами Западной Европы, в том числе в обмен на загрузку попавшей в кризис европейской промышленности советскими заказами.

²⁴ Там же. С. 203 – 204.

²⁵ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 198.

Показательным в этом плане является директива Политбюро ЦК ВКП(б) торгпреду СССР в Италии Левенсону от 27 августа 1931 г.: «Принять предложение т. Сталина о добавлении к директиве пункта о том, что в случае неудовлетворения наших требований (имеется ввиду квоты на поставку пшеницы) прекратим дачу заказов и сократим вывоз из Италии»²⁶.

Таким образом, насущные потребности индустриализации заставили сталинское руководство запустить механизм форсированной выкачки из деревни ресурсов, прежде всего хлеба. Эта проблема заслонила собой всё остальное, в том числе негативные последствия такой политики для сельского хозяйства страны.

В течение двух лет сельское хозяйство СССР кардинально изменилось и превратилось в колхозно-совхозный строй. И здесь, на наш взгляд, для понимания механизма трагедии очень уместным является цитата из последней монографии Моше Левина «Советский век»: «Такое состояние сельского хозяйства представляло собой драматический пример вышедшей из-под контроля модернизации»²⁷.

Следующий и последний наш тезис. И.В. Сталин не хотел и не планировал голода. Он стал результатом порожденных его политикой проблем, неожиданных для режима, а также слабых сторон последнего, или его «родимых пятен», во всей красе проявившихся в функционировании созданной Сталиным государственной системы управления.

Самым непредвиденным для сталинского режима последствием коллективизации стала реакция крестьянства на коллективизацию. Его

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 174, 179.

²⁷ Левин М. Советский век. М., 2008. С. 249 – 262.

сопротивление оказалось сильнее и глубже, чем ожидалось. Изъятие из деревни так называемых кулаков не привело к её покорности.

На крестьян не подействовала также и мощнейшая пропагандистская кампания насчёт преимуществ колхозного строя, тракторов, культурной революции и т.д., поскольку их реальная жизнь в сталинских колхозах (работа за палочки, выкачка заготовителями зерна и других продуктов, не считаясь с их интересами и при плохом, и при высоком урожае), являлась более сильным агитатором.

Поэтому с первого же года коллективизации они начали свою войну против государства «оружием слабых», то есть без особого энтузиазма выполнять государственные повинности, работать в колхозах, названных ими по аббревиатуре ВКП(б) – «вторым крепостным правом большевиков». Кульминацией противостояния советской деревни и сталинистов стал 1932 год, навсегда вошедший в историю как год сталинского закона о «5 колосках» и беспредела чрезвычайных хлебозаготовок, закончившихся ужаснейшим голодом. Крестьянское сопротивление стало одним из факторов снижения уровня сельскохозяйственного производства, урожайности зерновых хлебов и продуктивности животноводства²⁸.

Непредвиденным последствием коллективизации стал стихийный исход из деревни миллионов самых трудоспособных крестьян в города, ещё больше ослабивший людской потенциал сельской экономики, итак уже подорванной раскулачиванием, резко обостривший проблему продовольственного снабжения городов²⁹.

²⁸ См.: Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревне. С. 66 – 171.

²⁹ Всего за период с 1929 по 1932 гг. убыль сельского населения по причине миграции в города составила 6876,4 тыс. человек. – В.К.

Незапланированным для режима стало катастрофическое сокращение поголовья скота в первые два года коллективизации, численность которого была восстановлена только в 1958 году. Решающую роль в этом сыграла бескормица как результат хлебозаготовок. По подсчетам С. Уиткрофта, зерно на корм скоту в сельском хозяйстве СССР сократилось с 18,5 млн. т в 1928 году до 10,2 млн. т в 1932/33 г.³⁰ Кроме того, скота не стало из-за его активного убоя крестьянами на еду в условиях бескормицы и бескормицы по причине тех же хлебозаготовок. Это также резко усугубило продовольственное обеспечение страны.

И.В. Сталин и его сподвижники всю вину за упадок сельского хозяйства в результате коллективизации возложили на крестьянство. Но оно не было виновато в развале сельской экономики. Голод наступил не потому, что они плохо работали. Он наступил потому, что так работала созданная вождём бюрократическая система управления сельским хозяйством, которая, осуществляя политику вождя, развалила его в течение трех лет коллективизации. Именно по этой, а не какой иной причине, в стране возник огромный дефицит продовольствия. По данным того же Уиткрофта, продовольственное потребление в сельском хозяйстве СССР упало с 31,2 млн. т в 1928 году до 18,4 млн. т в 1932/33 году, то есть почти на 60%³¹.

Пороки сталинской бюрократической машины в сфере управления сельским хозяйством страны в годы первой пятилетки можно кратко охарактеризовать следующим образом.

Выполняя политическую волю сталинского руководства, Наркомснаб, Комитет заготовок, Колхозцентр и другие учреждения

³⁰ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 854.

³¹ Там же.

спланировали нереальные с точки зрения организационно-хозяйственного состояния аграрной экономики планы обязательных поставок сельхозпродукции колхозам, совхозам и единоличным хозяйствам. В целом, не смотря на определенные колебания, в ряде случаев весьма серьезные, их поддержал и обеспечил выполнение партийно-советский аппарат на местах. В результате хлебозаготовки обескровили деревню³².

В 1930 – 1932 гг. не сработала «подушка безопасности» для колхозов, каковой должны были стать фабрики по производству зерна, молока и мяса – совхозы. Из-за бюрократической неразберихи и издержек планирования они полностью обанкротились, сорвав выполнение всех государственных планов. Их недоимки были наложены на колхозы и единоличные хозяйства, ещё больше усугубив их и так тяжёлое положение³³.

Уничтожив оппозицию, Сталин стал заложником созданной им системы бюрократической дисциплины, когда не допускалась критика его политики, поощрялось беспрекословное выполнение директив Центра, причем любой ценой. В результате повсеместное распространение получили так называемые «перегибы на местах», очковтирательство, сокрытие от Центра реальной обстановке в стране. Наиболее яркие примеры на эту тему – это ситуация на Украине, руководство которой до последнего скрывало от Центра масштабы кризиса и уже наступившего голода³⁴.

Отрезвление и осознание реальной ситуации в сельском хозяйстве страны, видимо, наступило для сталинского руководства в начале 1932

³² См.: Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 97 – 100.

³³ Там же. С. 97.

³⁴ Там же. С. 100.

г., когда голод уже терзал основные зерновые районы страны и Казахстан, и возникла реальная угроза срыва посевной кампании.

Чтобы изменить её весной 1932 г. были предприняты меры так называемого «неонэпа»: разрешение колхозной торговли после выполнения государственных планов и т.д. Но меры эти оказались запоздалыми. Сельское хозяйство уже было подорвано коллективизацией и хлебозаготовками, крестьянство не верило власти. Отсюда массовое воровство колхозного хлеба, бегство крестьян в города, срыв уборочной кампании в 1932 г.³⁵

В данной ситуации хорошо известные в литературе чрезвычайные меры по сохранению колхозного строя, предпринятые сталинским руководством во второй половине 1932 г. – начале 1933 г., приведшие к трагедии, были предопределены. Их суть заключалась в установлении государственного контроля над всеми продовольственными запасами в стране и сельским населением. На наш взгляд, так, как действовало сталинское руководство в этой ситуации, должна была действовать любая другая власть, ибо необходимо было не допустить всеобщего хаоса и окончательного развала экономики. Но ситуация эта возникла не сама по себе, а по вине сталинского режима.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, механизм возникновения голода в СССР в начале 1930-х гг. можно представить следующим образом:

Первое – решение об организации масштабного экспорта зерна ради продолжения индустриализации и его осуществление с помощью насильственной коллективизации путём резкого увеличения государственных хлебозаготовок;

³⁵ См. об этом подробнее: Трагедия советской деревни. Т. 3.

Второе – упадок сельского хозяйства в 1931 – 1932 гг. как результат этих мер и коллективизации в целом.

Третье – крестьянское сопротивление политики власти, усугубившее ситуацию;

Четвертое – чрезвычайные меры второй половины 1932 г. – начала 1933 г. по сохранению сельского хозяйства и закреплению сельского населения в колхозах. Причем они использовались сталинским режимом в сложившейся обстановке и для решения других проблем, напрямую не порожденных кризисом, но связанных с ним и очень важных для режима с точки зрения его укрепления и стабильности (например, борьба с украинским национализмом, спецами в Наркомземе и т.д.).

Структура занятости на селе и личное подсобное хозяйство в период экономического роста в России *

1. Введение: динамика личного подсобного хозяйства в переходной экономике России

Личное подсобное хозяйство (далее ЛПХ) является одним из самых распространенных видов неформальной экономической деятельности среди сельских домашних хозяйств. Согласно федеральному закону «О личном подсобном хозяйстве»,¹ ЛПХ определяется как форма непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции.² ЛПХ ведется гражданином и (или) проживающими с ним членами его семьи, совместно осуществляющими ведение ЛПХ на земельном участке, предоставленном и (или) приобретенном для ведения ЛПХ, с целью удовлетворения личных потребностей.³ На земельном участке семьи выращивают овощи, фрукты, и содержат скот, птицу и т.д. Со

* Данная работа выполнена при поддержке Grant-in-Aid for Young Scientists (B) (No. 21730237) и Grant-in-Aid for Scientific Research (B) (No. 21402019). Автор выражает благодарность А. Лукьянове и В. Кравцову за комментарии. Все ошибки остаются на совести автора.

¹ Федеральный закон N 112-ФЗ от 7 июля 2003 г. «О личном подсобном хозяйстве». Реализация продукции при ведении ЛПХ не является предпринимательской деятельностью, поэтому уплата налогов от полученных доходов ЛПХ не является обязательной.

² На земельном участке (приусадебном либо полевом) выращиваются овощи и фрукты, и содержатся сельскохозяйственные животные, пчелы и птица.

³ Согласно Земельному кодексу РФ, владельцу ЛПХ нужно уплачивать земельный налог. Однако, законодательством определены льготы по уплате земельного налога. Согласно этим льготам ЛПХ может полностью освобождаться от уплаты земельного налога.

Структура занятости на селе и ЛПХ

времен Советского Союза до сегодняшнего дня эта деятельность ведется в основном для удовлетворения нужд личного потребления, и ЛПХ имеют возможность получать поддержку от сельскохозяйственных предприятий (бывших колхозов или совхозов).⁴ Как и раньше, для сельских жителей с небольшими доходами, сельскохозяйственная продукция ЛПХ компенсируют низкий уровень заработной платы на селе и играет важную роль в выживании. Однако занятость в ЛПХ остается неформальной и уровень производительности труда относительно низок.⁵

Распространённым считалось мнение, что феномен ЛПХ постепенно исчезнет по мере перехода к рыночной экономике. Однако, напротив, в 1990-е годы, с началом рыночных реформ, ЛПХ получили широкое распространение. На рисунке 1 представлена структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в 1970–2009 г. В список категорий хозяйств включаются: сельскохозяйственные организации, хозяйства населения и крестьянские (фермерские) хозяйства. Необходимо отметить, что в советское время фермерских хозяйств не существовало, и они стали появляться лишь в 1992 г. Кроме того, в категорию «хозяйства населения» входят не только ЛПХ сельских жителей, но и выращивание овощей и фруктов городскими жителями в садах, огородах, на дачах. В советское время, социалистическая идеология ограничивала сельскохозяйственную деятельность ЛПХ, несмотря на то, что она была разрешена с 1930-х годов.⁶ В конце

⁴ Согласно Федеральному закону «О ЛПХ», на ЛПХ распространяются меры государственной поддержки, предусмотренные законодательством РФ для сельскохозяйственных товаропроизводителей и осуществляемые за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов.

⁵ В статистике, по определению, если человек работает в ЛПХ для собственного потребления больше 30 часов в неделю, то такая экономическая активность классифицируется как занятость в неформальном секторе.

⁶ В примерном уставе сельскохозяйственной артели, принятом в 1935 г., предусматривались приусадебные участки земли для колхозников, содержание животных и т.д. В советское время примерный устав несколько раз изменялся. В результате того, что в 1988 году, в ходе перестройки, он был радикально пересмотрен, максимальный размер приусадебного участка и количество голов скота были дерегулированы (Matusi 1999;

1970-х годов, государство, с целью увеличения производства сельскохозяйственной продукции, начало активно поощрять сельскохозяйственную деятельность. Подсобные хозяйства городских жителей стали легальными после Второй мировой войны, когда существовала нехватка продовольственной продукции, и получили распространение в конце 1950-х годов (Takeda 2011).

Как показано на рисунке 1, доля хозяйств населения в общем производстве сельскохозяйственной продукции начала увеличиваться в середине 1980-х годов, во время перестройки. С началом перехода к рыночной экономике в 1992 году, эта доля постепенно увеличивалась и достигла пика в кризисном 1998 году. Причины увеличения доли производства хозяйств населения начиная со времен перестройки можно обобщить следующим образом. Во-первых, в 1988 г. сильно изменился примерный устав сельскохозяйственной артели. В результате этого деятельности ЛПХ было полностью дерегулировано. Во-вторых, проведение земельных реформ в период перехода к рыночной экономике способствовало расширению приусадебных участков земли для ЛПХ как сельских, так и городских жителей.⁷ В-третьих, во время социально-экономической нестабильности, важность роли ЛПХ в самообеспечении возросла. Несмотря на то, что в 1999 году, когда в России начал наблюдаться экономический рост, доля производства хозяйств населения в общем производстве сельскохозяйственной продукции стала уменьшаться, эта доля превышала до-реформенный уровень и оставалась высокой.⁸

Как уже отмечалось, кроме деятельности ЛПХ сельских жителей, в категорию «хозяйства населения» включена производительная деятельность городских жителей в садах, огородах и на дачных участках. Однако, большинство земель, используемых в хозяйствах населения, все же принадлежат ЛПХ сельских жителей. В таблице 1 приводится количество хозяйств населения, имевших земельные участки в 1990–

Yamamura 1997).

⁷ Земельная реформа произошла в 1991–1992 гг.

⁸ Смотрите в Приложении подробнее о структуре производства основных видов сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств.

Структура занятости на селе и ЛПХ

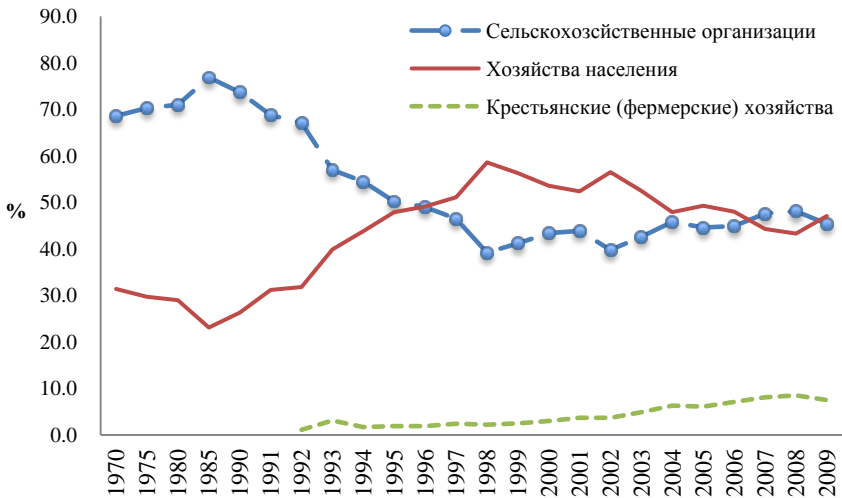

Рис. 1: Динамика производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в период с 1970 по 2009 годы

Примечания: В категорию «хозяйства населения» включены не только личные подсобные хозяйства (ЛПХ) сельских жителей, но и выращивание овощей и фруктов (дачное хозяйство) городскими жителями. Категория хозяйств «крестьянские (фермерские) хозяйства» появилась в 1992 году, когда начался переход к рыночной экономике. В эту категорию включены индивидуальные предприниматели.

Источники: Росстат. 2000. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, С. 362 ; Росстат. 2005. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, С. 444 ; Росстат. 2010. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, С. 425.

2006 г. В этот период количество сельских домашних хозяйств, занимающихся ЛПХ, изменилось несильно, а площадь земель в среднем на одно домашнее хозяйство увеличилась примерно два раза.

Как было сказано ранее, в 1990-е годы, в начале перехода к рыночной экономике, сельскохозяйственное производство ЛПХ резко увеличилось. Несмотря на то, что в период экономического роста после 1999 г. доля производства сельскохозяйственной продукции ЛПХ в общем производстве сельскохозяйственной продукции имела тенденцию к уменьшению, эта доля оставалась высокой и имела тенден-

Таблица 1: Количество домашних хозяйств, имевших земельные участки в период с 1990 по 2006 гг.

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Личные подсобные хозяйства:																	
Число семей, млн.	16,3	17,1	19,3	16,6	16,6	16,3	16,3	16,4	16,0	15,5	16,0	16,0	15,9	16,0	16,0	16,0	17,4
Площадь земель:																	
всего, тыс. га	3250	3420	5211	5810	6142	5810	5805	5923	6433	6137	6243	6545	6914	7014	7078	7050	8891
в среднем на одну семью, га	0,20	0,20	0,27	0,35	0,37	0,36	0,36	0,36	0,40	0,40	0,39	0,41	0,43	0,44	0,44	0,44	0,51
Коллективные и индивидуальные сады:																	
Число семей, млн.	8,5	11,6	13,5	14,3	14,8	15,0	15,1	15,1	14,5	14,1	14,9	14,6	14,6	14,5	14,5	14,1	12,9
Площадь земель:																	
всего, тыс. га	576	886	1083	1167	1209	1242	1267	1264	1260	1262	1265	1263	1260	1259	1258	1249	1124
в среднем на одну семью, га	0,07	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,09	0,09	0,09	0,09	0,09	0,09	0,09	0,09	0,07
Коллективные и индивидуальные огороды:																	
Число семей, млн.	5,1	7,4	7,9	8,2	7,6	7,4	7,0	6,6	5,1	5,1	5,1	4,7	4,4	4,3	4,1	3,2	0,7
Площадь земель:																	
всего, тыс. га	379	554	601	654	621	603	576	545	447	437	469	458	420	408	404	322	67
в среднем на одну семью, га	0,07	0,07	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,09	0,09	0,09	0,10	0,10	0,10	0,10	0,10	0,08

Источники: Госкомстат России. 1998. Сельское хозяйство в России. С. 87; Госкомстат России. 2002. Сельское хозяйство в России. С. 87; Росстат. 2007. Российский статистический ежегодник. С. 453.

цию к увеличению в 2009 году до того, как произошел экономический кризис. При этом возникает парадоксальная ситуация. Почему доля производства ЛПХ в общем производстве сельскохозяйственной продукции уменьшилась? Почему, после 20 лет распада СССР, ЛПХ продолжает существовать на селе в России? Какие изменения на селе связываются с изменением ЛПХ? Мы попытаемся ответить на эти вопросы на базе эмпирического анализа с использованием микроданных РМЭЗ НИУ–ВШЭ (Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ).⁹

Статья структурирована следующим образом. Актуальность интересующих нас вопросов рассматривается в обзоре существующей литературы, анализирующей деятельность ЛПХ. На следующем шаге описываются данные и модель, используемые в работе. Далее роль ЛПХ анализируется эмпирически на основе разработанной нами модели, и результаты этого анализа представлены в четвертом разделе. В заключении сформулированы основные выводы.

2. Обзор существующей литературы по личному подсобному хозяйству: несколько исследований на основе микроданных

В период перехода от социалистической к рыночной экономике в России появились немногочисленные исследования, изучающие роль ЛПХ на основе данных исследований, базирующихся на анкетировании и использовании микроданных. Одной из самых первых работ в этой области является статья Seeth et al.(1998). Согласно этой работе, в начале 1990-х годов отсутствовали какие бы то ни было исследования домашних хозяйств с целью изучения проблем подсобных хозяйств населения. В этой связи Seeth et al.(1998) сами провели исследование домашних хозяйств в трех областях на Западе России (Псковской, Орловской и Ростовской области). Хотя выборка их обследования бы-

⁹ См. подробнее о РМЭЗ НИУ–ВШЭ в главе 3.1.

ла ограничена 250 семьями в каждой области, авторы утверждают, что проведенное исследование является репрезентативным на областном уровне. На основе этого исследования было продемонстрировано, что в середине 1990-х гг. на селе в России ведение ЛПХ являлось стратегией выживания для сельских жителей.

Позже, в работе Pallot and Nefedova (2003) отмечалось, что хотя в начале 1990-х годов считалось, что ЛПХ постепенно исчезнет, в 2000 г. такой тенденция исчезновения не наблюдалась. В дополнение, была представлена альтернативная точка зрения, отличная от Seeth et al. (1998). Для того чтобы исследовать характеристики деятельности хозяйств населения, в 2001 и 2002 гг. Pallot и Nefedova взяли интервью у домашних хозяйств Московской, Саратовской, Рязанской и Пермской областей. Затем, используя официальные данные Росстата и данные проведенных интервью, было показано, как изменились цели ЛПХ. Согласно полученным результатам, в начале переходного периода хозяйства населения перестали быть стратегией выживания. Это означает, что цель ЛПХ меняется от стратегии выживания к получению доходов от продажи сельскохозяйственной продукции ЛПХ.

Капелюшников (2006) подробно описывает занятость в домашних хозяйствах населения, используя выборочное обследование занятости (ОНПЗ) за 1999–2002 гг. Он отмечает, что в начале 2000 года, когда начался устойчивый экономический рост, для городских жителей хозяйство населения перешло в разряд «хобби» на даче (национальный «спорт»), для сельских жителей роль ЛПХ как стратегии выживания также уменьшилась. При этом число занятых в хозяйстве населения осталось большим. Например, в 2002 г. число занятых в этом секторе было два раза больше, чем в формальном сельскохозяйственном секторе. Хозяйства населения являются неформальным сектором, которое направлено не на рынок, а на самообеспечение. Капелюшников заключает, что если ЛПХ доминируют в производстве сельскохозяйственной продукции и также в занятости на селе, то они могут сильно исказить функционирование рынка труда.

Lerman et al. (2008) описывают разнообразие форм занятости на селе, используя исследование сельских домашних хозяйств, которые

проводились в Пермской и Ивановской областях. Отмечая, что сельскохозяйственная организация уже не является главным рабочим местом для сельских жителей, Lerman et al. изучают разнообразие источников доходов, а также внесельскохозяйственную занятость. Обычно, когда речь идет о внесельскохозяйственной занятости, рассматривается занятость в формальном секторе, в котором производительность труда высока. Однако авторы статьи обращают внимание не только на такие формы занятости, но и на самозанятость с низкой производительностью труда. Большая часть такой самозанятости связана с материальной недостаточностью, например, сбор и продажа грибов и ягод.

Из вышеприведенных работ можно предположить, что в 1990-х годах ЛПХ играло очень важную роль в выживании для сельских жителей. Наоборот, с 2000 года, когда начался продолжительный экономический рост, важность ЛПХ как стратегии выживания уменьшалась по сравнению с предшествующим периодом. Однако численность занятых, для которых ЛПХ является основной либо дополнительной работой, все еще остается большой. Даже в начале 2000-х годов занятость в неформальном сельскохозяйственном секторе с целью удовлетворения собственных потребностей (т.е. в сфере ЛПХ) практически не сокращалась.

Хотя в вышеприведенных исследованиях показывается изменение роли ЛПХ в период экономического роста, приведенные исследования не анализируют причины, по которым ЛПХ продолжают существовать при экономическом росте. С целью заполнить брешь в существующей литературе, в данной работе анализируется изменение роли ЛПХ и структуры занятости на селе в период экономического роста в России.

3. Данные и модель

3.1 Данные

В данной работе используются микроданные РМЭЗ НИУ–ВШЭ (Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ).¹⁰ Эти данные представляют собой лонгитюдное исследование домохозяйств, которое начиная с 1992 г. регулярно проводилось Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill (США) и Институтом социологии РАН с целью наблюдения влияния реформ в стране на благосостояние на индивидуальном уровне и уровне домохозяйств. С 2010 г. это исследование проводится при НИУ–ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии вышеуказанных институтов. Выборка является репрезентативной в целом по России.

В анкету РМЭЗ НИУ–ВШЭ включено много вопросов, связанных с ЛПХ и занятостью членов домохозяйства. По состоянию на 2011 г. можно получить микроданные за 1992–2009 гг. В этой работе мы используем микроданные за 2004–2009 гг. Как показано ниже, для анализа ЛПХ в сельскохозяйственной и несельскохозяйственной сферах занятости необходимы данные по основному виду деятельности предприятия (организации либо учреждения) по основному месту работы каждого члена домохозяйства. Однако только с 2004 г. респондентам РМЭЗ НИУ–ВШЭ задавались вопросы о виде деятельности. В этой связи в данной статье были использованы данные РМЭЗ НИУ–ВШЭ за 2004–2009 г.

Для того, чтобы смоделировать стратегию выживания, описанную в главе 3.2, были использованы микроданные за 2007 год по трем основным причинам. Во-первых, как уже отмечалось, РМЭЗ НИУ–ВШЭ начал опрашивать респондентов о виде деятельности только с 2004 года. Однако в анкетах, начиная с 2005 г., включен один вид деятельности, который не был включен в анкету 2004 года. Для того, чтобы использовать последовательную классификацию при анализе, данные за 2004 год были исключены. Во-вторых, на основе данных за 2006 г. Lerman et al. (2008) проанализировали «внесельскохозяйствен-

¹⁰ The Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS–HSE). <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms-hse>. <http://www.hse.ru/org/hse/rfms>.

ную занятость» на селе, при том что используемые ими данные были не общенациональны и нерепрезентативны.¹¹ Таким образом, в данную работу включены данные после 2006 года. Во-вторых, существует вероятность, что в 2008–2009 годах наблюдался специфический эффект мирового экономического кризиса. Так как объектом нашего исследования является село при устойчивом макроэкономическом росте, данные за 2008–2009 годы были исключены. Таким образом, для вычисления модели, нами были использованы данные за 2007 год. Предполагается, что в 2007 г. можно наблюдать какое-либо влияние макроэкономического роста, который начал наблюдаться в России примерно 10 лет назад, на сельскохозяйственную деятельность.

3.2 Модель стратегии выживания

Для анализа изменения роли ЛПХ в условиях экономического роста, в данной работе протестированы две гипотезы. Помощь в натуральном виде от сельскохозяйственной организации (бывшего колхоза либо совхоза), например получение зерен и кормов, позволяет сельским семьям осуществлять ЛПХ. Роль такой помощи проявляется в компенсации низкой заработной платы в сельскохозяйственном секторе. Итак, гипотеза один – наблюдается ли отношение сосуществования при экономическом росте между сельскохозяйственной организацией и ЛПХ, которое имело место советское время? Для того, чтобы протестировать эту гипотезу, в данной работе создана следующая модель личного подсобного хозяйства как стратегии выживания:

$$y_h = y(X_h, A_h, D_h, \varepsilon_h) \quad (1)$$

Здесь, y_h – логарифм доли денежной стоимости личного потребления продукции от ЛПХ во всех расходах на продовольственные товары у домохозяйства h . Чем больше доля стоимости личного потребления,

¹¹ Для определения понятия «несельскохозяйственной занятости», которая используется в данной работе, смотрите главу 2.

тем большую роль ЛПХ играет в выживании для этого домохозяйства. Независимая переменная X_h – вектор переменных семейного характера, который состоит из числа членов домохозяйства h (логарифм); доли женщин в составе домохозяйства h ; возрастной структуры домохозяйства h ; числа незанятых (безработных и экономических неактивных) домохозяйства h ; суммарного образовательного уровня домохозяйства h . Было выделено три группы по возрасту: дети (15 лет и моложе), трудоспособное население (16–54/59 лет), пенсионеры (55 лет и старше для женщин, 60 лет и старше для мужчин). Переменные возрастной структуры домохозяйства вычислялись путем деления количества его членов по возрастным группам на общее количество членов домохозяйства. Суммарный образовательный уровень домохозяйства вычислялся следующим образом. Если один член семьи закончил шесть классов, то ему присваивался 1 балл. Если закончил семь либо восемь классов – 2 балла. Если учился, но не закончил среднее образование – 3 балла. Если закончил среднее образование – 4 балла. Если средне профессиональное – 5 баллов. Если высшее образование – 6 баллов. Суммарный образовательный уровень домохозяйства определяется как логарифм суммарных баллов всех членов семьи. Кроме того, для контроля региона проживания, в Equation 1 включены фиктивные переменные D_h для 8 федеральных округов (Центральный Ф.О., Северо-Западный Ф.О., Южный Ф.О., Северо-Кавказский Ф.О., Приволжский Ф.О., Уральский Ф.О., Сибирский Ф.О., и Дальневосточный Ф.О.). ε_h – нормально распределенный остаток.

Нужно отметить, что в Equation 1 включен вектор A_h характеризующий сельскохозяйственный сектор. В данной работе A_h – число членов семьи, которые работают в сельскохозяйственной организации. Если кто-нибудь в семье работает в сельскохозяйственной организации, то эта семья получает от нее семена, корма и т.д., которые нужны для проведения ЛПХ. В результате, эти семьи получают больше возможностей производить продукции в ЛПХ. Например, если бы в условиях экономического роста после 1999 года, сельские жители в России уменьшили личное потребление продукции от ЛПХ и стали чаще покупать продовольственные товары на рынках, то есть если бы

ЛПХ перестало играть значительную роль в выживании на селе, то коэффициент при переменной A_h оказался бы статистически незначимым.

Гипотеза два – расширение активности во несельскохозяйственном секторе уменьшает роль ЛПХ для выживания на селе. Для того, чтобы протестировать эту гипотезу, Equation 1 было расширено следующим образом.

$$y_h = y(X_h, A_h, D_h, NA_h, \varepsilon_h) \quad (2)$$

Добавляемая в Equation 2 независимая переменная – NA_h является вектором, характеризующим занятость домохозяйства h в несельскохозяйственном секторе. То есть, в семье это число занятых в промышленности и занятых в сфере услуг. Промышленные отрасли включают легкую промышленность, гражданское машиностроение, военно-промышленный комплекс (ВПК), нефтегазовую промышленность, другие отрасли тяжелой промышленности и строительство. В сферу услуг включены транспорт и связь, торговля, бытовое обслуживание и финансы.

Если в семье есть член работающий в сельскохозяйственной организации, ЛПХ может оказаться такой производительной деятельностью, которая позволяет этой семье пренебрегать такими затратами на производство, как затраты на семена и корма. В следствие такого положения, когда работники и служащие сельскохозяйственных организаций обеспечиваются ресурсами для ведения ЛПХ, этим семьям не нужно думать о затратах для ведения ЛПХ. При этом любой член семьи сможет вкладывать свое свободное время и ресурсы для ЛПХ.¹² Таким образом, производительная деятельность ЛПХ является трудоемкой и мешает расширению формального сектора на селе. Если на селе появляются дополнительные возможности участвовать во внесельскохозяйственной занятости, то лишняя рабочая сила в домохозяйстве, которая применялась в ЛПХ станет с большей вероятностью

¹² ЛПХ является очень трудоемкой производственной деятельностью.

применяться в формальном секторе с более высокой производительностью труда. В результате этого, экономическая деятельность с низкой производительностью труда (ЛПХ) уменьшится, и неформальный сектор сократится. Тестируя вторую гипотезу о роли ЛПХ как стратегии выживания, мы выясним, какая формальная несельскохозяйственная деятельность уменьшает роль ЛПХ. Вместе с тем, подтверждение первой и второй гипотез также продемонстрирует причины, объясняющие, почему при экономическом росте ЛПХ все равно сохраняются на селе.

В следующей главе рассматриваются эти две гипотезы. Как уже отмечено ранее, для анализа использованы микроданные РМЭЗ НИУ–ВШЭ за 2007 год, т.е. за период непосредственно перед мировым финансовым кризисом. В таблице 2 показаны основные дескриптивные статистики для переменных, использованных в данной работе.

4. Определяющие стратегии выживания ЛПХ

4.1. Взаимосвязь и сосуществование ЛПХ и сельскохозяйственной организации

В таблице 3 приведены результаты эмпирической оценки модели методом наименьших квадратов (МНК-регрессия). В первой колонке таблицы 3 приведены результаты эмпирической оценки Гипотезы 1 (Модель 1):

Гипотеза 1:

Отношения между ЛПХ и сельскохозяйственной организацией продолжают сосуществовать.

Переменная, отвечающая за число членов семьи, работающих в сель-

Структура занятости на селе и ЛПХ

Таблица 2: Общая статистика

	Средняя величина	Стандарт. отклонение
<u>Зависимая переменная:</u>		
Доля денежной стоимости личного потребления продукции от ЛПХ во всех расходах на продовольственные товары домохозяйства (логарифм)	3,11	1,29
<u>Независимые переменные:</u>		
Число членов домохозяйства, занятых в сельском хозяйстве	0,26	0,59
Число членов домохозяйства, занятых в промышленности	0,30	0,57
Число членов домохозяйства, занятых в сфере услуг	0,31	0,62
Число незанятых членов домохозяйства	1,69	1,35
Суммарный образовательный уровень домохозяйства	2,35	0,58
Число членов домохозяйства (логарифм)	1,23	0,49
Доля женщин в домохозяйстве	0,54	0,19
<u>По возрастной структуре:</u>		
Доля детей в домохозяйстве	0,13	0,17
Доля пенсионеров в домохозяйстве	0,22	0,32
Доля трудоспособного населения в домохозяйстве (reference)	0,65	0,31
<u>По регионам:</u>		
Центральный Ф.О.	0,15	0,35
Северо-Западный Ф.О.	0,07	0,26
Южный Ф.О.	0,13	0,34
Северо-Кавказский Ф.О.	0,17	0,38
Приволжский Ф.О.	0,13	0,33
Уральский Ф.О.	0,09	0,30
Сибирский Ф.О.	0,15	0,36
Дальневосточный Ф.О. (reference)	0,11	0,31
Число наблюдений	1 954	

Источник: Рассчитано автором при использовании микроданных РМЭЗ НИУ–ВШЭ за 2007 год.

сельскохозяйственной организации, имеет высокую статистическую значимость (при уровне $p < 0.01$) и является положительной. Этот результат можно интерпретировать следующим образом: даже в условиях экономического роста в России в целом сохраняется положительная корреляция между числом занятых членов семьи в сельском хозяйстве и ролью ЛПХ в выживании для данной семьи. Даже при оценке Модели 2, где число занятых во несельскохозяйственном секторе контролируется (таблица 3), переменная, отвечающая за число членов семьи, работающих в сельскохозяйственной организации остается статистически значимой (при уровне $p < 0.01$) и положительной. Таким образом, оценка данного параметра является эмпирически устойчивой. Соответственно, уровень взаимосвязи и сосуществования сельскохозяйственных организаций и ЛПХ остается существенным со времен существования СССР. Даже спустя 20 лет с момента перехода экономики России на рыночные условия, роль ЛПХ, как механизма компенсации низкого уровня заработной платы в сельском хозяйстве, остается значительной.

4.2. Переориентация и расширение основного вида деятельности и сокращение роли ЛПХ в сельском хозяйстве

В колонке 2 таблицы 3 представлены результаты эмпирической оценки Гипотезы 2 (Модель 2):

Гипотеза 2:

Переориентация и расширение основного вида деятельности сельских жителей уменьшает роль ЛПХ как стратегии экономического выживания.

Переменные, отвечающие за уровень занятости как в промышленности так и в сфере услуг, имеют высокую статистическую значимость (при уровне $p < 0.01$) и при этом получают отрицательный знак. Данные результаты можно интерпретировать как тенденцию к сокращению роли ЛПХ в стратегии выживания для сельских жителей. Как

Структура занятости на селе и ЛПХ

Таблица 3: Определяющие ЛПХ как стратегии выживания

	Модель 1		Модель 2	
Число членов домохозяйства, занятых в сельском хозяйстве	0,319	***	0,194	***
Число членов домохозяйства, занятых в промышленности			-0,171	***
Число членов домохозяйства, занятых в сфере услуг			-0,381	***
Число незанятых членов домохозяйства	0,211	***	0,089	***
Суммарный образовательный уровень домохозяйства	-0,192	**	-0,142	*
Число членов домохозяйства (логарифм)	-0,114		0,259	**
Доля женщин в домохозяйстве	-0,107		-0,064	
По возрастной структуре домохозяйства (vs. доля трудоспособного населения):				
Доля детей в домохозяйстве	0,281		-0,215	
Доля пенсионеров в домохозяйстве	-0,076		-0,081	
По регионам (vs. Дальневосточный Ф.О.):				
Центральный Ф.О.	-0,472	***	-0,424	***
Северо-Западный Ф.О.	-1,486	***	-1,452	***
Южный Ф.О.	0,324	***	0,372	***
Северо-Кавказский Ф.О.	0,406	***	0,439	***
Приволжский Ф.О.	-0,153		-0,103	
Уральский Ф.О.	-0,150		-0,037	
Сибирский Ф.О.	0,209	**	0,226	**
Константа	3,363	***	3,196	***
F-statistics	42,05		41,79	
Adjusted R ²	0,23		0,25	
R ²	0,23		0,26	
Число наблюдений	1 954		1 954	

Примечания: *** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,10.

Источник: Рассчитано автором с использованием микроданных РМЭЗ НИУ–ВШЭ за 2007 г.

было указано ранее, в анкету РМЭЗ НИУ–ВШЭ вопрос об отраслевой характеристике занятости каждого работающего члена семьи был включен лишь начиная с 2004 года. В данной связи, сравнительный анализ структуры распределения занятости сельских жителей по отраслям в начальный период перехода к рыночным отношениям невозможен. В данной статье структура распределение занятости сельских жителей по отраслям проанализирована начиная с 2004 года. В таблице 4 приведено распределение работающих сельских жителей по отраслям с 2004 по 2009 годы. Так как в список отраслей после 2004 года была включена энергетическая промышленность, простое сравнение доли занятости между 2004 и последующими годами невозможно. Но для наглядности данные за 2004 год были также включены в таблицу 4. При том что доля занятых в сельском хозяйстве остается высокой, ее уровень постепенно сокращается.¹³ Эта тенденция сокращения совпадает с результатами работы Lerman et al. (2008), в которой была проанализирована дифференциация источников доходов сельских жителей в Пермской и Ивановской областях в 2006 году.

Как было показано выше, переориентация и расширение деятельности сельских жителей может служить объяснением сокращения доли занятости в сельском хозяйстве и соответственно ЛПХ как стратегии выживания. В колонке 2 таблицы 3 представлены результаты оценки Модели 2, где рассчитанный коэффициент переменной, отвечающей за уровень занятости в промышленности, составляет $-0,171$, а коэффициент для переменной, отвечающей за уровень занятости в сфере услуг, составляет $-0,381$. То есть, роль занятости в сфере услуг особенно существенно влияет на сокращение занятости в ЛПХ. Рассчитанный коэффициент для переменной, отвечающей за присутствие в семье работника, основной деятельностью которого является занятость в сельском хозяйстве, имеет высокую статистическую значимо-

¹³ В 1990 году доля сельскохозяйственных и лесохозяйственных работающих в общих занятых в России составила 13,2%, а в 2007 году – 10,2%. Кроме того, в 1990 году доля работающих в отрасли услуг в общих занятых в России составила 7,8%, а в 2007 году она достигала 19,1% (Госкомстат России 2003; Росстат 2010).

Структура занятости на селе и ЛПХ

Таблица 4: Распределение занятых на основной работе по отраслям на селе за 2004–2009 гг.

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Легкая промышленность	4,3	5,7	5,5	5,0	5,6	4,6
Гражданское машиностроение	0,6	1,2	1,5	1,2	1,8	1,5
Военно-промышленный комплекс	0,3	0,1	0,1	0,3	0,6	0,2
Нефтегазовая промышленность	2,8	2,1	2,2	1,8	1,9	2,0
Другая отрасль тяжелой промышленности	2,0	1,6	2,3	2,6	2,3	1,8
Строительство	3,9	5,3	5,3	7,8	6,4	7,9
Транспорт и связь	7,9	6,8	8,0	7,4	8,1	7,5
Сельское хозяйство	29,4	24,7	19,6	17,3	18,2	16,9
Органы управления	2,0	1,8	2,9	3,0	2,9	2,8
Образование	12,9	12,8	12,8	13,4	13,0	14,2
Наука и культура	1,9	3,0	3,9	4,1	4,2	2,9
Здравоохранение	7,2	7,4	8,0	7,8	7,6	7,7
Армия, МВД и органы безопасности	3,2	3,0	4,6	4,4	4,3	4,7
Торговля и бытовое обслуживание	16,6	15,3	13,4	14,3	16,4	15,7
Финансы	0,5	0,8	1,1	0,9	1,1	1,8
Энергетическая промышленность	N.A.	1,2	1,2	1,0	1,3	0,8
ЖКХ	1,9	4,7	5,2	5,9	4,4	5,1
Другое	2,5	2,5	2,5	1,8	0,1	1,9
Все	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Число наблюдений	789	760	1 032	1 034	1 005	981

Примечания: С 2005 года энергетическая промышленность включена в категорию отрасли. В 2006 году произошло расширение выборки РМЭЗ НИУ–ВШЭ (с учетом сохранения репрезентативности на национальном уровне). В связи с этим, число наблюдений репрезентативных по России увеличилось в 2005–2006 годы.

Источник: Данные РМЭЗ НИУ–ВШЭ.

Таблица 5: ЛПХ как стратегия выживания (включая переменную по размеру помещения земли): МНК-регрессия

	Модель 1А		Модель 2А	
Число членов домохозяйства, занятых в сельском хозяйстве	0,220	***	0,110	**
Число членов домохозяйства, занятых в промышленности			-0,167	***
Число членов домохозяйства, занятых в сфере услуг			-0,307	***
Число незанятых членов домохозяйства	0,141	***	0,039	
Суммарный образовательный уровень домохозяйства	-0,118		-0,080	
Число членов домохозяйства (логарифм)	-0,136		0,174	
Доля женщин в домохозяйстве	0,005		0,018	
По возрастной структуре домохозяйства (vs. доля трудоспособного населения):				
Доля детей в домохозяйстве	0,104		-0,307	
Доля пенсионеров в домохозяйстве	-0,0003		-0,011	
Размер помещения земли [сотка] (логарифм)	0,480	***	0,462	***
По регионам (vs. Дальневосточный Ф.О.):				
Центральный Ф.О.	-0,526	***	-0,484	***
Северо-Западный Ф.О.	-1,298	***	-1,263	***
Южный Ф.О.	0,242	**	0,276	***
Северо-Кавказский Ф.О.	0,377	***	0,414	***
Приволжский Ф.О.	-0,453	***	-0,396	***
Уральский Ф.О.	-0,038		0,055	
Сибирский Ф.О.	0,351	***	0,359	***
Константа	2,111		2,045	***
F-statistics	58,4		55,3	
Adjusted R2	0,32		0,33	
R2	0,32		0,34	
Число наблюдений	1 849		1 849	

Примечания: *** p < 0,01. ** p < 0,05. * p < 0,10.

Источник: Рассчитано автором с использованием микроданных РМЭЗ НИУ–ВШЭ за 2007 г.

сть и является положительным. Можно предположить, что такая зависимость существует как результат позитивного соотношения между занятостью какого-либо члена семьи в сельском хозяйстве и высокой ролью ЛПХ для такого вида семьи. В результате, роль ЛПХ остается высокой, даже при том, что члены семьи переориентируют и расширяют спектр деятельности с сельского хозяйства на другие отрасли.

4.3. Эмпирическая устойчивость результатов анализа

В данном разделе рассмотрена эмпирическая устойчивость трех параметров: числа занятых в сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг, при контроле размера помещений земли под ЛПХ. В таблице 5 представлены результаты оценки Моделей 1 и 2 с добавлением логарифма размера помещений земли под ЛПХ, которые соответствуют Модели 1А и Модели 2А.¹⁴

С целью проверки эмпирической устойчивости результатов, альтернативное определение роли ЛПХ представлено параметром логарифма размера помещений и земельных участков под ЛПХ. Так как размер урожая тесно коррелирует с размером земельного участка, ожидаемый результат не должен значительно отличаться от предыдущих расчетов в Моделях 1 и 2. Как показано в таблице 5, коэффициент логарифма размера помещений и земли под ЛПХ имеет высокую статистическую значимости и является положительным. При этом остальные параметры регрессии не меняют свой знак и остаются статистически значимыми, что является подтверждением эмпирической устойчивости наших расчетов.

5. Заключение

В данной работе было проанализировано изменение роли ЛПХ как

¹⁴ По семье отобранной для анализа, медиана размера ее помещений земли под ЛПХ составила 15 соток и средний размер – 40 соток.

стратегии выживания для сельских жителей со времен Советского Союза до периода перехода к рыночной экономике. В 2000-е годы, когда закончилась трансформационная депрессия, в России на селе постепенно сократился сельскохозяйственный сектор. В то же время внесельскохозяйственная занятость постепенно увеличивалась. В 2007 году, спустя 20 лет после начала перехода к рыночной экономике, в результате постепенного проникания рыночных отношений в российское село, расширялась несельскохозяйственная занятость, особенно в сфере услуг. Это способствовало сокращению роли ЛПХ как стратегии выживания.

Хотя вышесказанное изменение имело место, ЛПХ по-прежнему ведется почти всеми сельскими семьями и пока еще остается стратегией выживания для сельских жителей. Однако здесь нужно отметить, что роль ЛПХ как стратегии выживания для сельских домашних хозяйств зависит от того, в каких отраслях работают члены домохозяйств. Для домохозяйств, у которых больше работающих в сельскохозяйственном секторе, по-прежнему ЛПХ играет важную роль в выживании. Эти эмпирические результаты подтверждаются тем, что ЛПХ компенсирует низкий уровень заработной платы в сельскохозяйственном секторе, а также тем фактом, что, как и раньше, ЛПХ продолжает быть взаимосвязанным с сельскохозяйственной организацией.

Таким образом, в данной работе эмпирически было показано, что постепенное расширение несельскохозяйственной занятости может уменьшить роль ЛПХ как стратегии выживания в России, но, вместе с тем, для домохозяйств, у которых есть работающий (либо работающие) в сельскохозяйственном секторе член семьи, роль ЛПХ в выживании пока еще остается большой. Все это означает, что даже при экономическом росте сама занятость в ЛПХ остается социально-культурной традицией (привычкой), глубоко укоренившейся в селе. Следовательно, в случае если экономическое положение семьи ухудшится, ЛПХ всегда может играть активную роль в выживании для сельских семей.

Reference

- Lerman, Z., Serova, E., and Zvyagintsev, D. 2008, "Diversification of rural incomes and non-farm rural employment: Survey evidence from Russia," *Journal of Peasant Studies*, 35 (1), 60–79.
- Li, T. and Zhang, J. 1998, "Returns to education under collective and household farming in China," *Journal of Development Economics*, 56, pp. 307–335.
- Lokshin, M.M. and Yemtsov, R. 2004, "Household strategies of coping with shocks in post-crisis Russia," *Review of Development Economics*, 8 (1), pp. 15–32.
- Ogloblin, C. and Brock, G. 2006, "Wage determination in rural Russia: A stochastic frontier model," *Post-Communist Economies*, 18 (3), pp. 315–326.
- Pallot, J. and Nefedova, T. 2003, "Geographical differentiation in household plot production in rural Russia," *Eurasian Geography and Economics*, 44 (1) pp. 40–64.
- Seeth, H.T., Chachnov, S., Surinov, A., and Von Braun, J. 1998, "Russian poverty: Muddling through economic transition with garden plots," *World Development*, 26 (9), pp. 1611–1623.
- Алашеев С., Варшавская Е., Карелина М. 1999. Подсобное хозяйство городской семьи // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. Кабашины В., Кларка С. М.: РОССПЭН, С. 127–155.
- Гимпельсон В.Е. 2002. Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? // Препринт WP/2002/03. М.: ГУ–ВШЭ.
- Госкомстат России. 1998. Сельское хозяйство в России. М.: Госкомстат России.
- Госкомстат России. 2002. Сельское хозяйство в России. М.: Госкомстат России.
- Госкомстат России. 2001. Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России.
- Госкомстат России. 2003. Российский статистический ежегодник. М.:

Госкомстат России.

Капельюшников Р.И. 2006. Занятость в домашних хозяйствах населения // Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшникова. Москва: ГУ–ВШЭ, С. 224–280.

Росстат. 2007. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат.

Росстат. 2010. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат.

Nobe, K., 2003, *Introduction to the Study on Agricultural Reforms in the CIS countries: Agriculture in the Former USSR during the Transition*. Policy Research Institute, Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries (PRIMAFF).

Takeda, Y., 2011, *Economic Analysis of Poverty in Transitional Russia: A Microeconometric Approach*, University of Tokyo Press.

Matsui, N., 1999, “The Kolkhoz and peasant household’s plots in the ex-USSR,” *Economic Studies* (Hokkaido University), 48 (3), pp. 25–41.

Yamamura, R., 1997, *Land Reform in Russia*, Taga Shyuppan.

Приложение: Структура производства основных видов сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств (в процентах общего объема производства)

	1970	1975	1980	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
	Сельскохозяйственные организации																							
Зерно	99,6	99,4	99,6	99,6	99,7	99,4	97,4	94,2	94,2	94,4	94,6	93,0	92,3	92,0	90,7	88,2	87,0	84,4	81,5	80,6	78,9	78,8	78,1	78,2
Сахарная свекла	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	97,8	95,8	95,8	95,9	96,0	95,7	95,2	93,8	94,4	93,6	92,0	88,9	88,8	88,4	87,3	87,9	89,2	89,3
Семена подсолнечника	98,5	98,0	97,9	98,8	98,6	98,4	93,0	88,6	88,2	86,3	87,0	87,8	87,6	86,1	84,4	81,9	78,5	76,7	74,3	72,1	70,1	69,9	70,7	70,7
Картофель	34,9	41,1	34,6	39,0	33,9	27,6	21,2	16,5	11,0	9,2	8,9	7,7	7,8	7,0	6,5	6,3	7,0	7,1	8,0	8,4	9,6	10,1	11,4	13,1
Овощи	59,3	64,1	67,2	75,0	69,9	53,4	44,5	34,5	32,2	25,3	22,1	22,2	18,6	20,9	19,9	17,8	19,4	20,9	19,4	18,7	20,1	18,9	19,2	18,4
Фрукты и ягоды	53,1	-	53,7	-	49,5	-	-	-	-	22,5	-	-	-	-	15,7	-	14,0	23,6	14,9	20,7	16,3	21	19,3	17,4
Скот и птица на убой	67,5	70,8	70,2	74,2	75,2	69,4	64,0	59,4	55,4	49,9	46,7	42,5	41,5	38,9	40,3	41,0	42,5	43,7	44,3	46,2	48,6	51,2	54,3	57,5
Молоко	66,4	72,2	73,1	75,0	76,2	73,9	68,1	64,2	60,0	57,1	53,1	51,3	50,1	48,6	47,3	47,2	47,7	46,2	45,1	45,1	45,1	44,3	44,0	44,5
Яйца	52,1	65,4	73,2	77,5	78,4	77,8	73,9	72,7	70,9	69,4	68,4	69,2	69,5	70,1	70,9	71,4	72,4	72,7	72,5	73,6	74,6	74,4	74,6	75,7
Шерсть	79,2	80,2	80,5	79,8	75,5	71,7	67,0	62,8	60,2	53,0	49,8	44,3	40,0	37,6	37,5	35,2	31,7	31,5	29,2	25,7	22,5	21,2	18,4	19,8
Мед	48,6	45,2	42,3	40,0	30,6	29,2	22,4	19,7	15,9	14,2	13,2	10,9	9,9	9,7	9,7	7,8	7,0	6,6	6,2	5,5	5,3	5,0	4,6	4,1
	Хозяйства населения																							
Зерно	0,4	0,6	0,4	0,4	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,9	0,8	0,8	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8	1,1	1,0	1,1	1,1	1,0	0,9	0,9
Сахарная свекла	0,0	-	0,0	-	0,0	0,02	0,2	0,3	0,7	0,6	0,7	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	0,9	0,9	0,8	1,1	0,8	0,7	1,0	0,9
Семена подсолнечника	1,5	2,0	2,1	1,2	1,4	1,2	1,2	1,5	1,6	1,4	1,6	1,4	1,5	1,3	1,4	1,9	1,1	1,0	0,6	0,5	0,3	0,4	0,4	0,4
Картофель	65,1	58,9	65,4	61,0	66,1	72,2	78,0	82,5	88,1	89,9	90,2	91,3	91,2	92,0	92,4	92,5	91,3	90,9	89,3	88,8	86,4	85,5	83,5	81,1
Овощи	40,7	35,9	32,8	25,0	30,1	46,4	54,7	64,5	66,7	73,4	76,8	76,3	79,6	77,0	77,9	79,9	77,6	75,3	74,8	74,4	71,2	72,4	70,7	71,3
Фрукты и ягоды	46,9	-	46,3	-	50,5	-	-	-	-	77,4	-	-	-	-	84,1	-	85,8	75,9	84,7	78,4	82,8	77,9	79,1	81,2
Скот и птица на убой	32,5	29,2	29,8	25,8	24,8	30,5	35,3	39,5	43,2	48,6	51,6	55,9	56,9	59,4	57,9	57,1	55,6	54,1	53,5	51,4	48,8	45,9	42,7	39,5

Окончание приложения

Молоко	33,6	27,8	26,9	25,0	23,8	26,0	31,4	34,7	38,7	41,4	45,4	47,2	48,3	49,7	50,9	50,9	50,2	51,3	52,0	51,8	51,3	51,7	51,7	51,1
Яйца	47,9	34,6	26,8	22,5	21,6	22,2	26,0	27,1	28,8	30,2	31,2	30,4	30,1	29,5	28,7	28,1	27,0	26,8	27,0	25,7	24,7	24,8	24,5	23,5
Шерсть	20,8	19,8	19,5	20,2	24,5	28,2	32,2	35,4	37,1	42,5	45,9	51,3	55,0	56,9	57,1	58,8	60,4	57,6	57,1	54,7	52,9	55,7	55,4	53,8
Мед	51,4	54,8	57,7	60,0	69,4	70,2	76,3	78,0	81,9	83,7	84,7	87,0	88,1	88,3	88,2	89,8	90,7	90,7	90,8	91,6	91,8	91,6	92,0	92,6
Крестьянские (фермерские) хозяйства																								
Зерно	-	-	-	-	0,01	2,1	5,2	5,1	4,7	4,7	4,6	6,2	6,8	7,1	8,4	11,0	12,2	14,5	17,5	18,3	20,0	20,2	21,0	20,9
Сахарная свекла	-	-	-	-	0,01	2,0	3,9	3,5	3,5	3,5	3,3	3,5	4,0	5,4	4,9	5,7	7,1	10,2	10,4	10,5	11,9	11,4	9,8	9,8
Семена подсолнечника	-	-	-	-	0,0	5,8	9,9	10,2	12,3	12,3	11,4	10,8	10,9	12,6	14,2	16,2	20,4	22,3	25,1	27,4	29,6	29,7	28,9	28,9
Картофель	-	-	-	-	0,0	0,8	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9	1,0	1,0	1,0	1,1	1,2	1,7	2,0	2,7	2,8	4,0	4,4	5,1	5,8
Овощи	-	-	-	-	0,0	0,8	1,0	1,1	1,3	1,3	1,1	1,5	1,8	2,1	2,2	2,3	3,0	3,8	5,8	6,9	8,7	8,7	10,1	10,3
Фрукты и ягоды	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,1	-	-	-	-	0,2	-	0,2	0,5	0,4	0,9	0,9	1,1	1,6	1,4
Скот и птица на убой	-	-	-	-	0,01	0,7	1,1	1,4	1,5	1,5	1,7	1,6	1,6	1,7	1,8	1,9	1,9	2,2	2,2	2,4	2,6	2,9	3,0	3,0
Молоко	-	-	-	-	0,0	0,5	1,1	1,3	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,7	1,8	1,9	2,1	2,5	2,9	3,1	3,6	4,0	4,3	4,4
Яйца	-	-	-	-	-	0,1	0,2	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,5	0,6	0,5	0,5	0,7	0,7	0,8	0,9	0,8
Шерсть	-	-	-	-	0,0	0,8	1,8	2,7	4,5	4,5	4,3	4,4	5,0	5,5	5,4	6,0	7,9	10,9	13,7	19,6	24,6	23,1	26,2	26,4
Мед	-	-	-	-	-	1,3	2,3	2,2	2,1	2,1	2,1	2,1	2,0	2,0	2,1	2,4	2,3	2,7	3,0	2,9	2,9	3,4	3,4	3,3

Источники: Госкомстат России. Российский статистический ежегодник (2001, С. 402; 2003, С. 406) ; Росстат. Российский статистический ежегодник (2010, С. 412).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АСАОКА Дзэндзи д. и. н., доцент гуманитарно-социологического отделения Фукусимского государственного университета

ДОБРОНОЖЕНКО Галина Федоровна д. и. н., доцент, зав. кафедрой истории, политологии и социологии, Сыктывкарского государственного университета

КИМУРА Масанори д. э. н., профессор стоматологического института Мацумото

КОЗНОВА Ирина Евгеньевна д. и. н., ведущий научный сотрудник Института философии РАН

КОНДРАШИН Виктор Викторович д. и. н., профессор, зав. кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского

РОГАЛИНА Нина Львовна д. и. н., профессор кафедры отечественной истории XX – начала XXI в. исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

ТАКЭДА Юка д. э. н., доцент Института экономических исследований государственного университета Хитоцубаси

ХИРООКА Наоко к. э. н., внештатный преподаватель факультета иностранных языков Токийского государственного университета иностранных языков

ЧОЙ Джаедонг д. э. н., доцент экономического факультета Кейо университета

CIRJE-R-9 The 20th Century and Rural Russia II

Center for International Research on the Japanese Economy

Graduate School of Economics, the University of Tokyo

Hongo 7-3-1, Bunkyo-ku, Tokyo, JAPAN 113-0033

TEL: +81-3-5841-5644; FAX: +81-3-5841-8294
